

Анна Дашевская

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

ПРОЛОГ

Госпожа Редфилд сидела в удобном кресле, пила чай и молчала. Сказать ей было решительно нечего, поскольку в присутствии монаршей особы употреблять обценную лексику не рекомендуется, а другие слова на язык не шли.

В соседнем кресле точно так же помалкивал начальник дворцовой охраны короля Луи XI. Вообще-то Грунгаху было легче, он мог пробормотать под нос что-нибудь неразборчивое на родном языке, поскольку его величество орочьего не знал. Ну не знал настолько, чтобы разобрать ругательства.

Король дошел до центрального окна кабинета, выглянул в него, постучал пальцами по стеклу и резко повернулся.

— Итак, господа, мне нужна ваша помощь.

— Ваше величество, я простой охранник... — начал было Грунгах, но договорить ему не дали.

— Смею думать, что даже лакеев в этом дворце простыми не назовешь, — сказал король с любезной улыбкой. — А уж главу моей личной охраны тем более.

— То есть отказаться от этой высокой чести мы не можем? — спросила Лавиния.

Его величество покачал головой.

— Простите, баронесса, но вопрос одновременно чрезвычайно деликатный, неприятный для меня и требующий особой... я бы сказал, проницательности. Вы и эрхэм — те, кому я доверяю безоговорочно, вы оба способны выдавать нестандартные решения... — Тут восхваляемые переглянулись, и в глазах их появилась тоска. — Вы однажды спасли мне жизнь, так вот, я сравню решение этой проблемы с повторением того... поступка.

— Хорошо, — решила наконец госпожа Редфилд. — Деваться нам некуда, ваше величество, поэтому рассказывайте подробности.

— Подробности... — Луи вздохнул и потер затылок. — Государственный совет требует, чтобы я женился. Королева погибла пять лет назад, наследник есть, и я считал, что меня оставят в покое. Но вот нет...

— Некоторым очень плохо, когда другим хорошо, — пробормотал Грунгах.

Его повелитель только махнул рукой и продолжил:

— Поскольку Шарлотта-Луиза была принцессой из Дойчланда, теперь наши старцы считают, что я должен взять в жены дочь одного из наших, галльских аристократов.

— Ага, и, разумеется, каждый старец рассчитывает пропихнуть свою внучку или племянницу, — прокомментировала Лавиния. — И все же, ваше величество, почему не старшая статс-дама или кто-то из службы мажордома? Почему мы? Я маг-боевик, следовательно, мое дело — не трепетные девицы, а темные маги!

— Скажи уж честно, что трепетных девиц ты просто опасаясь, — пробормотал орк.

— Скажу, — кивнула она. — Опасаюсь. Потому что не очень знаю, чего от них ждать в следующую минуту.

Король пристукнул ладонью по столу.

— Я вам обоим абсолютно доверяю. Ни один из вас не сделает попытки провести выгодную ему кандидатуру на роль королевы. Вы спасли мне жизнь. Довольно ли этих причин?

— Да, ваше величество! — хором ответили ошарашенные.

— Тогда вот вам список тех, кого нужно проверить. — На стол перед каждым лег лист бумаги. — Вот открытое письмо о полном содействии и вперед! Мне есть чем заняться

помимо обсуждения женитьбы!

Оказавшись за дверью королевского кабинета, Грунтах и госпожа Редфилд переглянулись, покосились на королевского секретаря господина Форарльберга, вроде бы полностью погруженного в бумаги, и орк предложил:

— Пойдем ко мне, обсудим это все.

Кабинета как такового у начальника королевской охраны не было, да и не сидел он обычно на месте, деля время между казармой, тренировочной площадкой и теми пунктами, где оказывался его величество: от большого бального зала до дома очередной метрессы. Поэтому отправились они в жилые апартаменты Грунгаха, где и расположились в гостиной. Лавиния развернула письмо, прочла его и непочтительно присвистнула:

— Вот уже второй раз король дает мне такой открытый лист! Я еще в прошлый раз думала, что мое криминальное воображение совершенно не развито, а то можно было бы так развернуться...

— Дай взглянуть. — Грунгах отобрал у нее документ и прочел:

«Госпожа Лавиния Редфилд является полномочным исполнителем Нашей воли в королевстве Галлия, а равно на его зарубежных территориях. Любое противодействие требованиям или просьбам указанной госпожи Редфилд Мы будем считать преступлением против королевской власти и карать по всей строгости закона.

— У тебя такое же? — спросила магичка, разворачивая свиток. — Да, слово в слово. Ну что же, давай глянем список...

Перечень гипотетических невест состоял из десяти имен, около каждого рукой Форарльберга были сделаны пометки типа «постоянно проживает в поместье» или «учится в коллеже Сорбонны».

— Шесть в поместьях, две студентки, две светских дамы, — подвел итог орк. — Твои предложения?

— Предложения... — задумчиво повторила Лавиния. — Нам вроде никаких точных сроков не ставили, так? Сегодня третье июня, последний экзамен я должна принять шестого, после чего проведу собрание факультета и могу быть свободна.

— Ну и?.. — не понял ее Грунгах.

— И проеду по этим поместьям, познакомлюсь с девицами и погляжу, кто из них и почему нам не подходит.

— Долго получится, — с сомнением покачал головой орк.

— Ничего не долго! С таким открытым листом я могу пользоваться стационарными порталами до любого ближайшего городка, там брать у мэра экипаж и добираться до поместья. Двух дней общения с девицей и ее родителями — более чем достаточно, можно отправляться дальше.

— Они тебя съедят.

— Подавятся. Тем более что я не собираюсь никому раскрывать цель визита. Да и вообще могу приезжать не под своим именем, а прикрыться маской. — Увлеченная идеей, госпожа Редфилд встала и прошлась по комнате. — Только надо заранее знать, на какой козе к кому подъезжать, так что ты, пока я буду возиться со студентами, добудешь мне подробные досье по каждой семье.

— Магические не смогу.

— И не надо, их я возьму в магбезопасности. Обычные — краткая история рода, кто чем

отличился, кто на чем попадался, есть или нет магические способности. Уверена, на любого галлийского аристократа можно нарыть две бочки грязи, вопрос только в том, какого она будет цвета.

— Ладно, принято. Одна поедешь? — Грунгах подлил гостье травяного чая и поставил перед ней вазочку со степным медом.

— Мм... знаешь ты мои слабости, — простонала она, отправляя ложку меда в рот. — Нет, думаю, возьму с собой пару студентов. Вот кто лучше всех сдаст экзамен, тех и возьму. Что ж, пора мне. Спасибо за мед... и помни, с тебя причитается за то, что ты втянул меня в эту историю!

— Какой экзамен-то? — крикнул он Лавинии вслед, и уже из-за закрывающейся двери услышал ответ:

— Правовое обеспечение расследования магических преступлений!

ГЛАВА 1

— Н-ну? — поинтересовалась я, попинав ногой колеса того, что мэр города Шана-ла Мутер гордо именовал экипажем. — Кто готов поуправлять этим... транспортным средством?

Мои ученики переглянулись, и высокий блондин пожал плечами.

— Давайте я попробую.

— Хорошо, Траси, приступайте к изучению агрегата. А вы, Дюнуа, порепетируйте роль студентки-ботаника. Текст помните?

— Да, профессор. — Скромная Валери Дюнуа позволила себе каплю ехидства. — Что-то мне подсказывает, что первой из роли выйдете вы, профессор.

В ответ я только рассмеялась.

Изучив список невест, я отложила в сторону досье на тех, кто живет в своих поместьях с родителями. Начну с них, а Грунгах пока понаблюдает за теми четырьмя девушками, что находятся в Лютеции.

Недолго думая я решила придерживаться географически-алфавитного принципа, то есть начать с первой по алфавиту фамилии и двигаться далее. В конце концов, в любом более или менее заметном городе Галлии есть стационарный портал, а у меня — и я похлопала себя по карману — есть открытое письмо от его величества, позволяющее не то что экипаж у мэра забрать, а даже из дома его выгнать и самой там поселиться.

По результатам экзамена у четвертого курса лучшими вполне ожидаемо были Анри де Бюссон де Буа-Траси, младший сын заместителя главы казначейства его величества, и Валери Дюнуа, девушка, выросшая в приюте Святого Сердца. В самом начале их обучения я сознательно столкнула лбами этих двоих для того, чтобы молодой человек перестал пыжиться, а девушка — дичиться.

Могу сказать, что это мне удалось.

Первой в списке гипотетических невест значилась Мари-Адельфина л'Этан Сарсена, дочь барона, проживающая с семьей в окрестностях Клермон-Ферран. Ну что ж, в Оверни — лесной заповедник, почему бы нам не представиться проверяющими из королевского лесного бюро? Обсудим с бароном, которому, между прочим, принадлежат окрестные земли на много квадратных километров, лесопользование, выборочные рубки, обновление старых насаждений и прочие подробности.

Шана-ла Мутер, город с населением в три тысячи жителей, оказался ближайшим к шато Сарсена, где был стационарный портал. Изучив то, что мэр города мог предоставить мне в качестве транспорта, я уже было пригорюнилась, поскольку выбор был между странного вида фаэтоном, запряженным парой меланхоличных одров, и тем самым экипажем, на который с большим сомнением взирал сейчас Анри.

— Фиалы с элементарями-то хоть заряжены? — с тяжким вздохом спросил он у секретаря мэра.

— А как же! И недели не прошло, как заряжали!

Дорога от города в поместье шла через лес. Сейчас, ясным июньским утром, пронизанный солнечными лучами, он был необыкновенно красив, и первые несколько километров мы просто молчали и любовались. Потом экипаж тряхнуло на подвернувшейся кочке, и я очнулась.

— Итак, роли распределены. Валери?

— Девочка-одуванчик должна подкатить к мадемуазель Мари-Адельфине с чириканьем а-ля подружки, ну там бантики, рюши, мода, духи, маленькие собачки...

— Не переигрывай, сначала посмотри, чем она дышит, — кивнула я. — Вполне может быть, что девушка предпочитает спортивный стиль и любит охотничьих собак. Анри?

— Ваш помощник, изнемогающий от тупого занудства чиновницы. Потолкую со слугами, возможно, с баронским секретарем.

— Хорошо. Что мы должны узнать?

— Характер девушки, умение адаптироваться, есть ли какие-то привязанности или любовь всей жизни, интересы, пристрастия и неприязни, — отрапортовала Валери.

— Хорошо, — повторила я.

Воцарилось молчание, слышны стали птичьи трели из проплывающего мимо орешника. Нарушила тишину Валери:

— Профессор, а почему вы не пошли стандартным путем?

— В смысле?

— Ну вот я читала, как делают — собирают девушек во дворце, дают им всякие задания, кто лучше всех все выполнит, та и станет женой принца... ой, ну то есть короля.

— Такая ситуация хороша только в романах, — ответила я. — А в нашем случае... его величество не особо сильно хочет нового брака, просто старцы из Государственного совета очень уж на него насели. И афишировать это заранее он не желает, дабы избежать ажиотажа и всяческих спекуляций. Наше дело — понять, кто из девушек категорически не подходит на роль королевы, и отсеять их, не пробуждая излишних надежд. Останутся две или три, вот тогда уже король лично рассмотрит кандидатуры.

— И он вам вот так доверяет?

— Получается, что да...

Вскоре мы увидели впереди указатель «Шато Сарсена» и аллею платанов, ведущую вправо от дороги. Анри аккуратно повернул, и мы покатали по ней.

— Хорошая дорога, — заметил он одобрительно. — Лучше, чем государственная.

— Значит, барон заботится о своих владениях, — ответила Валери.

— Или у него разумный управляющий... — добавила я.

Аллея упиралась в причудливую решетку ворот. В чугунный узор были вплетены буквы А, Э и С, окруженные вьющимися виноградными лозами. Анри выскочил из экипажа, подошел к воротам и дернул за шнур колокола, висящего справа. Несколько минут ничего не происходило, и Буа-Траси уже собрался позвонить еще раз, когда из-за кустов вышел немолодой мужчина в зеленой куртке и спросил:

— Что вам угодно?

— Баронесса Редфилд из королевского лесного бюро с проверкой! — напыщенно провозгласил Анри.

Человек за воротами посмотрел внимательно — в какой-то момент я уверилась, что он маг и изучает наши ауры, — и, коротко поклонившись, сказал:

— Прошу вас подождать, я свяжусь с управляющим.

Зеленая куртка вновь исчезла за кустами. Я откинулась на бугристые подушки экипажа и стала глядеть на плывущие облака.

К немалому моему удивлению, мужчина вновь возник у ворот буквально через минуту и с поклоном сказал:

— Прошу вас, госпожа баронесса, господи!

Створки ворот покачнулись и плавно раскрылись, Анри активировал двигатель, и наше транспортное средство плавно покатило по дороге, обрамленной невысокими стриженными кустами.

Особняк открылся впереди после поворота дороги — прекрасный дом с белыми колоннами и высокими полуциркульными окнами на втором этаже. У крыльца цвела клумба с синими, белыми и желтыми цветами, виноград увивал террасу.

— Белый, синий и желтый — цвета рода Сарсена, — негромко сообщила Валери. — В гербе у них две рыбы, серебряная и золотая, на лазурном поле, норманнский щит, наверху — серебряный охотничий рожок.

Анри непочтительно присвистнул. Впрочем, имел право — герб семейства де Буа-Траси описать было бы куда сложнее.

На ступенях крыльца нас ждал дворецкий столь классического облика, что я даже расчувствовалась: высокий, сухопарый, с длинными бакенбардами и бледно-серыми глазами.

— Госпожа баронесса, — поклонился он, когда Анри с соответствующими поклонами извлек меня из экипажа. — Добро пожаловать в шато Сарсена. Горничная проводит вас и ваших спутников в гостевые комнаты, его милость будет рад приветствовать вас в своем кабинете через полчаса.

Ну вот, нам сразу дали понять, что мы не гости, а прибыли по делу. Впрочем, это же истинная правда, какой там предмет обсуждения я предполагала, выборочные рубки?

Комната, отведенная для баронессы Редфилд, была не слишком большой, но уютной. Немалым достоинством ее были окна, выходящие в сад, и большой балкон. Конечно, курить здесь я не стану, не следует разрушать образ, но приятно будет поглядеть на цветущие клумбы... да и выбраться из окна при необходимости будет просто.

Получаса мне хватило, чтобы переодеться из дорожной одежды в легкий льняной костюм, повторить лесоводческие термины и прикинуть план предстоящей беседы. Оказалось, правда, что это ни к чему, но уж тут моей вины не было вовсе.

В кабинет барона Сарсена я отправилась, взяв с собой Анри в качестве секретаря и предоставив Валери свободу действий. Мне представлялось, что она пойдет погулять в сад, из вежливости к ней отправят составить компанию интересующую нас Мари-Адельфину и... чем Темный не шутит, может, мы сразу и освободимся, поняв, что девушка категорически не подходит на роль королевы.

Барон сидел за письменным столом и что-то сосредоточенно разглядывал в чашке Петри. За его плечом стояла миловидная темноволосая девушка лет двадцати в легком платье и, склонившись, смотрела туда же. Я заметила в стеклянном узилище крупного черного жука с длинными усами, но в этот момент дворецкий доложил:

— Баронесса Редфилд!

Хозяин дома поднял голову и встал, девушка отошла в сторонку.

— Добрый день! — Голос у барона оказался приятным, баритон с легкой хрипотцой. — Прошу, присаживайтесь. Итак, госпожа баронесса, вы представляете королевское лесное бюро? Очень вовремя, должен вам сказать, просто исключительно вовремя! Я уже готов был писать и приглашать специалиста!

Девушка за его спиной негромко сказала:

— Папа!

— Ох, прости, дорогая! — Сарсена, не глядя, протянул руку и подтянул юную леди поближе. — Разрешите представить вам мою дочь Мари-Адельфину.

— Рада знакомству. — Я коротко кивнула. — Меня сопровождает секретарь Анри де Бюссон.

Молодой человек, стоящий за моей спиной, прищелкнул каблуками.

— Итак, чем обязан вниманию лесного ведомства? Впрочем, нет! Не будем разводить бюрократические церемонии. Скажите мне, баронесса, на ваш взгляд специалиста, вот это тетропиум или черный хвойный усач?

Я уцепилась за предоставленную лазейку.

— А где его нашли?

— Вот! — Хозяин дома наставительно поднял палец и повернулся к дочери. — Вот! Я же говорил тебе, что это решающий фактор!

— Насколько мне известно, эти виды жуков являются олигофагами, — вступил в разговор Анри. — Следовательно, по месту обитания данного экземпляра можно понять, какую именно защиту, какие заклинания следует использовать для сохранения массива...

Ну все, теперь оба представителя семейства Сарсена будут заняты какое-то время обсуждением усатого вредителя, а я присмотрюсь к ним, вспомню, что о них сказано в материалах, переданных мне коллегами.

Итак, глава семьи Жильбер Антуан л'Этан Сарсена, девятый барон. Темные, коротко стриженные волосы, карие глаза, жилистая невысокая фигура. Выглядит лет на сорок, по досье ему шестьдесят шесть. Маг земли. Жена, дочь, сын. Владеет весьма значительным куском земли рядом с городом Клермон-Ферран плюс небольшой серебряный рудник и фабрика столового серебра. Хм, разумно, все в одних руках.

Но главное богатство этой семьи — леса, преимущественно лиственные: дуб, бук, граб... Ах да! Вот, кстати, ему и мебельная фабрика принадлежит.

Дочь Мари-Адельфина. Брюнетка с чуть длинноватым носом, хорошенькая, но не более того. Судя по тому, что принимает активное участие в обсуждении методов борьбы с жуками, хозяйством живо интересуется. Тоже, как и у отца, магия земли и небольшая доля стихии жизни. Хорошее сочетание, просто отличное!

Ставим плюстик, да?

Над моей головой увлеченно обсуждали судьбу несчастных насекомых, и я поняла, что Анри тоже не оплошал: и хозяева дома, спецы по лесному хозяйству, в его квалификации не усомнились. Я улыбалась, изредка вставляя пару слов, особенно когда речь зашла об охранных амулетах и волновом магическом воздействии.

Наконец вдохновленный Сарсена отодвинул чашку Петри и сказал:

— Прошу простить, госпожа баронесса, я с ходу подключил вас к решению моих насущных проблем, а ведь вы приехали по своему делу.

— Безусловно! — Я слегка улыбнулась. — И вы его уже успешно разрешили. Моей задачей было проверить землепользование, охрану лесных массивов и выполнение прочих правил. Собственно, за время нашей беседы я убедилась, что в ваших лесах и жук самовольно не пролетит! Остались сушие пустышки.

Интересно, почему это при данных словах отец и дочь переглянулись? И почему его брови чуть сдвинулись, а губы крепко сжались? Ох, чувствую я, рано нам уезжать отсюда...

С другой стороны, моя задача — понять, что собой представляет девица и описать ее сколь возможно подробнее. Так что в любом случае еще день нужно пробыть в поместье, пообщаться с хозяевами, прислужгой и сделать выводы.

Я встала, вновь любезно улыбнулась и сказала:

— Прошу меня простить, я вас покину. Мне нужно написать несколько писем. Возможно, мадемуазель л'Этан Сарсена покажет моим помощникам сад?

И сбежала.

Вернувшись в отведенную мне комнату, я повесила щит от прослушивания и набрала на коммуникаторе номер ректора академии в Лютеции Жоржа де Кайонна. Он был средней силы магом, но зато великолепным администратором, и нужные мне материалы мог найти втрое быстрее, чем любой из архимагов.

— Господин ректор, мое почтение! — начала я вежливо и немедленно получила в ответ возмущенный вопль:

— Лавиния, какого Темного? Где тебя носит?

— А в чем, собственно, дело? — осторожно поинтересовалась я, одновременно пытаюсь сообразить, какое судьбоносное заседание я пропустила. — Экзамены я приняла, о том, что уезжаю по делам магбезопасности, предупредила...

— А о том, что в сентябре к нам приедут два десятка колдунов вуду из Нувель Орлеана, сообщать мне кто должен? Призрак короля Рене?

— Боги, до сентября еще дожить надо! Жорж, не говори ерунды.

— Ладно, — буркнул почтенный господин ректор. — Чего хотела, не просто же так звонишь?

— Мне нужна копия книги из библиотеки...

— К Либеру не пойду!

Не знаю уж отчего, но ректор академии наотрез отказывался даже встречаться с хранителем библиотеки Либером. Какая-то за этим всем стоит история, любопытно было бы узнать.

— Конечно, не пойдешь. Секретаршу пошли.

— Ладно... — согласился он. — Какая книга?

Я сказала.

Кайонн не поверил, переспросил и, услышав подтверждение, захохотал. Смеялся он долго, утирал слезы, сморкался и всхлипывал, пока мне это не надоело.

— Не поняла твоего веселья, — холодно произнесла я. — Но раз уж это так сложно, я попрошу кого-нибудь другого.

— Нет-нет, Лавиния! — откашлявшись, унял хохот ректор. — Конечно, я pošлю Жанну в библиотеку. Вот уже пишу записку: копии всех имеющихся пособий и справочников по уничтожению вредителей леса, изданных за последние сто лет. Извини, я просто представил себе, как великий архимаг, командер Службы магической безопасности Лавиния Редфилд с сачком охотится за гусеницами...

Мои губы тоже дрогнули в улыбке, когда я ответила:

— Все даже не за гусеницами — за жуками!

И отключилась.

За окном царил июнь. Кусты роз изнемогали под полуденными лучами, и запах от них волнами докатывался до комнаты. Поморщившись, я поставила воздушный экран и

продолжала наблюдать за Мари-Адельфиной, которая водила по саду моих студентов, о чем-то оживленно им рассказывая.

Изящная девушка. Хорошо двигается и сложена вполне неплохо — ну на современный лад. Лет двести назад при тогдашней моде она считалась бы недокормленной худышкой и на брачном рынке не котировалась бы. Такое впечатление, что темой садов, растениями вообще она увлечена довольно сильно. Интересно, а как обстоят у нас дела с травами? А то тут вырисовывается много возможностей как для потребления, так и для злоупотребления. Была когда-то в Лации дама по имени Джованна деи Каттанеи, пожелавшая подняться над всеми, ею-то и был изобретен яд, долгое время не имевший противоядия, знаменитая кантарелла. Биография дамы изложена в источниках весьма скупо, но достоверно известно, что ее матушка Менчия Каттанеи Джакопи была самой известной травницей своего времени.

Отгнав непрошенные воспоминания, я вновь взглянула в окно: к компании присоединился молодой человек, столь схожий лицом с дочерью барона Сарсена, что не приходилось сомневаться — это сын и наследник Себастьян. Студент университета в Лугадун-Лионне по специальности... ах да! Все та же магия земли. И изучает он правоведение в сфере землепользования.

«Ой-ой-ой, — подумала я. — В таком обществе специалистов по лесному хозяйству я буду выглядеть словно жук на листе бумаги. Ага, вот именно, черный хвойный усач!»

Ладно, в случае чего переключим разговор на столичные новости, полагаю, что де Буа-Траси иногда пересекается со своей матушкой, одной из известнейших светских дам Лютеции, так что тему для разговора найти сможет.

В большой гостиной шато Сарсена сегодня вечером было многолюдно и шумно. Помимо незваных гостей приехали и давно приглашенные, как оказалось, на празднование дня рождения хозяйки дома. Я взглянула на хозяйку — темно-каштановые волосы, зеленые глаза, хороша собой и знает это, и негромко сказала Анри:

— Я сейчас выйду и поднимусь в свою комнату, ты минут через пять за мной.

В моих апартаментах было тихо и прохладно, из сада доносилось пение какой-то птицы и пахло жасмином. Подумав и еще раз представив баронессу, я зажмурилась и стала мысленно лепить из текущего сквозь меня магического потока цветов орхидеи сорта *Lucaste* — золотисто-оранжевый, размером с мужскую ладонь, с нежным и чуть пряным ароматом. Открыв глаза, придирчиво осмотрела получившийся цветок, добавила в чашечку сверкающую каплю росы и прицепила золотую булавку к стеблю.

— Ух ты какая! Это иллюзия? — спросил вовремя пришедший студент.

— Нет, вполне материальный цветок, — улыбнулась я. — Крупный предмет таким образом не сотворишь, как и что-то из неживой материи. Камень или железо, шкаф или табуретку можно только перетащить откуда-то, ну а вот такую мелочь... Так, осталось только упаковать. Будет удобнее, если эту безделушку в качестве подарка баронессе преподнесешь ты.

— Да, госпожа профессор. Но ведь упаковку, бумажную или стеклянную, так сделать нельзя, я правильно понял?

— Нельзя. Но у меня тут есть кое-что... — Я запустила руку в пространственный карман и достала купленную когда-то в Серениссиме чашу из молочно-белого стекла с зеленой спиралью. — По-моему, подходит.

Анри аккуратно взял в руки стеклянный сосуд, я положила в него орхидею и удовлетворенно отряхнула ладони.

— Профессор, — осторожно спросил Анри, убирая подарок в свой пространственный карман, — неужели вы знали о дне рождения хозяйки дома и взяли это с собой?

Я неопределенно пожала плечами. Не говорить же своему ученику, что я об этой чаше просто забыла и случайно на нее наткнулась, когда доставала трубку и табак.

Гости, кажется, и не заметили нашего отсутствия... Хотя нет, вон тот бородач посмотрел очень внимательно. Ну мало ли, может, у него дурной вкус и ему понравилась моя фигура или прическа?

Юная дочь хозяев сидела за роялем и что-то наигрывала, Анри подошел к ней, склонился и стал переворачивать ноты. Валери под села рядом на табуретку, девушки переглянулись и стали играть в четыре руки. Обыкновенный вечер в провинциальном обществе, почему ж у меня в затылке будто комар зудит?

Сидя в кресле, я держала в левой руке бокал, пропускала мимо ушей болтовню сидящей рядом пожилой дамы о разведении роз и разглядывала магоснимки, рамки с которыми теснились на крышке рояля. Семья в сборе — барон с супругой, сын, дочь. Дети отдельно: сын в магистерской мантии и со свитком в руках, дочь в бальном платье. Какие-то незнакомые лица... Стоп, а вот этого я видела совсем недавно. Ну конечно же, это тот бородач с дурным вкусом — только на снимке он лет на двадцать моложе, гладко выбрит и обнимает баронессу за плечи. Родственник? Хм, и, похоже, близкий: я только сейчас, присмотревшись внимательно, поняла, что у обоих глаза одинакового необычного ярко-зеленого цвета.

Брат.

А представлен он был... Да, представлен он был как господин Гренель, и все, точка. При этом я отлично помню, что до замужества госпожа баронесса звалась Мадлен де ла Миртуа и была дочерью графа.

Весьма интересно. Может быть, в этом и есть причина напряжения, проскальзывающего в благородном семействе?

Как я поняла, хозяева не стали организовывать парадный ужин из-за слишком большого количества гостей, и официанты в белых перчатках разносили на подносах какие-то канапе, шу с разными начинками, шпажки с нанизанным на них сыром и виноградом и прочее. Девушки закончили играть, и хозяин дома с бокалом игристого — вина в руке стал читать стихотворное поздравление жене. Баронесса мило краснела и прикрывала довольную улыбку веером. Я посмотрела на Анри и, дождавшись ответного взгляда, медленно опустила веки. Мой студент правильно понял сигнал и отправился вручать подарок, вызвав у присутствующих дам поток охов и ахов. Мадлен Сарсена приколола орхидею к волосам и благодарно улыбнулась. Празднование продолжалось.

Незадолго до полуночи я постаралась незаметно покинуть общество. Не прошло и пяти минут, как раздался стук, и Валери со своим неизменным спутником вошла в комнату.

— Итак, ваши впечатления? — спросила я, жестом предлагая им садиться.

Начала, как всегда, девушка.

— Хорошие люди, — сказала она уверенно. — О своих землях барон заботится, как мало кто, сына готовит в продолжатели. Дочь разумная, с неплохим магическим потенциалом. Интересуется не только модой и романами, но и о них поговорить тоже может. Мы с ними в саду были довольно долго, они и розарий показали, и персиковый сад, и аптекарский огород, и конюшни. Все как надо, профессор.

— А ты что скажешь, Анри?

— Знаете, профессор, вроде я согласен со всем, что сказала Валери. Хорошие люди и все такое. Но что-то тут не так. Слишком глянцевая картинка.

— Ну, знаешь, немытую посуду посторонним не показывают! — возмутилась она.

— И тем не менее... Ну, например, почему такая охрана на въезде? Вы заметили, что

ограда полностью под щитом, там не то что незваный гость, мышь не проскользнет! Или прием сегодняшней — ни одного наемного официанта, только свои. Даже двух конюхов переодели в белые куртки и поставили разносить бокалы.

— Но нас же пустили! — возразила Валери. — Может, это просто разумная экономия, потому и не нанимают посторонних.

— Нас пустили, потому что мы предъявили подлинные документы с магическими печатями. Но этот тип на воротах нас сканировал. И если бы отпечатки аур не совпадали с теми, которые в удостоверениях, мы бы на территорию поместья не попали!

— А что, там есть наши ау로그램мы? — Валери удивилась.

— Мы же здесь в качестве королевских чиновников... — ответила я. — Ты в курсе, какое наказание применяется к гражданину Галлии, выдающему себя за королевского чиновника?

Ответили они, как часто бывало, одновременно, но на сей раз по-разному. Валери ожидаемо поинтересовалась:

— Нет. А какое?

Анри же спросил:

— Только Галлии?

— В разных государствах Союза королевств предусмотрены разные наказания. В Галлии — год тюрьмы без права досрочного освобождения или замены штрафом. А в Спанье, например, такой преступник на тот же год приговаривается к общественным работам в таких местах, куда и гоблина не особо заманишь. В ассенизационный обоз, например. Или санитаром в инфекционную больницу. Или на работу на хлопковых плантациях.

Молодые люди переглянулись, видимо примеряя на себя такое наказание, и в один голос сказали:

— Брр!

— Ну так вот, — продолжила я. — По понятным теперь причинам документы королевских чиновников снабжают их ау로그램мами и заверяют магической печатью. Но вернемся все же в шато Сарсена, вы не против?

— Да, профессор! То есть нет, не против.

— Ну хорошо. Так вот, напоминаю вам, что мы здесь не для того, чтобы вытаскивать какие-нибудь скелеты из шкафов почтенного семейства л'Этан Сарсена. Нам нужно всего лишь оценить, подходит ли очаровательная Мари-Адельфина для того, чтобы стать невестой его величества. И при этом мы можем даже никому и не объяснять, почему — да. Или почему — нет. Мы отчитываемся непосредственно перед королем.

— Не подходит! — раздался вдруг неожиданный голос со стороны камина.

С интересом я увидела, как мраморное сооружение беззвучно повернулось, и в открывшемся темном проходе смутно забелело платье.

— Мадам Сарсена, вот неожиданность! — сказала я. — Признаться, я думала, вы заглянете несколько позже.

Хозяйка дома перешагнула невидимую для нас линию, отделявшую потайной ход от гостевой комнаты, и небрежным жестом вернула на место камин. Я добавила мощности магическому фонарику и с удовольствием отметила, что в поместье Сарсена даже потайные ходы держатся в чистоте: на длинном и довольно пышном платье баронессы не было ни пылинки.

Пройдя в комнату, мадам улыбнулась и села в кресло, сложила руки на коленях и сказала мне:

— Видите ли, я сразу поняла, что никакого отношения к королевскому лесному бюро вы не имеете.

Я поморщилась.

— Что, неужели мы в чем-то серьезно ошиблись?

— Нет, что вы! Просто я точно знала, что госпожа Лавиния Редфилд, баронесса Редфилд, она же командер Службы магической безопасности, к лесному ведомству точно не имеет никакого отношения. И столь же ясно, что вы не можете быть самозванкой, значит, какое-то поручение от его величества у вас есть.

— Мы с вами не встречались ранее, — покачала я головой. — У меня хорошая память.

— Не сомневаюсь... — Мадлен Сарсена чуть затянула паузу, потом весело рассмеялась. — Не напрягайтесь так, просто один из моих двоюродных племянников учился у вас лет десять назад. Когда он приезжал к нам в гости, а это бывало каждые каникулы, более ни о ком он говорить не мог, только о профессоре Редфилд. И магоснимок показывал, вы читаете лекцию. Так что все объясняется обыкновением совпадением, не более того.

— Я не очень люблю такие случайности, — холодно ответил Анри, вставая у меня за плечом.

— Ш-ш, спокойно, — пригасила я его порыв. — Это и в самом деле совпадение. Итак, вы нас раскрыли и решили послушать, о чем же пойдет речь.

— Да. И удачно попала, услышав самую суть дела.

— Мари-Адельфина не ваша дочь? — внезапно спросила Валери. — Вы вторая жена барона?

— Нет. — Мадам была все так же спокойна. — Она моя дочь, и я очень ее люблю.

— У девушки уже есть сердечная склонность к кому-то? — предположил Анри.

Откинувшись на спинку кресла, я с удовольствием наблюдала за этим перебрасыванием мячика.

— Ее сердце абсолютно свободно. Давайте я расскажу, в чем дело, и вам не придется угадывать, хорошо? Так вот, госпожа Редфилд, я заметила, что вы всматривались в лицо моего брата... да, он здесь под чужим именем, и, боюсь, ему придется прожить под ним остаток жизни. Дело в том, что двадцать лет назад он участвовал в так называемых локальных конфликтах.

— Парс?

— Хуже, Кушанское царство. Все резали всех, и наши войска, насколько могли, пытались спасти мирное население.

— Разве там такое было? — с горечью переспросила я.

— Точно не знаю, но я слышала об этом. — Мадлен Сарсена сглотнула. — От брата. В Белуджистане он попал в плен. Все это время мы считали его погибшим, но полгода назад он неожиданно появился у меня на пороге.

— Он не был предателем или дезертиром... — сказала я, и по опущенному взгляду женщины поняла, что совсем не все чисто в этой истории.

— Мишель мой брат. Он не пойдет в королевскую тюрьму, я его не отдам! — с нажимом сказала она. — Но это значит, что мои дети должны прожить жизнь вдалеке от столицы, от государственных постов, чтобы не вызвать интереса у сплетников и журналистов.

Студенты у меня за спиной затаились как мыши. Я помолчала немного и сказала:

— Ну что же... Как представитель королевского лесного бюро я нахожу, что в баронстве прекрасно поставлено хозяйство, никаких претензий по нашему ведомству не будет. Так

что, как не жаль, но завтра утром мы отбываем.

Хозяйка дома тщательно разгладила платье на коленях и встала.

— Мне тоже очень жаль, что вы не сможете погостить подольше! И... ах да, благодарю вас за подарок, цветок прекрасен. Я сохраню его на добрую память.

За ее спиной захлопнулась дверь, и молодые люди отмерли.

— Почему?.. — спросила Валери.

— Потому что все окружающие будут рассматривать под лупой не только саму новую королеву, но и ее прошлое, родственников, свойственников и соседей. И такой жирный шмат грязи, как дядюшка-дезертир, не упростит жизнь его величества.

— Вы... расскажете о нем, профессор?

— С какой стати? Мы не занимаемся армейскими проблемами. Наше дело — маги. Ну и немножечко королевские невесты...

Письмо по электронной почте от Мари-Адельфины л'Этан Сарсена к Делии фон Бирхенберг, школьной подруге:

«...Пожалуй, о таких вещах сестра Эулалия нам не рассказывала.

О, к нам пожаловала целая делегация... небольшая, всего три человека, но зато весьма представительная! Так вот, они припылили в наше богами забытое поместье, чтобы проверить, подхожу ли я его величеству Луи в качестве будущей жены. Нет, то, о чем ты подумала, они не проверяли. И снова нет, речь шла не о приданом, не о моем примерном поведении и уж вовсе не о внешности. А вот что именно их интересовало, я узнать не смогла: ровно в тот момент, когда мама отправилась в комнату к главе этой самой делегации, мой амулет подслушивания перестал работать! И это очень обидно, потому что, во-первых, он прекрасно функционировал в предыдущих случаях; в частности, я успешно послушала разговор гостей перед ужином, собственно, оттуда и узнала о цели их приезда. И во-вторых, теперь я в сомнениях, стоит ли усиленно готовиться к поездке в Лютецию (если меня включат в число избранных) или подтолкнуть уже сына графа Росслера к признанию и помолвке.

Надеюсь, мама все-таки расскажет мне о результатах этой беседы, потому что новый амулет я в ближайшее время достать не смогу, нашего мэтра Розье в это лучше не посвящать, а в город я выберусь только через неделю.

Что же касается полученного тобой предложения о работе ассистентки на кафедре травоведения в университете Хайдельберга, то, я считаю, оно превосходно в качестве стартовой ступеньки. Если бы у меня был такой талант к травам, как у тебя, я бы и думать не стала о замужестве в ближайшие десять-пятнадцать лет».

Жильбер Антуан стоял за спиной супруги, расчесывавшей волосы перед зеркалом, и рассматривал ее отражение.

— Ты считаешь, мне не нужно поговорить с госпожой Редфилд? — спросил он, отходя наконец в сторону.

— Если только тебе нужно получить что-нибудь от Магической академии, — ответила Мадлен, откладывая в сторону щетку и заплетая косу. — Например, мага вместо мэтра Розье. Старик слишком уж увлекся содержимым бочонка с келимасом, подаренным ему на столетие.

Барон покачал головой, рассеянно расставляя флаконы на ночном столике.

— Не думаю, что нам нужен в хозяйстве молодой маг с боевого факультета.

— Ключевое слово здесь «молодой»? — улыбнулась мадам, поймав его взгляд в зеркале. — Или «боевой», а, Жиль?

— Боевик вряд ли справится с поддержанием биоценоза, а молодому человеку нечего делать рядом с Мари. Ты умница и все правильно сделала, слишком сильная поддержка сверху может лишь ухудшить дела. Нам надо восстановить все то, что мой отец так неразумно растратил.

И он поцеловал поочередно каждый пальчик на ее левой руке.

Наутро за завтраком барон затеял с моими студентами спор о достоинствах и недостатках лошадей породы нормандский сель. Валери горячилась, доказывая, что у этих животных слишком спокойный характер и разгорячить их должным образом к скачкам невозможно. Себастьян утверждал, что это ерунда в сравнении с великолепной прыгучестью селя. Взглянув на ухмыляющегося Анри, я вспомнила, что его семье принадлежит один из крупнейших конезаводов в Сант-Лю, и сказала лениво:

— Вы можете поспорить и провести проверку... ну, например, на скачках в Довиле.

— В середине августа? — оживился Себастьян.

— Да, с двенадцатого, по-моему.

— Отлично! Мы как раз обсуждали с родителями, где провести длинные выходные! Значит, увидимся там, уверен, что Мари тоже будет рада.

Анри активировал фиалы с огненными и воздушными элементами, мы с Валери уселись на свои места, и наш экипаж тронулся с места. Выдержали студенты не более пяти минут, после чего молодой человек поинтересовался:

— Профессор, а зачем вам нужно, чтобы они приехали в Довиль?

— Подумай, — ответила я, раскуривая трубку.

— Думать можно долго? — азартно спросила Валери.

— До начала следующего визита, а он начнется... — Я взглянула на часы. — Примерно через три-четыре часа.

— И у нас по плану?..

— Граф Рикар, его дочь Франсуаза и их виноградники в Монтраше.

ГЛАВА 2

По зрелом размышлении я решила оставить в покое алфавит, равно как и географический принцип, и положиться на волю случая. Вообще-то, первоначально я планировала после шато Сарсена отправиться на юг, в Аквитанию. Однако вчера один из гостей, приехавших поздравлять баронессу с днем рождения, упомянул в разговоре Этьена, графа Скавуа де Рикара, и со смешком намекнул на некие проблемы в благородном семействе.

Ну что же, светские сплетни не в первый и не в последний раз станут основанием для расследования. К сожалению, я в тот момент стояла довольно далеко от рассказчика и даже не могла подобраться поближе, поскольку была намертво загнана в угол престарелой дамой, настойчиво интересовавшейся, не могла ли она знать в Люнденвике мою матушку или даже бабушку? «Давно, ой, деточка, лет восемьдесят уже прошло! Но вы так на нее похожи, просто одно лицо...»

И не было никакой возможности тактично объяснить даме, что знала она, скорее всего, меня саму, и даже под угрозой заключения в Рейвенхерст, тюрьму для магов, я ее не смогу вспомнить.

Так что, увы, суть сплетни от меня ускользнула. Но имя было названо, и имя это присутствовало в списке короля. А раз уж нам совершенно все равно, куда именно держать путь, значит, отправимся в Бургонь.

— Вот думаю, стоит ли мне и дальше действовать под своим именем? — поделилась я сомнениями со студентами. — Неловко как-то получилось...

— Думаю, масок у вас немало, — пожал плечами Анри.

— Вот как раз ошибаешься! Мне редко удается выдержать роль, обычно маска начинает трещать по швам максимум на второй день.

— Не помещаетесь? — с милой улыбкой поинтересовалась Валери. — Чувство собственного величия не влезает?

— Тройка по практике! — пригрозила я и тут же прикусила язык на ухабе.

— Ничего не получится, госпожа профессор, практика у нас неофициальная, без оценок!

И юные негодяи переглянулись.

Готова спорить на собственный фамильный особняк против собачьей будки, эти дети будут долго провоцировать меня, ища границы дозволенного... Что-либо доказывать было лень, так что после щелчка пальцами оба замолчали на полуфразе.

На полчаса, — ласково улыбнулась я, открыла окно экипажа и подставила лицо нежарким солнечным лучам.

В порталной Клермон-Феррана была очередь.

Очередь! На услугу, которая стоит в зависимости от дальности перехода от сотни дукатов и выше. Я злобно фыркнула и извлекла из кармана то самое письмо его величества, которым предписывается оказывать помощь, всячески способствовать и так далее, и развернула его перед носом сонного мага. Реакция меня удолетворила: разглядев печать, он заполошно вскочил, приложил перстень к запертой двери одной из кабин, распахнул ее и склонился в поклоне.

— В Лютецию, — произнесла я прежде, чем успел что-нибудь сказать Анри, освобожденный от оков безмолвия (это не я так велеречива, так заклинание называется, честное слово!).

Зажмуренные глаза, миг легкой тошноты, и мы ступаем на мозаичный пол порталного зала в Консьержери — огромного, на сотню кабин, чем-то похожего одновременно на собор и на вокзал.

— Итак, я предлагаю встретиться здесь же через два часа, — сказала я, поворачиваясь к студентам. — Вам же хватит этого времени, чтобы забежать домой, перекусить и прихватить одежду на следующие два или три дня.

Они переглянулись, и Анри ответил:

— Лично мне точно не хватит, потому что в это время матушка как раз завтракает и потребует от меня полного отчета. Так что я — с Валери в общежитие.

Девушка улыбнулась ему и добавила:

— И я... мы хотели попросить вас, профессор. Пожалуйста, больше не делайте так. — И она щелкнула пальцами. — На нас, я имею в виду.

— Та-ак! — Остановившись на полушаге, я осмотрела их напряженные лица и осведомилась: — Бунт на корабле?

— Ни в коей мере. — Несмотря на небольшое ментальное давление с моей стороны, голос Анри оставался спокойным и даже почти безмятежным. — Просто просьба учеников к учителю.

— Тогда план меняется. Мы отправляемся ко мне пить чай с булочками и разговаривать.

Портал в свой дом я открываю автоматически и в любом состоянии. Мой драгоценный Бакстон возник в прихожей ровно через секунду после того, как мы втроем вышли из светящегося сиреневым овала. Иногда я думаю, что у настоящих дворецких, экономок и горничных наверняка есть какая-то своя особая магия, совершенно не доступная более никому, даже архимагам. Ну вот тот же мой дворецкий: в какое бы время суток, в какой бы компании и в каком бы состоянии я не появилась, во фраке встречает меня и моих гостей, стоя на том же самом месте, — на правом завитке зеленого ковра в холле.

— Доброе утро, — кивнула я ему и побежала по лестнице наверх, договаривая на ходу: — Бакстон, проводите молодых людей освежиться с дороги и подайте чай в голубую гостиную, я пока загляну в кабинет.

В кабинете было прохладно и тихо, тяжелые шторы отгораживали комнату от шумной летней Лютеции, от пришедшего наконец-то тепла, запаха цветущих лип, шума Сены под окном. Движение пальцев, и в воздухе над рабочим столом развернулась карта Бургони. Я долго вглядывалась в окрестности столицы винодельческого региона — городка Бон, в четкие линии виноградников и ниточку дороги, которая должна привести нас в замок Рикар-Монтраше. Отвлек меня от этого занятия негромкий хлопок, с которым материализовался передо мной магический вестник. Взяв в руки пакет, я вскрыла его и долго в задумчивости смотрела на три нетолстые брошюры, лежавшие внутри: «Техника лесоводства», «Широколиственные леса центральной Галлии и их вредители» и «Растительные яды. Их получение и применение в полевых условиях».

— О святая Бригита! — Наконец-то до меня дошло. — Хранитель библиотеки, только вчера ведь просила у него материалы по лесам, а уже неактуально. Впрочем...

Отложив первые две книжечки, я с интересом полистала третью и, мысленно попросив прощения у хранителя Либера и всей Магической академии, сунула ее в пространственный карман.

Пригодится.

Студенты, по всей вероятности в должной мере освеженные, сидели в гостиной и истребляли ванильные булочки, пончики с корицей и прочие сладости. Бакстон налил мне чай в мою любимую чашку и вышел, плотно затворив двери. Я выдернула из-под пальцев Анри последнюю плюшку с заварным кремом и сказала, прожевав ее:

— На вас не было щитов. Не надо удивленно поднимать брови. Если я смогла бросить на вас обоих простейшее заклинание немоты, значит, в тот момент все щиты были сняты.

— Но мы же были с вами, профессор!

— Вы хотите сказать, что рассчитывали на мою защиту?

— Нет, но...

Перебив замявшегося Анри, Валери взяла разговор в свои руки:

— Мы считали, что можем не опасаться именно вас! И, следовательно, можем от вас не защищаться.

— Вы будущие боевые маги. — Я отставила чашку и выпрямилась. — Вполне возможно, что один из вас — или вы оба — придете работать в Службу магбезопасности. Это означает, что при любых обстоятельствах вы должны быть готовы к отражению нападения. За дружеским ужином, в купальне, на лодке посреди озера, где угодно — на вас должны быть щиты. В супружеской спальне, если одному или обоим придет в голову связать себя узами брака. Снимать щиты вы можете пока что только на полигонах и в лабораториях академии, да и то после того, как об этом вам скажу я. Это понятно?

— Да, профессор, — кивнула побледневшая отчего-то Валери.

— Понятно, — поддержал ее Анри, потом помотал головой и добавил: — Нам, вообще-то, уже... пришло в голову. Мы поженимся после защиты дипломов.

В ответ я промолчала. В самом деле, что могла сказать о браке этим двум детям женщина, побывавшая замужем трижды, магичка, прожившая на белом свете четыре сотни лет — и каких лет! — что могла бы я им сообщить такого, что повысило бы их безопасность или умения?

Ничего.

Ну ничего об их личных планах мной и не было сказано. Мы обсуждали следующий этап нашего путешествия.

— Итак, замок Рикар-Монтраше... — После того как Бакстон убрал со стола поднос с чайными чашками, я раскрыла объемную карту окрестностей. — Что бросается в глаза сразу же?

— Виноградники, — отрапортовал Анри. — Впрочем, я бы это и без карты сказал, из всех вин мира отец предпочитает именно «Пюи-Монтраше», особенно 2132 года.

— Прекрасно. Что еще?

Тут студенты уже задумались, шаря глазами по зеленым холмам, ровным линиям виноградников и квадратам фруктовых садов.

— Э-э-э... — начала Валери.

— Ну, рассказывай! — подбодрила я девушку.

— Вот тут строение. — Пальцем она ткнула в точку совсем рядом с нашей целью — замком. — Похоже на монастырь, только непонятно, действующий или заброшенный.

— Неплохо. Помнится, у нас было занятие, где рассказывалось о работе с объемными магокартами.

— Ага... — Рука девушки уже увереннее сложилась в жест активации, и крохотный разряд ударил в микроколокольню.

Изображение на карте увеличилось, приблизилось так, что стало занимать почти всю ее поверхность. Можно было, словно на панорамном снимке, рассмотреть готические стрельчатые окна, летящие ввысь своды, мощные контрфорсы и аркбутаны...

— Вон окно разбито, — воскликнул Анри. — И ограда обрушилась... Зброшен, да?

Я промолчала, а Валери продолжала действовать. Новый жест, новое заклинание, и рядом со зданием возник текст.

— Ага, точно! «Монастырь закрылся в две тысячи сто четвертом году после смерти последнего монаха, здания и сооружения законсервированы», — прочитал Анри и посмотрел на меня. — Восемьдесят с лишним лет все это простояло пустым. Готов держать пари на золотой дукат против гнилой картошки, что там могла поселиться небольшая бандочка. Или какой-нибудь темный колдун с самыми зловещими замыслами.

— А мы, значит, едем все это расследовать, — глубокомысленно покивала Валери, — а ближайшее место, где можно остановиться королевским следователям, — замок местного владельца.

— Ну да, естественно... — подхватил Анри. — Если бы мы были в роли просто сыщиков, нам бы, может, и предоставили на пару ночей комнатку в пристройке для слуг, но к семейству мы бы уже близко не попали. А с вашим открытым листом...

— Вот именно. Итак, едем под своими именами... ну более или менее; тебе, дорогой мой, придется слегка сократить титул. Иначе гостеприимный хозяин крепко задумается, не пора ли его дочке замуж.

— Да ну, в первый раз, что ли! — легкомысленно отмахнулся виконт Анри де Бюссон де Буа-Траси.

— Домой зачем-нибудь заглянуть надо? — Ответом мне было дружное «нет!». — Тогда через час отправляемся, а пока можете погулять в саду.

Замок был виден издалека. Его серые башни и острые шпили, казалось, нависали над светлой зеленью виноградников, а узкие окна напоминали скорее бойницы.

— Ого, — с почтением произнес Анри, приостановив экипаж. — Профессор, это он и есть?

— Да, Рикар-Монтраше перед вами.

— Старинный, должно быть?

— Ты что, не прочитал информацию? — В голосе Валери звучала легкая насмешка. — Замок был построен почти семьсот лет назад, в конце пятнадцатого века графом Шарлем де Бофремоном, и в те времена назывался по фамилии владельца. Но граф поссорился с тогдашним королем Галлии Убальдом Тевтонцем и был казнен вместе с сыновьями, а его дочь Женевьеву выдали замуж за королевского конюшего, тогда еще барона Рикара.

— Что интересно, Бофремонам отрубили головы мечом, который за одну ночь выковал местный кузнец, — добавила я. — И меч этот по сей день хранится в музее замка с подписью «*Toujours pret pour la gloire du Roi*», что означает на старогалльском...

— «Всегда в готовности к славе короля», — перевел Анри. — Это получается, головы рубить к славе короля, так, что ли?

Я пожала плечами, а Валери добавила:

— А кузнец, должно быть, сильно не любил графа, раз так постарался... Ну так что, мы едем? — И ее кулачок чувствительно ткнул в спину молодого человека.

— Погоди минутку, — отмахнулся тот. — Я о Довиле хотел сказать...

— Говори, — кивнула я.

— Там же не просто скачки в середине августа, насколько я знаю.

— Кому и знать, как не тебе! Твой отец, если я не ошибаюсь, выставляет ежегодно трех или четырех лошадей.

— Я не о том! В этом году они посвящены второму совершеннолетию кронпринца Леопольда, и, значит, его величество Луи тоже приедет. То есть вы хотите собрать там всех девиц из списка, чтобы он взглянул своими глазами?

— Если только кого-то из них мы не отметем по совсем уж очевидным причинам, — уже привычно дополнила его слова Валери. — Мы правы?

— Правы, — вынуждена была согласиться я. — А теперь, может быть, мы поедем?

Анри активировал фиалы, и экипаж плавно тронулся с места. Минут через пять, когда башни из серого камня скрылись за поворотом, я проговорила негромко:

— А вот сейчас слева вы увидите колокольню того самого монастыря Великой Матери, в котором мы будем искать следы темных магов... От него до замка по прямой не более двух километров.

— Помнится, наш профессор учит, что прямая дорога может оказаться самой длинной, — ухмыльнулся достойный наследник королевского советника де Буа-Траси.

Наш экипаж — а на сей раз транспортное средство, выделенное для магов из столицы мэром Дижона, было новеньким, будто вчера с завода! — без дальнейших остановок докатил до ворот поместья Рикар-Монтраше. Анри отправился звонить в колокол, а Валери сказала тихо, почти прошептала:

— Страшно подумать, сколько крови выпил этот меч и как он теперь голоден...

Дворецкий здесь оказался прямой противоположностью предыдущему, из шато Сарсена: там был высокий, тощий и чопорный тип, тут — жизнерадостный толстячок, непрерывно улыбающийся. Он проводил нас в комнаты для гостей и сообщил, что его сиятельство в отъезде и будет только к ужину, а госпожа графиня готова принять нас через полчаса. Да, конечно, он пришлет лакея, чтобы проводить уважаемых магов в голубую гостиную!

Отведенная мне комната тоже была в голубых тонах — занавески, ковер, покрывало на кровати и обивка двух мягких кресел у камина, даже в вазе стояли шары голубых гортензий.

— С другой стороны, спасибо, могло ведь быть и розовое, — пробормотала я сквозь зубы и отправилась в ванную.

Вот вроде и ехали недолго, и из Лютеции до Дижона перешли порталом, не сравнить с целым днем скачки по Степи на широкой спине яка, а все равно ощущение, что пропылилась с ног до головы. Может, это старость?

Фыркнув от отвращения, я влезла под горячий душ и долго терла кожу жесткой мочалкой.

Графиня Рикар ждала нас, сидя в кресле перед накрытым чайным столом. Встав, она улыбнулась несколько смущенно:

— Уже почти тридцать лет живу в Галлии, а от привычки к пятичасовому чаю не избавилась... Прошу вас, составьте мне компанию!

Мы с Валери устроились в креслах, Анри предпочел жесткий стул, и хозяйка начала разливать чай. На трехъярусном блюде лежали кексы, булочки, сэндвичи с огурцом, пирожные и прочие маленькие радости, традиционно подаваемые к чаю в Бритвальде.

— Итак, — спросила хозяйка дома, когда был сделан первый глоток, — расскажите же, что привело эмиссаров Службы магбезопасности в наш тихий уголок?

— Вы и в самом деле считаете, что здесь ничего не происходит? — спросил Анри.

— Ну да, конечно. Вернее, не так. Происходит, разумеется, вот в феврале были заморозки, и два дня все сходили с ума, просчитывая, как защитить лозы от вымерзания и при этом не перегреть. В апреле один бездельник из Клери влез в окно левого крыла, где у нас небольшой музей, и пытался вскрыть одну из витрин, но охранный артефакт

сработал. Его забрали в тюрьму в Дижоне и вроде бы даже уже и судили. А несколько дней назад случилась сухая гроза, я не спала и смотрела, как молнии одна за другой бьют в старую монастырскую колокольню. Так страшно было! — Женщина поежилась, а студенты переглянулись и выразительно уставились на меня. — Но это все бытовые события. Ну вроде неожиданной свадьбы дочери арендатора или внезапно расцветшей синей розы на кусте белых. А у вас... расследования. Темные маги. Приключения!

— Вы любите детективные истории? — спросила Валери.

— Очень!

— Видите ли, ваше сиятельство... — начала я.

— Просто Кларисса, прошу вас!

— Хорошо. Так вот, Кларисса, к нам поступили сведения, что на территории заброшенного монастыря отмечались колебания магического фона, причем настолько сильные, что в какой-то момент отказал прибор.

— А что, эти ваши... приборы... проверяют уровень фона постоянно?

— Нет, пришлось бы накрыть сетью всю страну, это нарушило бы работу множества устройств. Проверяют точечно, честно говоря, не знаю, как они устанавливают периодичность контрольных измерений. Знаю лишь, что вот такие места, как бывшие монастыри, особо притягивают... магов-отступников.

— Ну это понятно, — тихо сказала графиня. — Обитель, где на протяжении нескольких сотен лет искренне молились Великой Матери, наверняка должна была приобрести особые свойства. То, что называется «намоленное место». Только вот чего я не понимаю: это же светлое божество, как же они могут трансформировать эту энергию в темную?

— Открою вам секрет, — ответила Валери. — Нет энергии темной и светлой, весь вопрос в применении. Конечно, та сила, что высвобождается в момент страданий или смерти, несет особый... привкус, но ее можно использовать для целительства, например.

— Неужели?

Судя по приоткрытому рту и горящим глазам, Кларисса этого не знала.

— И тому было немало примеров! Во время войны за наследство Лиаката, например, коптский царь Фустат использовал энергию смерти для залечивания ран своих воинов. Но мы отвлеклись... — Валери взглянула на меня, и я подхватила нить беседы:

— Так вот, нам нужно обследовать территорию монастыря, понять, было ли возмущение вызвано искусственно, и если да, то найти, кто это сделал.

— Всего-навсего? — Кларисса слабо улыбнулась. — Какие, право, пустяки!

— Ну, в общем-то, это и в самом деле не слишком сложная работа... Мы позволили себе попросить вашего гостеприимства, поскольку ночевать в монастыре не хочется, сыро как-то, а больше поблизости жилья и нет...

— Понимаю. Конечно, я очень рада вашему визиту! Наверное, вы начнете завтра? А сегодня я представлю вас членам моей семьи, муж вернется через пару часов, и оба наших сына с ним, мы вместе поужинаем. В половине девятого?

— Прекрасно и спасибо вам, Кларисса! — Я поднялась. — С вашего позволения, мы прогуляемся по саду, моя помощница особо интересуется розами.

Дойдя до розария, я остановилась, повернулась к студентам и подняла левую бровь.

— Гроза! — выпалили они в один голос, после чего продолжила уже Валери: — Для начала июня грозы — обычное явление, но такая долгая и без капли дождя... И молнии, сосредоточенные на шпилье колокольни. Готова спорить, что это магическое воздействие, а гроза получилась незапланированная вследствие отката.

— Интересно, интересно, — протянула я. — Других мнений нет?

Оба покрутили головами.

— Конечно, самое эффектное явление невольно притягивает взоры любопытных. Ну а на ограбление музея вы не обратили внимания, нет? Что там ты рассказывала нам о родовом мече, Валери? А вообще-то, вы оба забыли о главном. Вспомните, зачем мы сюда приехали? Вот именно, посмотреть на предполагаемую невесту.

— Слу-ушайте, а ведь любящая мать даже и не упомянула о девушке! — сообразил вдруг Анри. — О муже дважды сказала, о сыновьях обмолвилась, а дочери будто и нет?

— Вот именно. И хотя монастырь мы осмотрим, да и мимо музея не пройдем, нужно помнить об основной задаче.

— Так точно, профессор! — щелкнул каблуками Анри. — Разрешите исполнять?

— Расскажи, какой у тебя план?

— Проверю, как экипаж поставлен в конюшне, найду конюхов и водителя, заведу разговор...

— Хорошо. — Я повернулась к девушке. — А ты, Валери?

— Мм, я вот думаю лучше наведаться на кухню за рецептом кекса или поискать старшую горничную и попросить ленту, чтобы починить платье?

— И то и другое, — вмешался в обсуждение Анри. — У нас до ужина еще почти три часа, все успеем. Я еще попробую отловить дворецкого.

— Не надо, почтенным господином Брасье займусь я. Или нет, отложим его на завтра. Уверена, что к утру вопросов только прибавится! Кстати, если кто еще не догадался — ближе к полуночи мы идем в монастырь смотреть, кто там шалит.

— Если шалит, — добавила Валери, любящая, чтобы за ней оставалось последнее слово.

Студенты разошлись в разные стороны, а я осталась возле куста мелких алых розочек и задумчиво обшипывала одну из них, уже почти увядшую. За моей спиной что-то прошуршало, и хриплым голосом прошептали:

— Псс! Эй, дамочка!

Заинтригованная, я повернулась: за пышной гортензией виднелась невысокая фигурка в огромном клеенчатом фартуке и рабочих перчатках. Судя по цвету кожи и выдающемуся носу, это был гоблин, а по секатору в руке — местный садовник. Поняв, что на него обратили внимание, он замахал руками и двинулся вглубь сада, где за кустами и деревьями с трудом можно было разглядеть каменное строение, увитое виноградом.

Садовник провел меня по узкой тропинке между двумя сторожевыми шиповниками (вот честное слово, их колючки повернулись в мою сторону, когда я проходила!), распахнул дверь небольшого сарайчика и сделал приглашающий жест.

Я вошла.

Здесь было даже уютно, хотя немного зябко. Впрочем, камин горел, возле него стояли два старых кресла, заботливо укрытых лоскутными покрывалами, на окне висела кружевная занавеска, а на кровати громоздилась гора подушек под вышитой накидкой. И еще в домике — назвать его сараем было уже неловко — было безупречно чисто.

Гоблин смахнул воображаемую пыль с кресла и предложил мне сесть, что я и сделала, с любопытством уставившись на него.

— Это... — засмутился вдруг гостеприимный хозяин. — Вы, может, чаю хотите или еще чего, так только скажите, жена-то моя кухаркой у господ, так что мигом все сделает.

— Нет, спасибо, чай мы пили только что. Меня зовут Лавиния, а вас?

Я помнила, что сами гоблины фамилий не берут и никогда не называют никого по фамилии.

— Я это... садовник здесь, Вургл.

— Очень приятно. — Я протянула руку для пожатия.

Гоблин замер, стянул перчатку, вытер ладонь о штаны и торжественно ответил рукопожатием.

— Так вот, я чего сказать-то хотел... Вы не подумайте, они хорошие хозяева и платят хорошо, и кресла вон подарили. — Он с детской гордостью погладил бархатный подлокотник. — Только маленькую госпожу нужно отсюда уводить.

— Маленькая госпожа — это?..

— Мадемуазель Франсуаза. Хозяйка-то сама без магии и девочки стесняется, не знает, как быть с ней, а Франси учить надо, перегорит ведь! Она всю жизнь в саду провела, каждый кустик, почитай, мы вместе сажали, золотая девочка! — Вургл извлек из кармана фартука огромный клетчатый носовой платок и старательно высморкался.

— Так у мадемуазель Франсуазы магия жизни? Или земли?

— Нет-нет, у нее пение! — На эти слова я вытаращилась совершенно неприлично. — Франси поет, и роса прямо на глазах становится крепкой, а мучнистая роса исчезает, будто и не было!

Пение! Если это не особая вариация стихии жизни, то что тогда?

Конечно, когда-то существовала магия сирен, но этой расы уже лет триста как никто не видел в нашем мире. На них в былые времена велась настоящая охота, ведь сирена, включившая свой особый голос, может убедить кого угодно в чем угодно — отдать все, что имеет, покончить с собой, повернуть войска против сюзерена. Это разновидность ментальной магии, но куда более сильная, чем то, чем владею я. Даже более сильная, чем у орочьих шаманов.

Распрощавшись с Вурглом, я сама не заметила за размышлениями, как вернулась в дом, и очнулась в тот момент, когда наткнулась в холле на дворецкого, распекающего за что-то одну из горничных.

— О! Брасье, вы-то мне и нужны! Скажите, в поместье есть какая-нибудь информация по монастырю Великой Матери?

— Да, госпожа Редфилд, конечно, одну минуту! — Он повернулся к горничной. — Иди, Элли, и в следующий раз вытирай пыль не только перед вазами, но и за ними тоже. И рамы картин протирай! Итак, госпожа Редфилд, прошу вас пройти в библиотеку.

Комната на втором этаже в самом конце коридора была заперта на ключ. Заметив мое удивление, Брасье пояснил:

— Хозяйка велела. Девчонки сюда бегали. Знаете ли, негоже горничным читать романы.

Он достал из кармана универсальный ключ, отпер замок и, распахнув дверь, пропустил меня внутрь.

Библиотека в замке Рикар-Монтраше была не слишком большой: комната площадью метров шестьдесят, уставленная шкафами, три кресла и письменный стол. Настольный календарь застыл на апреле. «Да, судя по всему, графское семейство не жалуется это помещение! Странно, мне казалось, что предыдущий Рикар был весьма увлечен научными изысканиями по виноградарству и виноделию, — подумала я. — Ладно, это не слишком-то нас касается...»

— Итак, милейший Брасье, где мне искать материалы по монастырю?

— Вот, госпожа Редфилд. — Толстячок подвел меня к одному из дальних шкафов. — Здесь исторические материалы по графству. Думаю, вы разберетесь.

— Полагаю, что да... — Я смерила взглядом сооружение из красного дерева. — А что еще здесь есть, расскажете?

Дворецкий замялся.

— Ну-у... вот в первом шкафу возле двери — современные романы, дальше монографии по охоте, лошадям и собакам, это его сиятельство интересуется и молодых господ приучил. Возле окна — учебники, наследники его сиятельства обучались и продолжают обучаться дома. Потом справочники разнообразные, немного классической литературы...

— Очень интересно, — вяло покивала я. — А по виноделию есть что-то?

— Э-э-э... Простите, госпожа Редфилд, было, и довольно много. Но когда делали ремонт главного дома, эти книги вынесли в подвалы, скорее всего, они там.

«Догнивают, — закончила я мысленно. — Все страньше и страньше, как говорила одна девочка. Если бы я не была лично знакома с одиннадцатым графом Рикаром, я бы и не удивилась. Вот только Клемент-Лоран на своих виноградниках был буквально помешан, он скупал всю литературу, вышедшую по этой теме, да и сам написал пару статей в „Вестник“. И чтобы его сын... ладно, прошло почти восемьдесят лет, пусть его внук вот так бросил в подвале предмет дедовой страсти? Что-то тут не сходится».

Кивком отпустив господина Брасье, я раскрыла стеклянные дверцы и стала перебирать историческую литературу.

Взвесив варианты, Валери первым делом отправилась к старшей горничной. Платье у нее с собой было единственное, и на его подоле в самом деле образовалась дырка. Ну дырочка, не очень большая. Проще всего было бы залатать ее магией, а потом просто купить при случае новое платье, но раз уж нужно получить информацию от слуг, девушка решила не пренебрегать этой возможностью.

Старшую горничную звали мадам Фрессанж, она работала в доме уже почти сорок лет и, как выяснилось постепенно, была изрядно обижена на хозяйку за то, что так и не получила заслуженной и почетной должности экономки. В ее ежедневной маленькой войне с дворецким этот высокий ранг, несомненно, был бы немалым подспорьем.

По этой ли причине или по какой-то другой, но, услышав от забавной взерошенной гостьи («точно воробушек!» — подумала весьма округлая мадам) просьбу поискать кусок ленты, лиловой или сиреневой, чтобы привести в порядок платье, старшая горничная отнеслась к этому с пониманием. В кладовой был найден короб с лентами, кружевами, сутажной тесьмой и прочими необходимыми вещами, и две женщины — молодая и старая, тонкая и весьма упитанная — провели увлекательные двадцать минут, разбирая эти сокровища. Наконец Валери остановилась на подходящем варианте, и мадам Фрессанж лихо оттяпала кусок сиреневого шелка, который девушка аккуратно свернула и сунула в карман.

— Иголки и нитки у тебя есть? — Как ни старалась старшая горничная уговорить себя, что это гостья и, следовательно, нельзя воспринимать ее как любимую троюродную племянницу, ничего не получалось.

— А как же! — Валери улыбнулась. — Меня матушка научила никогда из дому не выходить без дорожного несессера.

Тут же она достала из кармана брюк и продемонстрировала маленький кожаный кошелек, в котором оказались иголочки, нитки разных цветов, несколько разнокалиберных пуговиц и совсем уж крохотный тюбик клея. Девушка не стала говорить своей собеседнице, что обычно не вылезает из специальных зачарованных кожаных штанов, которые и когтями виверны не продерешь, а мелкие предметы, которые могут понадобиться, уже научилась хранить в пространственном кармане. Да и зачем об этом знать не имеющей магии мадам Фрессанж, женщине суровой, но трепетной?

— Ну и славно! Знаешь, у меня сейчас как раз время перерыва. Пойдем-ка на кухню и выпьем там по чашке хорошего кофе, пока господин главный повар изволят отдыхать.

— А если повар отдыхает, кто же сварит кофе?

— А старушка Хамбси на что? Признаюсь тебе, этот фу-ты ну-ты великий шеф Арман Кустозо горазд только щеки раздувать да пирожные взбивать. А вот если нужно приготовить хороший антрекот или, скажем, судака по-луарски, так это к нашей маленькой кухарке.

— Погодите, вы сказали — Хамбси? Она что, гоблин?

— Ну да... — Мадам Фрессанж остановилась, уперла руки в бока и сурово посмотрела на Валери. — А ты что, имеешь что-то против этой расы?

Та пожала плечами.

— Вовсе нет, просто всегда считала, что гоблины именно к готовке не слишком склонны. Вроде кто-то мне говорил, что они ароматы пряностей не различают.

— Ой, не знаю, что там все гоблины, но вот наша Хамбси...

Мадам Фрессанж продолжала болтать, пока они спускались с третьего этажа, преодолевали длинный коридор в служебной части дома мимо дверей холодных кладовых и черного хода к кухне. Оттуда пахло яблоками, свежим хлебом и жареным мясом.

Через сорок минут, уползая с кухни с набитым животом («Кушай, деточка, что же ты такая бледненькая! Вот кусочек телячьей котлетки для румянца!»), студентка пятого курса магакадемии Лютении Валери Дюнуа чувствовала, что сейчас лопнет. Если не от пирожков тетушки Хамбси, то от обилия информации, которую надо немедленно рассортировать, записать и донести до госпожи профессора.

Анри постоял на вымощенном песчаником пяточке, покачался на каблуках, продумывая атаку на конюхов... В центре этой площадки журчал небольшой фонтан, а от него расходились четыре дорожки: к парадному входу, к воротам, конюшне и оранжерее. Возле оранжереи мелькнула белая рубашка госпожи Редфилд, молодой человек тряхнул головой и неторопливо пошел направо, разглядывая залитые заходящим солнцем клумбы.

Конюшня так только называлась: на самом деле здесь стояли два экипажа семьи Рикар, двухколесный гоночный экипаж старшего из сыновей, семнадцатилетнего Рауля, плюс четыре свободных места отводились для транспортных средств гостей. Вторая половина старинного каменного сооружения была отдана лошадям, и Анри предвкушал, как взглянет на выданный им экипаж, обсудит с местными конюхами тонкости содержания породистых скаковых, а потом уже тонко перейдет к интересующей госпожу Редфилд теме.

Но в конюшне явно происходило что-то не то: из дальнего стойла доносилось тоненькое жалобное ржание и выразительные словосочетания, используемые обычно в трудную минуту боцманами, извозчиками и рыбными торговками.

— Что случилось? — тихонько осведомился Анри у мальчишки, сидящего на чурбачке с травинкой в зубах.

— А! — Тот махнул рукой. — У Сиглави колики.

— Поподробнее, ну!

— Ох, Симаргл крылатый! — Юный любитель изящной словесности оторвался от изысканных пассажей главного конюха и повернулся к незваному гостю. — Ну парсийский жеребец хозяина, пятилетний, в самую силу вошел. Его господин наследник

брал вчера и сады объезжал... — Мальчик мотнул головой куда-то, где, видимо, находились сады. — Конечно, спросить не у кого, только, я так думаю, он жеребца-то бродить оставил...

— И что?

Младший конюх помялся, потом с неохотой ответил:

— Наследник туда, в сады, на свидания ходит к Жанне из деревни. Коня бросил небось, а тот незрелой падалицы яблоневого наелся, вот и колики от газов. Жак, старший конюх, уже и прокол сделал, и водить пытался, только, похоже, дело совсем плохо. Вон, слышите, задыхается бедняга. Надо отсюда когти рвать, не заперют, конечно, не старые времена, но хорошо точно никому не будет.

— Ясно, — бросил Анри, уже не вслушиваясь в бормотание, содрал с плеч легкую куртку и отдал ее мальчишке. — Повесь куда-нибудь, а я попробую помочь. И не уходи пока, если что, сбегаешь... куда скажу.

Целительская магия не была основной для нашего героя, но, как всякий боевик, он владел ею в степени, достаточной для оказания первой помощи. Поскольку, как мы уже говорили, конюшни его семьи славились по всей Галлии и за ее пределами, в лечении лошадей Анри разбирался отлично.

Нетрудно догадаться, что очистка кишечника лошади что магически, что обычным ветеринарным путем — занятие дурно пахнущее. Так что через полчаса парсийский жеребец, счастливо избавленный от несправедно сожраных яблок и получивший возможность вдохнуть воздух полной грудью, дремал в своем деннике, мальчишка убирал грязную солому, а студент и старший конюх, раздевшись до пояса, отмывались под струей ледяной воды из крана. Анри не стал подогревать ее, чтобы не показаться неженкой и не потерять сияющий ореол героя и спасителя в глазах Жака.

— Это... господин маг... — сказал старший конюх с некоторой осторожностью. — Не побрезгуете, может быть, только надо это дело запить.

— Да что уж теперь брезговать? — Анри с сомнением осматривал свои джинсы. Похоже, магическая очистка не сильно повлияла на их плачевный вид. — Давайте только на Сиглави еще разок посмотрим, да и присядем где-нибудь на солнышке.

Жеребец по-прежнему дремал, дышал нормально, живот его больше не был раздут, словно воздушный шар. Анри вместе со старшим конюхом сел на плотный брикет сена возле западной стены конюшни, шурясь на закатное солнце, и Жак протянул ему фляжку. Тот глотнул, причмокнул и глотнул еще раз, после чего вернул сосуд хозяину с явным сожалением.

— Вот то-то и оно! — прочувственно прокомментировал конюх и надолго присосался к горлышку.

Они помолчали, после чего Анри сказал лениво:

— Как же это он так неосторожно в сад-то забрел? Взрослый ведь уже, должен знать что к чему.

— Кто?

— Ну кто Сиглави в сад завел? Наследник графа, разве нет?

— Да какой он наследник, пыль одна да воображение! — скривился Жак. Судя по всему, загадочный напиток из фляжки и в самом деле помог ему расслабиться. — Я здесь при этой конюшне уже четвертый десяток лет работаю, так что насмотрелся. Был граф Жюльен де Рикар...

— Это когда?

— Ну вот лет двадцать пять назад умер его отец Клемент-Лоран, так и принял он права

на имущество, обязанности и прочее. Женился Жюльен, ох и свадьба была! Три ящика лучшего «Монтраше» на нас на всех выдали... — Он примолк, мечтательно жмурясь, глотнул из фляжки еще раз, уже умеренно, и протянул ее Анри. Тот только нетерпеливо мотнул головой, и конюх продолжил: — Жена его графиня Магдалена красавица, дочку родила, и все было замечательно. А потом приехал кузен хозяина откуда-то из Нового Света. Этьен...

Имя он произнес так, будто выплюнул какую-то несусветную гадость, приставшую к языку, и надолго замолчал.

«Магдалена. А хозяйка представилась как Кларисса», — подумал Анри, уже понимая, что же произошло в благородном семействе.

— Я что-то путаю или нынешнего графа Скавуа де Рикара зовут как раз Этьеном? — осторожно подтолкнул он к продолжению рассказа.

— Нет, парень. Ничего ты не путаешь. Господин граф Жюльен погиб на охоте, упал с лошади и сломал шею. И было это... — Он задумался. — Да вот восемнадцать лет уже прошло, дочке их только-только два года исполнилось тогда. Госпожа графиня уж так горевала, почернела вся, да... А через полгода вышла замуж за Этьена, и он принял ее фамилию.

— Жа-ак! — раздался откуда-то голос дворецкого.

Конюх подхватился, спрятал фляжку во внутренний карман куртки и сказал... даже не сказал, а прошипел:

— Ты только молчи, господин маг, о том, что я тут наболтал! А то и мне головы не носить, и тебе хорошо не будет.

И исчез, будто не было.

Анри вздохнул, зашел на конюшню, еще раз взглянул на вылеченного Сиглави, забрал с гвоздя свою куртку и побрел к дому. Конца истории он не услышал, но додумать ее было несложно. Надо обо всем доложить госпоже Редфилд, только хорошо бы сначала переодеться...

— Значит, и граф у нас липовый, и графиня ненастоящая. Есть только дочка... интересно, увидим ли мы ее вечером? — задумчиво сказала Валери.

— Полагаю, что девушку стараются не выпускать при гостях, — ответил Анри. — За чаем ее не было.

— За чаем мадам о ней даже не упомянула, и теперь понятно почему. — Я прошлась по комнате и сердито пнула пуфик. — Не понимаю, куда смотрела геральдическая палата? Ведь наследование титула должны были подтвердить!

— Вообще несколько странно, даже если бы наследовала дочь Жюльена Скавуа де Рикара, и то старцы из палаты должны были вцепиться в нее всеми своими беззубыми челюстями! — Анри хлопнул ладонью по колену. — Нет, но я же говорил, что здесь что-то нечисто!

— Это ты в прошлый раз говорил, — не преминула возразить Валери. — А почему должны были... хм... вцепиться?

— Да потому что в Галлии наследование ведется по мечу, а не по прялке!

— Неужели не бывает случаев?..

— Бывают! И именно для них существует геральдическая палата.

— Идиотизм какой-то, — фыркнула Валери и отвернулась.

— Вернемся все же к нашим Рикарам и не Рикарам, — призвала я их к порядку. — И прежде всего я отправлю вестник... Так, Равашалю, наверное. Запрос от руководителя

Службы магбезопасности придаст этим бюрократам немного скорости. Ага, и второй запрос — Кайонну о магии сирен. А мы с вами тем временем попробуем взглянуть на девицу и понять, все ли так печально, как нам показалось. Да, Валери, ты хотела дополнить?

— Хотела. Тетушка Хамсби и мадам Фрессанж тоже работают здесь лет сорок, а вот дворецкий пришел вместе с нынешней графиней, это ее человек. Сказанное ими подтверждает наши выводы... Только я не понимаю, должны ли мы заниматься вопросом неправильного наследования? Мы же вроде как королевских невест изучаем?

— Вопрос интересный... — Я села в кресло. — Ну, во-первых, если его величество выберет наследницу графства Рикар в качестве будущей жены, то вопрос правомочности наследственных прав на ее имение, виноградники и прочие богатства будет актуален, и еще как. Во-вторых... Понимаешь, тем и интересна работа в магбезопасности... и тем же сложна, кстати! Мы не можем пройти мимо любых магических нарушений. Если я расследую какое-то дело, ну, скажем, пытаюсь поймать некоего свихнувшегося темного мага и попутно встречаю, например, магическое убийство...

— Или, как в нашем случае, незаконное преследование магически одаренного разумного существа, — дополнил Анри.

— Да, вот именно. Так вот, в таком случае я обязана вызвать оперативника из местной магбезопасности. Если случай сложный или опасный — из Лютеции. Если ситуация «горит», то извивайся как хочешь, но решай оба дела разом.

— А вы считаете, что в данном случае сирену именно преследуют?

— Любые способности надо развивать и учить пользоваться ими, в противном случае они или увядают, или разносят хозяина на куски. Да что говорить.

Я ткнула пальцем в Валери. — Ты вполне могла не поступать в академию, а остаться с родителями в окрестностях Орлеана и выращивать лук и капусту. Твоя магия земли отчасти использовалась бы, а огонь так и остался бы не востребуемым. Через какое-то время ты или спалила бы все вокруг, или перегорела сама. Согласна?

Валери мотнула головой, что я решила считать согласием и продолжила:

— Ну вот, а теперь посмотри, что происходит с Франсуазой Скавуа де Рикар. У графини Клариссы магии нет. Более того, она неприязненно относится к ее проявлениям у девушки, значит, той приходится не столько контролировать свой талант, сколько залавливать его.

— Если я правильно помню, магия сирен всегда развивалась медленно, они входили в полную силу примерно к третьему совершеннолетию, — сообщил Анри.

— То есть у Франсуазы еще год, ей ведь сейчас двадцать, так?

— Ну да, получается, так...

— Мне кажется, это как раз та самая точка перелома, о которой вы говорили как-то на лекции, госпожа профессор, — очнулась Валери. — Если сейчас начать ее учить, то к моменту полного раскрытия таланта Франсуаза подойдет подготовленной...

— Ладно, — прекратила я дискуссию. — Идите чистить перышки, в двадцать минут девятого встречаемся здесь. А я пока пару вестников отправлю.

Студенты пошли на выход, но уже в дверях Валери не удержалась от вопроса:

— Простите, госпожа профессор, а ваши перья чистить уже не надо?

— Брысь! — крикнула я.

Тапка стукнулась о закрытую дверь. Впрочем, вопрос о прихорашивании был резонным: я, конечно, не свеженькая двадцатилетняя девушка, прелестная хотя бы уже натуральным румянцем и блеском глаз, но все-таки и не такая старая ворона...

Или такая? Взгляд в зеркало не показал ничего нового: та же короткая стрижка, белые волосы — не то совсем блондинка, не то седая, не разберешь, светло-голубые глаза, подтянутая фигура... Морщин нет. И спасибо на этом.

Вестники к Равашалю и Кайонну ушли быстро, а ответы свалились на меня еще быстрее. Птичка от главы Службы магбезопасности и моего непосредственного начальника присоединилась ко мне под душем:

«Лавиния, три года назад ты сказала, что решила отойти от дел (в пятый раз, между прочим!), и я вздохнул с облегчением. Чувствую, эти три года прошли для меня зря. Теперь о деле. Как и следовало ожидать, секретарь геральдической палаты совершенно не в курсе этой истории. Хотя я лично не понимаю, какой смысл в секретаре, если он не может мгновенно ответить на вопросы хотя бы по последней сотне дел? В общем, завтра я намерен запустить в это сонное царство пару-тройку шершней повышенной злобности, так что рассчитываю уже к обеду добыть для тебя подробности. При встрече расскажешь».

Я бросила влажный листок в холодное жерло камина, подожгла искрой и, дождавшись, пока бумага подернется серым пеплом, тщательно растерла кочергой.

А ректор Магической академии осчастливил в момент выбора одежды к ужину. Жорж де Кайонн был краток:

«Ни разу в жизни с сиренами не сталкивался. Переадресовал вопрос менталистам, а сам пошел в библиотеку к Либеру. На что ты меня толкаешь?!»

Эту записку постигла судьба ее предшественницы, а я застегнула пуговицы парадной белой рубашки, набросила легкий серый жакет и в качестве финального жеста взъерошила волосы.

Студенты мои выглядели, как и положено: Анри блистал (семнадцать поколений титулованных предков, как ни крути), Валери была хорошенькой и свеженькой. Я осмотрела ее бледно-сиреневое платье с парой бантов в стратегических местах и спросила невежливо:

— Дырку ты так удачно проковыряла?

— Все нет, — пожалала она плечами. — За ветку зацепилась. Как раз перед последним экзаменом мы гуляли...

— В парке, — подхватил Анри. — В парке родительского загородного имения, что в Аквитании.

— Ладно... Итак, если девушки на ужине не будет, что мы делаем? Ваши предложения?

— Можно воспользоваться либо кухаркой, либо старшей горничной, — незамедлительно ответила Валери. — Конюхам нечего делать на господском этаже, а Франсуаза останется в своих комнатах, больше негде; дворецкому доверять нельзя, он, скорее всего, человек нынешнего графа...

— Садовнику тоже там делать нечего, — продолжил Анри. — Кухарка может отнести молодой госпоже ужин, ну а для визита старшей горничной и повода придумывать не надо.

— Хорошо, тогда так и сделаем. Дюнуа... Дюнуа!

Валери стояла у окна и что-то разглядывала в саду.

— Можем обойтись без милейшей госпожи Фрессанж, — сказала она негромко. — Как я понимаю, Франсуаза отправилась в розарий, так что мне никто не помешает догнать ее и завести разговор.

— Отлично. На ужин опоздаешь и будешь старательно краснеть, чтобы хозяева какое-то время отвлекались на тебя. А девушке предложи заглянуть в твою комнату попозже вечером, скажи, что...

— Госпожа профессор, ну неужели вы зря нас учили? Найду что сказать, по ситуации решу!

Фразу она договаривала, уже закрывая за собой дверь.

Итак, обычный семейный ужин в доме графа де Рикара.

Или не совсем обычный, потому что за столом присутствуют трое неожиданных гостей, а вот старшей дочери нет. У бедняжки мигрень, как сообщила уже знакомая нам прекрасная Кларисса.

Ее муж. Это, конечно, дело вкуса, я бы на такого не польстилась. Этьен Скавуа де Рикар высок, очень плотен, чтобы не сказать тучен, и светится столь нездоровым красным цветом лица, что меня так и тянет проверить уровень его кровяного давления. Ест много и жадно, будто весь день голодал. Не маг.

Старший сын и наследник Рауль, тот самый, который чуть не загубил роскошного отцовского жеребца. При взгляде на этого юношу ни у кого не возникает сомнений, чей он сын: примерно двадцать лет назад Этьен должен был выглядеть точно так же. Магии тоже нет ни капли.

Младший... Младшему всего десять лет, и, вообще-то, по всем правилам он должен ужинать в детской. Но этот мальчик явно магушкин любимчик, и выпускать его из поля зрения она не хочет. Приглаживает волосы, касается рукава, подкладывает вкусный кусочек на тарелку... Мальчишка дергает плечом, стряхивая ее руку, и бросает на мать хмурые взгляды. Не то ему за что-то сегодня досталось, не то ревнует старшего брата к отцу, непонятно. В его ауре я вижу крохотную искру магии земли, если бы раздуть ее осторожно и тщательно, можно было бы... ну, что тут говорить. Судя по плохо скрытому отвращению, с которым Этьен смотрит на мою визитку, магов здесь не любят.

Интересно почему?

Впрочем, это не мое дело, здесь у нас другие задачи.

Как мы и договаривались, Валери опоздала к назначенному времени ужина, неловко извинялась и краснела. Извинения были приняты, и, чтобы показать свою расположенность к девушке, хозяева затеяли с ней длинную беседу о получаемом ею образовании. Тем временем я, чуть прикрыв глаза, включила магическое зрение и рассматривала особняк изнутри.

Два огонька на кухне, один желтый, другой зеленовато-голубой. Человек и гoblin, то есть кухарка и, видимо, тот самый знаменитый повар. Несколько бледно-желтых огоньков по второму этажу двигаются быстро — горничные готовят спальни ко сну? Ага, а вот здесь, в левом, хозяйском, крыле кто-то не двигается. И светится не желтым, а серебристо-голубым.

Вот готова поспорить на коробку лучшего трубочного табака против деревенской махорки, что это наша Франсуаза и что в ее предках не так давно отметились еще и эльфы. Кстати, а что граф и его супруга?

Ну вот... как и следовало ожидать, ни у Клариссы, ни у ее мужа нет и следа эльфийской крови. Ни серебра, ни синевы, чистый здоровый желтый цвет, что лишь подтверждает нашу версию.

Подали сыры: кусочки пармезана, сладковатая горгонзола дольче, пронизанный острыми сине-зелеными изгибами рокфор. Между ними располагались небольшие розетки с медом и горки орехов. Вино тоже сменили, и на столе появилась бутылка сотерна. Хм... Интересно, неужели это довольно редкое десертное вино теперь делают не только в Бордо, но и в Бургони? Что-то не помню я, чтобы мой давний знакомец Клемент-Лоран де Рикар планировал начать такой эксперимент. Смотрю на неприметную белую этикетку: нет, никаких неожиданностей, апелласьон Барсак. Бордо.

Уважающий себя винодел, какими испокон веков были Рикары, не подал бы на стол вино своего прямого конкурента, а вот моему соседу напротив это решительно все равно.

Мой взгляд поймал глаза Анри, и я указала на бутылку. Да-да, мой мальчик, я все вижу. Вижу и обдумываю.

После ужина я вышла в сад покурить, поразмышлять, подождать. Села в беседке... От каких-то кустов, неразличимых в темноте, так пахло медом, пряностями, цветами, что аромат моего любимого табака «Peterson Old Clakamannshire» казался на этом фоне грубым и плоским, и я со вздохом отложила трубку. Звезды были крупными, словно рассыпалось жемчужное ожерелье, на дереве пробовала голос неизвестная мне птица, цветы благоухали, как кокетка перед балом, даже лучше...

Я уже собралась было задуматься о смысле жизни, но в этот момент в комнате Валери зажегся свет. Ага, ну, значит, и мне пора присоединиться к компании.

Девушка, поднявшаяся из кресла мне навстречу, была очень похожа на своего деда. Никуда не денешься, магически усиленное наследование фамильных черт — тонкий нос, большие темно-серые глаза под тяжелыми веками, высокие скулы, длинные мочки ушей...

— Добрый вечер, госпожа баронесса! — Она присела в реверансе.

— Добрый вечер, Франсуаза! Надеюсь, вы позволите называть вас так, в конце концов, я была знакома еще с вашим дедом.

— Разумеется...

Мы сели в кресла у камина, Валери устроилась на моем подлокотнике, а Анри расположился на мохнатой белой шкуре спиной к огню.

— Итак, мои ученики немного просветили вас, что именно я намерена предложить?

— Да... но разве я не опоздала учиться? Мне уже двадцать.

— В академию принимают студентов любого возраста. Бывает ведь и так, что магия просыпается поздно. У меня был студент, который получил огненный дар в тридцать пять после удара молнии. Конечно, чем ты старше, тем тяжелее воспринимать новые навыки, но к вам это не относится.

— Почему?

— Если я правильно поняла, у вас дар сирены, так?

В ответ она только кивнула, лицо зарозовело.

— А можешь что-то сказать нам... тем голосом? — полюбопытствовала Валери.

Франсуаза опять кивнула, закрыла глаза и произнесла несколько слов... Вот как бы это объяснить? Мне показалось, что слышать этот голос — самое большое счастье, какое может встретиться на пути, что я готова идти за этим волшебным звуком куда угодно и сколь угодно долго, лишь бы девушка говорила...

Наваждение схлынуло.

— Однако! Я даже не понял, что вы сказали! — восхищенно присвистнул Анри. — Слышал звук, но не смысл!

Юная сирена опустила голову и судорожно вздохнула.

— Да... Я знаю, что не должна им, этим голосом, пользоваться при ком-то, матушка мне запретила. Это неприлично...

— Глупости какие! — рассердилась Валери. — Неприлично не пользоваться и преступно разбазаривать редкий дар!

— Но...

В этот момент раздался стук, и практически сразу же дверь распахнулась. На пороге стояла Кларисса Рикар.

— Ох, прошу прощения, что беспокою, но мне показалось, что был какой-то шум. Вы ничего не заметили?

Мы с Валери переглянулись, и я пожала плечами.

— В вашем саду так поют соловьи, что ничего более услышать невозможно!

Из темного угла возле камина раздалось еле слышное хихиканье. Ну да, разумеется, в короткое мгновение, пока дверь еще не открылась, Анри успел подхватить Франсуазу, затолкать в густую тень и прикрыться с ней вместе заклинанием невидимости.

Я поднялась с кресла.

— Если мы с моей ученицей можем чем-то вам помочь, дорогая Кларисса, вам стоит лишь сказать!

Хозяйка дома проямлила невнятное извинение, спросила, все ли в наших комнатах в порядке, и, пожелав спокойной ночи, исчезла. Через пару томительных секунд Валери тихонько хрюкнула:

— Госпожа профессор, надо спросить у вашего нового знакомого, местного садовника дядюшки Вургла, не досаждают ли им колорадский жук.

— Зачем?

— Да у вас было столько яда в голосе, что хватило бы на целое картофельное поле!

Франсуаза непринужденно рассмеялась.

— Ну хорошо, — резюмировала я. — Итак, дорогая юная леди, у вас есть две возможности. Вы можете уехать вместе с нами послезавтра утром, как и планировалось, до осени подготовиться к поступлению и с пятнадцатого сентября начать учиться. Второй вариант — готовиться самостоятельно и приехать в последних числах августа.

— Вообще-то, вариантов три, — возразил Анри. — Третий — слушаться опекунов, и он довольно быстро сливается со вторым.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что Франсуазу никто не выпустит. Ее мигом просватают за какого-нибудь соседа, а через год, с третьим совершеннолетием, неиспользуемый дар начнет стираться.

— Я... — Голос девушки дрогнул, но договорила она вполне твердо: — Конечно, я поеду с вами.

— Хорошо. Вы понимаете, что это — фактически бегство, и взять с собой любимого мишку и весь гардероб не получится? — Она кивнула, и я продолжила: — Мы припугнем Клариссу и ее супруга, но в эффективности этого воздействия уверенности у меня нет. Поэтому возьмите только самое необходимое, с остальным разберемся.

— Госпожа Редфилд, почему вы это делаете?

— Потому что у вас редкий дар, который надо развивать. Потому что любому разумному нужно помогать, дабы он занимался тем делом, к которому у него есть талант и желание. Потому что когда-нибудь вы точно так же вытаскиваете из трудной ситуации слабого. Потому что вас хвалил дядюшка Вургл. Выбирайте причину, которая вам больше нравится!

Когда Франсуаза выскользнула в коридор, я взглянула на часы и сказала:

— Ну и какой вопрос теперь я должна вам задать?

— Что будем делать с ненастоящим графом? — предположила Валери.

Ее приятель помотал головой.

— Не-а, с ними-то все ясно! Завтра придет ответ из геральдической палаты, далее каждый их шаг будет рассматриваться под увеличительным стеклом, да еще и его величество добавит... пару плюх. Этим людям не позавидуешь.

— Тогда какой же?

— Пойдем ли мы сегодня изучать заброшенный монастырь?

— Правильно, Траси! — Я улыбнулась. — Десять минут вам на переодевание в темное и удобное, встречаемся в саду на южной дорожке.

Южная дорожка привела нас к кустам, плотно посаженным вдоль высокой металлической решетки.

— М-да... — Я с сожалением подумала об оставленных в комнате перчатках. — Ваши предложения, господа?

— Через ворота нам не выйти. — Анри подошел к кустам вплотную. — Да и они на другом конце поместья, туда только идти минут двадцать. Должна быть калитка...

— И хозяева любезно не запирают ее на ночь, чтобы гости могли прогуляться в полной темноте по буеракам, — подхватила Валери.

«Они оба совершенно уверены, что я предложу выход, — подумала я. — И в то же время стараются найти его и сами... Хорошие дети, правильно, что я их взяла с собой!»

— Ну-у... тогда вот так! — Анри пробормотал формулу воздушного мостика, добавив туда незнакомый мне элемент, и сделал жест активации.

Повисло молчание, которое прервал вопрос Валери:

— И что? Твои ступеньки и на солнце-то не видно, а в такой темноте мы с них мигом сверзимся!

— Не вопрос! — И по щелчку пальцев призрачный зеленый свет пробежал по краям лесенки.

— Так-то лучше. — И Валери первой перебралась на другую сторону ограды.

Остатки монастырских башен и колокольни черными силуэтами выделялись на зеленоватом июньском ночном небе. Где-то за спиной у нас гулко ухнуло, мазнуло чем-то мягким по моему уху, и пронеслась мимо стремительная светлая тень. Я отшатнулась от неожиданности, споткнулась и помянула Темного.

— Сова! Здоровенная какая, метра полтора размах крыльев, — заметил Анри.

— Ты что, сов боишься? — не преминула поддеть Валери.

— Скорее уважаю.

— Траси, Дюнуа, потише, — прошипела я.

От развалин, смешно сказать, и в самом деле тянуло магией.

Я решила, что спотыкаться мне надоело, и пустила впереди себя крохотный магический фонарик, освещавший только дорожку. Впрочем, в предрассветной мгле и этого было довольно, чтобы увидеть заросли по обеим ее сторонам и распахнутую, криво висящую

калитку впереди.

Мы миновали рассыпающуюся каменную ограду, и впереди выросло здание. Проемы окон зияли чернотой, серый камень был почти неразличим, только белели смутно колонны, обозначавшие вход.

— Мы что, внутрь пойдем? — прошептала Валери.

— Погоди минутку!

Закрыв глаза, я раскинула сеть, постаравшись растянуть ее по всему монастырю. Это заклинание, разработку коллег из Барсы, я узнала совсем недавно и при каждом удобном случае тренировалась, так что сейчас могла наложить его на вполне приличную территорию. Или на большой объем, как чуть раньше в особняке. Ярко-желтым сияли совсем рядом мои студенты, синевато-зеленые мелкие пятнышки метнулись в кусты...

— Похоже, что никого, кроме нас, в округе нет. Зайцы и мыши не в счет. Так что да, пойдем внутрь.

Каменная дорожка заросла травой, но все же была различима в слабом свете магического фонарика. Мы подошли к двери — здание оказалось храмом, и не колонны белели у входа, а статуи дев-воительниц, спутниц Великой Матери. Справа — Рангула с мечами, слева Вестала с луком и стрелами. От тонкой резьбы, украшавшей когда-то их одежды, почти ничего не осталось, да и лица были сглажены временем и непогодой.

Крыша здания обвалилась, только в апсиде над бронзовой статуей богини остался купол. Великая Мать была изображена традиционно завернутой в пеплос, край которого покрывал голову. Левая рука придерживала угол плаща, правая — поднята в благословляющем жесте. Вот эта статуя сохранилась отлично, я даже подумала мельком, что надо сообщить о ней в главный храм Лютеции, пусть присмотрят.

У ног богини помещался алтарь из черного, с блестящими синими прожилками лабрадорита. Я мельком скользнула по нему взглядом... присмотрелась и зажгла яркий фонарь.

За моей спиной Анри протянул:

— Ого-о, а ведь алтарь-то недавно использовали.

— И это были явно не адепты Великой, — подхватила Валери. — Если судить по потекам крови...

В самом деле, богиня принимала в качестве жертвы плоды, зерно или изделия человеческих рук, опять же из растений. Ткань, но не кожу, хлеб, но не мясо, яблоки и вино, но не рыбу. На черном камне засохшая кровь была видна плохо, но свет я зажгла яркий, мы все разглядели.

Жертвы приносили явно не один раз. Валери раскрыла перочинный ножик, подцепила один из потеков и положила в маленький бумажный пакет.

— Проведу анализ, будем знать, петуха тут резали или человека.

— Хорошо. Договорились. Теперь понятно, почему отсюда так тянуло магией, — произнесла я. — Посмотрим остальные здания?

Больше мы нигде не нашли следов жертвоприношений, впрочем, это было естественно: любые силы куда лучше откликаются на призыв в намоленном месте, а что им делать в скриптории или на хозяйственном дворе? Тем не менее в ключевых точках я оставила по свернутому заклинанию-сигналке — если кто-то войдет, я об этом узнаю.

Или не я?

— Вот что, Траси, я, пожалуй, на этот раз привяжу сигнал к тебе. Если все пойдет по плану, я на июль уеду в Степь, а туда он точно не дотянется. Ты же будешь в Галлии летом?

— Буду, — ответил Анри, покосившись на подругу. — Разумеется, буду.

Уснула я, кажется, в пяти сантиметрах над подушкой, и неудивительно: в свои комнаты мы проскользнули уже около трех часов ночи. А уже в восемь утра меня разбудил магический вестник, назойливо колышущийся возле самого лица. Взяв в руки белую птичку, я развернула письмо: ага, геральдическая палата. Три листа извинений и объяснений, почему прохлопали незаконное вступление в наследство и присвоение титула, и две строчки с важной информацией — назначено расследование. Уже сегодня в середине дня прибудет комиссия от геральдиков — ого, возглавляемая ни много ни мало самим маркизом Лавуа, главой палаты!

В Галлии наследование ведется по мечу, а не по прялке, но в качестве исключения Франсуазе могут отдать не только семейные деньги, но и графский титул, — и отдадут, или не видать мне любимой трубки!

Немаловажное дополнение: вместе с Лавуа придут королевские аудиторы. Мм, Фархшверн и Гремвель, нежно люблю этих двух гномов, они мягкие и уступчивые, как гранитная плита.

Ну вот, если супруг прелестной Клариссы позволил себе лишнего в отношении денег истинных графов Рикаров, мало ему не покажется. Если нет, тогда возможны варианты. Франсуазе учиться семь лет, это минимум, все это время хозяйству нужен будет управляющий... В общем, дело ему найдется.

Если он не запускал руку в закрома.

Если.

Парсийский жеребец, изумруды на Клариссе, недавно отремонтированный особняк... Ой, что-то сомневаюсь я в кристальной честности данного субъекта!

В раскрытое окно влетел еще один вестник. На сей раз хранитель Либер прислал мне всего одну книгу... Даже не книгу, а тоненькую брошюру, но какую! Я всерьез чувствую себя его должницей. Пожалуй, нужно будет привезти для него из Степи несколько старых свитков.

Тоненькая брошюра на довольно скверной бумаге, подслеповатый шрифт. Библиотека коллеги Сорбонны, год издания — 1765, тираж — пятьдесят экземпляров. «Голос сирены. Магия, ее наследование и развитие. Древние обычаи народа». Имени автора нет, что странно. Сорбонна вообще и академия в частности даже в те времена анонимными публикациями не увлекались. Я раскрыла книжку и погрузилась в чтение... чтобы через полчаса, раздраженно фыркнув, сунуть ее в пространственный карман. На территорию академии не так просто отправить магвестник, они сбоят через раз, так что полежит это бесполезное собрание суеверий и легенд там до моего возвращения в родные пенаты. Довольно скорого, судя по развитию событий.

Нет, ну надо же! «Сирены имеют жабры наряду с легкими, а некоторые в минуту волнения покрываются чешуей точь-в-точь как у рыбы, только крупнее». И еще перл: «Их тела являются наполовину женскими, наполовину птичьими, а некоторые свидетели замечали у них рыбы хвосты».

Свидетели, ха! Немудрено, что таинственный автор предпочел не называть своего имени, его бы и в посмертии задразнили.

За завтраком никого из хозяев не было, так что мы втроем быстро проглотили по чашке кофе и паре круассанов и вышли в сад. Та же самая беседка, где вчера я пыталась курить, была свободна, в ней мы и устроились. Можете считать меня параноиком, но вчера прекрасная Кларисса появилась слишком вовремя, чтобы я могла списать это на волнение материнского сердца, поэтому лучше вот так, на свежем воздухе. Здесь лишних ушей нет.

— Ну, ваше резюме? — спросила я, изложив студентам содержание полученных сегодня посланий.

— Дожидаемся Лавуа, — тут же ответил Анри. — Я его хорошо знаю, он с моим дедом приятельствует. Страшнее любого бульдога, поверьте.

— И?

— Дожидаемся, предъявляем обвинение в незаконном преследовании магически одаренного разумного существа, забираем Франсуазу и отбываем. Даже если они отмахнутся от геральдической палаты, во что я не верю, им с места не дадут сойти аудиторы. Через два дня наследница графства Рикар будет зачислена в академию, а уж оттуда выдачи нет.

— Поддерживаю, — отозвалась Валери.

— Его величеству что говорим? Оставляем графиню де Рикар в списке?

Молодые люди переглянулись и согласно кивнули.

— Еще как! — сказала Валери, а ее жених добавил:

— Дама моего сердца хочет сказать, что, вне всяких сомнений, король Галлии заинтересуется юной леди с такими редкими талантами если не в плане матримониальном, то в деловом. Исключительно полезная подданная, не так ли?

— Хорошо, принято. Предлагаю время до обеда провести в изучении монастыря при дневном свете. Протокол, магоснимки, образцы...

— Образцы у нас есть, я же взяла! — воскликнула Валери.

— Думаю, надо еще пару с разных мест, — сказал Анри. — Да и запротоколировать не помешает.

При дневном свете монастырь выглядел куда менее романтично: несколько зданий в разной степени разрушения, заросли шиповника и колючий терновник там, где когда-то цвели розы и зрели яблоки. От громкого скрипа мы все подпрыгнули: словно в дурном сне дверь скриптория медленно отворялась, открывая царящую за ней тьму и размытый белый силуэт в этой тьме.

— Тьфу, — сказала вдруг Валери. — Да это же коза! Наверное, из соседней деревни сбежала.

— И не сбежала вовсе. — И снова мы подпрыгнули, на сей раз вовсе уж глупо, потому что за нашими спинами прозвучал детский голосок. Девочка лет восьми в застиранном голубом платье и парусиновых тапочках подпихнула вперед белую козу и договорила: — Всюду никто не сбежал, мы сюда с Белочкой ходим пастись, потому что тут травы много, а сурепка и пижма не растут. Они для коз вредные.

— Здорово... — растерянно сказал Анри. — А как тебя зовут?

— Валери Мирандола Дюнуа, господин маг! — ответила девочка и присела в книксене. — Мне восемь лет, и я только что окончила второй класс на все пятерки!

— Хм... Валери Дюнуа... — Он взглянул на подругу, в оцепенении глядящую на полную тезку, усмехнулся и сказал: — Это замечательно! Я Анри, вот это — госпожа Редфилд. А вот эту девушку зовут так же, как и тебя, представляешь?

— Тоже Валери?

— И даже фамилия такая же! Вот только второго имени такого красивого нет, — очнулась студентка.

— А почему твои мама и папа тебе не выбрали такое имя?

— Потому что у меня их нет.

— Так не бывает... — Девочка обошла вокруг своей тезки, покачала головой и сказала: —

Но если ты хочешь, можешь тоже взять второе имя, как у меня, Мирандола. Только надо подарить что-то доброй богине, чтобы это было по-взаправдашнему.

Она взяла Валери за руку и пошла к двери в храм, девушка двинулась за ней, словно заигнотизированная. Минуту мы оставались в остолбенении, потом я толкнула Анри:

— Беги за ними! Мало ли что!

Он сорвался с места.

Я с подозрением посмотрела на козу, та слегка мекнула и ловко взобралась на развилку корявого ствола старой яблони, остановилась там и начала жевать листья. На дорожке остались зримые доказательства ее абсолютной реальности и стопроцентной принадлежности к животному миру. Покачав головой, я пошла следом за остальными.

В знакомом уже нам зале с обвалившимися сводами две Валери Дюнуа стояли, держась за руки, перед статуей Великой Матери, а Анри поспешно собирал с изгаженного алтаря засохшую кровь в бумажные пакетики. Наконец он закончил и отошел на шаг, моя студентка достала носовой платок и стала оттирать алтарь. Анри взглянул на меня — я пожалала плечами, — полез в карман за платком и присоединился к ним.

— Ты не испугалась идти с ней? — спросила я, когда коза вместе с юной пастушкой удалились.

— Мне показалось, что это было благословение богини, — совершенно серьезно ответила Валери. — И я точно знала, что бояться мне нечего. И еще — что мне подарили то, о чем мечтала с самого детства.

— Что же?

— Семью.

— Не знаю, что это было, но у меня рот не открылся, когда я хотел расспросить девочку о том, что тут происходило, кто приносил жертвы на алтаре, и о прочих неаппетитных подробностях, — не менее серьезно сказал Анри. Потом он взглянул на свою невесту, расхохотался и хлопнул ее по плечу. — Идем, Мирандолина! Придется мне подарить тебе новое кольцо, потому что твое серебро досталось Великой Матери!

Странное дело, но простенькое серебряное колечко, положенное девушкой на алтарь, и в самом деле как-то незаметно исчезло...

Взглянув на часы, я заторопилась:

— Действительно, пошли скорее, а то пропустим самое интересное!

Нет, мы ничего не пропустили. Как раз в тот момент, когда наша тройца подошла к парадному входу, по подъездной аллее двигалась внушительная кавалькада: три черных экипажа с золотым знаком геральдической палаты на дверцах, десяток всадников в форме королевской гвардии и четыре могучих орка, в одном из которых я с удивлением узнала Грунгаха. На крыльцо вылетел толстенький дворецкий, потешно охнул и скрылся в дверях. Через минуту створки снова распахнулись, явив высоким гостям мужчину, носящего титул графа Рикара, в довольно домашнем виде. Судя по салфетке, которую этот «знарок этикета» спешно выдирает из-за ворота, их сиятельство обедали.

Трое всадников спешили и одновременно распахнули дверцы экипажей.

Из первого вышел облаченный во все черное высокий седовласый мужчина, худой, словно карандаш. Он вставил в правый глаз монокль и осмотрел все вокруг, включив в число предметов дом, стоящего на крыльце графа, нашу тройцу и облака над крышей. Я тихонько ухмыльнулась. А Анри прошептал у меня за спиной:

— Смотри, Мирандолина, это глава геральдической палаты маркиз Лавуа. Страшный

человек!

— Еще раз назовешь меня Мирандолиной — пеняй на себя! — прошипела Валери.

Тем временем следом за маркизом выгрузился его секретарь с солидного вида папкой под мышкой. Из второго экипажа появилась потрясающей красоты блондинка в белом брючном костюме. На ее руке сверкнул в лучах солнца обручальный браслет с такими камнями, что изумруды Клариссы показались жалкими стекляшками.

— А это кто? — спросила Валери.

— Дворцовый маг госпожа Клегель, — ответила я. — Основные стихии жизнь и вода, а с недавних пор появился и ментальный дар... довольно слабый, но тут хватит, чтобы подтвердить или опровергнуть дурные намерения.

Третий экипаж исторг из своего чрева двух почти одинаковых крепышей с длинными бородами. Не дожидаясь вопросов, я прокомментировала:

— Почтенные Фархшверн и Гремвель, королевские аудиторы.

Когда официальная делегация скрылась в особняке, я вышла из густой тени на солнце и помахала рукой Грунгаху:

— Доброй охоты, эрхэм! Решил размяться?

— И тебе, драгоценная! — ответил он. — Дай мне минуту, я отдам распоряжения охране и буду весь к твоим услугам.

— Да, в общем-то, я никуда и не спешу!

Усевшись в поллюбившейся беседке, я курила, разглядывала цветы и думала о следующем визите. Третья Девушка — дочь шевалье де Куртене... ныне покойного. Двадцать два года, окончила Школу искусств в Лугадун-Лионне, приехала в фамильное поместье после защиты диплома по дизайну экипажей. Насколько мне известно из досье, полученного от Грунгаха, у Мадалены де Куртене три приглашения на работу, в том числе весьма престижное от конструкторского бюро Эриха Вангенера, что в Монакуме. Девушка пока думает и выбирает, проводя летнее время с матерью.

Ну что же, посмотрим. Сейчас Элоиза Клегель объявит свое решение о злонамеренности или, наоборот, полной добросовестности действий Клариссы и ее мужа... Вот тьма, и непонятно, могу ли я называть их Рикарами или нет?

Кларисса вышла из дома, помедлила и решительно направилась к моему убежищу. Я дернулась было, чтобы накинуть невидимость, но поняла, что поздно: меня увидели.

Женщина шагнула в беседку с самым решительным видом.

— Итак, госпожа Редфилд?

— Вы хотите знать, что мы нашли в монастыре? — подняла я левую бровь.

— Это тоже, — нетерпеливо отмахнулась та. — Для начала мне хотелось бы услышать от вас, как вы себя чувствуете, проникнув в дом в качестве друга и вызвав на наши головы столько бед?

Я вздохнула. Что говорить, в какой-то степени упрек был справедлив, и неприятности к этому семейству действительно притянула я. Кларисса продолжила все с большим ожесточением:

— Вы насладились на Этьена геральдическую палату, мало этого — королевских аудиторов, будто бы он мог растратить деньги падчерицы! Вы сманивали Франси уехать от нас, вы расспрашивали слуг!..

— Стоп! — Я подняла ладонь. — Прежде всего я приехала сюда как официальное лицо. И слуг расспрашивала по делу, и в монастыре вашем побывала не зря, там явно творилось что-то скверное. Далее. Вы знали, что у Франсуазы магический талант сирены? — Кларисса кивнула. — Ни у вас, ни у вашего мужа нет магического дара, но вы могли хотя бы спросить у любого мага, что произойдет с его обладателем, если не учиться этим даром управлять? Девушка на грани полного выгорания, и не факт, что после этого она останется в здравом уме. А вы запрещали ей пользоваться талантом, развивать его.

— Поймите и вы меня. — Голос ее был совсем тихим. — Подумайте, как страшно мне было, когда этот ее дар пробудился! Девчонке двенадцать лет, она что-то у меня просит, и я теряю разум, выполняю все ее требования, самые нелепые. А потом ничего не помню, кроме того, что хочу еще слышать, как она говорит...

— Как бы то ни было, я забираю Франсуазу в столицу. Ей нужно учиться владеть магией. Если маркиз Лавуа не выявит никаких незаконных действий в получении титула, а аудиторы сочтут расходование средств правильным, вы забудете о нас уже сегодня к вечеру.

— Расходование! Да Этьен свои деньги вкладывал в эти треклятые виноградники! Ну вот нет у него таланта к вину, что тут сделаешь? Он нанял энолога, тот должен приехать в начале августа, может, ситуация исправится.

— Очень может быть... — задумчиво сказала я и встала, увидев выходящего из конюшни Грунгаха. — Прошу меня простить, мне нужно поговорить с коллегой!

Вслед я услышала:

— Пойдите! То, что было в монастыре... Вы это нейтрализовали? У меня дети!

— Почти. Почти нейтрализовала. Если тот, кто проводил там ритуал, вновь появится, мы его возьмем.

— Еще и ритуал... — простонала Кларисса, оседая на подушки.

— Итак, чем обязана видеть вас здесь, эрхем?

Орк пожал могучими плечами.

— Его величество отбыл в Амбуаз вместе с наследником на недельный отдых. Там за ними присмотрит мой помощник, все-таки это малый дворец, без придворных, только узкий круг. Так что у меня выдалась свободная неделя, и я решил посмотреть...

— Проверить, как я выполняю нашу общую повинность?

— Ну как минимум узнать, не нужна ли помощь!

— Пожалуй, нет. Все идет в штатном режиме, даже странно.

Грунгах хмыкнул.

— То есть ты считаешь, что выдернуть главу геральдической палаты, пару королевских аудиторов и дворцового мага в заурядное сельское поместье — это нормально?

Я сморщила нос.

— Для меня — абсолютно!

До отъезда мне пришлось еще выдержать небольшое сражение с госпожой Клегель: Элоиза страшно заинтересовалась сиреной и желала непременно забрать ее под свое крыло. Я не стала объяснять этой настойчивой даме, что, вполне возможно, через полгода эта девушка станет королевой Галлии. Ну просто не по чину дворцовому магу такая ученица!

Кстати, если в королевы Франсуаза не попадет, то боюсь даже представить, какие перспективы ожидают ее после обучения. Так что в любом случае Элоизе ничего не светит.

Валери и Франсуаза уже сели в экипаж, Анри проследил за погрузкой немногочисленного багажа, а я все медлила и не садилась на свое место. Честно говоря, мне хотелось узнать, что же скажет Лавуа и какое заключение дадут почтенные гномы. И дождалась: мастер Гремвель вышел на дорожку, огляделся и направился в сторону нашего экипажа. Вид у него был, как и положено официальному лицу, степенный и невозмутимый, но борода была заплетена не в три косы, а всего лишь в две и топорщилась весьма воинственно.

— Госпожа Редфилд! — воскликнул он, едва дойдя до нашей группы.

— Почтенный мастер Гремвель! — поклонилась я.

— Можно вас на минуточку? Давайте отойдем.

Мы сделали несколько шагов, гном взял меня за рукав и заставил слегка наклониться. Интересно, что ростом он был мне до плеча, даже чуть выше; не зря недавно мне попала в «Вестнике академии» статья одного аспиранта-дворфолога об общем увеличении роста гномов в общинах, получающих из человеческих поселений продукты питания, в первую очередь молоко. Прав был юный исследователь гномов...

— Лавиния, ты удивисься, но даже я не нашел в счетах и расходных книгах этого семейства никаких темных пятен. Ты расстроена? Они что-то совершили... по твоей части?

— Нет, Грем, я очень этому рада... — Я задумчиво потерла нос. — А что постановил Лавуа?

— Официального заключения маркиз пока не дал, но мы совещались... Он сказал, что, конечно, столь древнее графство не следовало бы передавать в руки, как он выразился, нового дворянства, но поскольку наследница крови Рикаров жива...

— Они готовы подтвердить передачу титула женщине?

— Да.

— А что достанется мальчишкам?

— Это будет решено позднее, но, как я понял, финансовая безупречность сыграет в пользу Этьена де Рикара. Мальчики получают титулы учтивости. Старший, скорее всего, баронский.

— Ну а младшему так и так ничего не светило... Хорошо, Грем, спасибо тебе!

— Обращайся, когда буду нужен!

Мы раскланялись, я заняла свое место в экипаже, и Анри уже готов был активировать фиалы с элементами, когда Франсуаза охнула и выскочила из экипажа со словами: «Подождите минутку, пожалуйста!» Она подбежала к Клариссе, стоявшей на крыльце, и что-то стала той торопливо втолковывать. Сначала лицо женщины замкнулось, она поджала губы. Однако по мере того как горячие слова падчерицы достигали ее сознания, вновь стала улыбаться. Наконец Франсуаза поцеловала ее в щеку, чмокнула обоих младших и бегом вернулась к нам.

— Рассказывай! — потребовала Валери, когда мы выехали из ворот поместья и свернули на дорогу в сторону города.

— Понимаешь... я не знаю, слышали ли вы о мече Рикаров? Ну, тот, который был выкован за одну ночь и которым отрубили голову главе рода Бофремонов?

— Слышали, но без подробностей, — ответила я. — Выковал местный кузнец, и так далее.

— Во-первых, никакой не кузнец. Выковал его мой предок и вложил в него столь сильную

магию, что и по сей день меч является сильнейшим артефактом.

— Так он и в самом деле существует? — переспросила Валери.

— Он существует, хранится в башне... ну, там как бы небольшой музей. Не для публики, а скорее для самих себя — вещи, которые не будешь держать в доме, где растут мальчишки. Так вот, по правилам рода, когда наследник вступает в свои права, он клянется на этом мече.

— Ага, как положено — не уронить чести и так далее, — кивнул Анри. — У нас это несколько иначе обставлено, и клятва не на мече, но тоже есть. И что?

— Этьен, когда принял имя Рикаров, должен был тоже поклясться. И не смог. Сказал, что у него было ощущение, будто меч не идет ему в руки, а если он его возьмет, может и убить.

— И что, теперь ты будешь приносить клятву на мече? — с сомнением спросила Валери.

— Нет, я тоже не могу, женщинам не положено. Но я могу торжественно принять мужчину в род и передать ему право защиты. Тогда все будет соблюдено. Ну вот, я пообещала матушке, что приеду в августе и мы все это сделаем.

— Ты зовешь ее матушкой? — поднял брови Анри.

— Знаешь, она появилась, когда мне было шесть. Пятнадцать лет я называла Клариссу именно так и не вижу причин, почему должна перестать это делать!

В экипаже воцарилось молчание, которое нарушила я:

— Анри, если мы не поторопимся, Франсуаза не успеет сегодня заселиться в общежитие академии! Природу будешь разглядывать в другой раз!

— Да, госпожа профессор!

Неизвестно отчего мой ученик повеселел, активировал еще двух элементалей, и наш экипаж помчался вперед.

ГЛАВА 3

В Лютеции мне пришлось задержаться: сначала нужно было устроить дальнейшее существование Франсуазы Скавуа де Рикар, помочь ей устроиться в общежитии академии, получить деньги со счета, открытого ее отцом сразу после рождения дочери, и тому подобное. Студентов тем временем я отправила в библиотеку вернуть хранителю Либеру книги и поискать что-то новенькое и незаезженное о таланте следующей нашей... чуть не сказала «жертвы».

О таланте третьей девушки.

По сведениям, полученным из досье Службы магбезопасности, в ее семье через поколение передавался дар артефактора. Ну, собственно, поэтому Мадалена де Куртене и получила приглашения на работу от солидных конструкторских бюро: сильные артефакторы ценятся весьма высоко. Честно говоря, куда выше, чем боевики и огненные маги. Разломать легко, ты вот попробуй создать!

Ну а мне предстоял визит к шефу нашей службы Жан-Клоду Равашалю. Но прежде я зашла в лабораторию, отдала дежурному магу-исследователю образцы крови, взятые нами в заброшенном монастыре, и попросила:

— Можешь прямо сейчас при мне определить, чья кровь?

Лаборант в замызганном, когда-то голубом халате фыркнул:

— Все-то вы все норовите без очереди результаты получить! А между прочим, мне сегодня по расписанию нужно двадцать два анализа сделать! И все срочные!

— Ладно. — Я шагнула вперед и протянула руку. — Давай образцы назад, я схожу в лабораторию Вернеля. Там, конечно, недешево, зато быстро. Думаю, шеф не откажется заплатить за срочную работу.

— Да ладно, чего уж сразу к Вернелю. Мы тоже небось не последние, кое-что можем. Минутку погодите!

Он быстро разложил образцы по отдельным пробиркам, потом накапал в каждую какой-то прозрачной жидкости и сунул все шесть в гнезда коллектора фракций. Негромко загудел насос, прокачивая особый раствор — элюат, из специального амулета выстрелил тонкий луч, проходя поочередно все цвета спектра.

Что-то жужжа себе под нос, лаборант нажимал кнопки, добавлял жидкости и вдохновенно закатывал глаза. Конечно, я могла бы и сама проделать такой простейший анализ, но мой дворецкий Бакстон очень активно возражает против проведения алхимических опытов на домашней кухне.

— Вот! — Юный гений протянул мне распечатку. — Три образца — куриная кровь, один — кошачья. А вот два, сами видите...

— Человек и эльф.

— Именно.

Поблагодарив лаборанта, я поднялась в кабинет Равашаля.

Шеф магбезопасности стоял у окна и смотрел на Королевскую площадь.

— Липы цветут, Лавиния, — сказал он неожиданно тоскливо. — Сейчас бы поехать куда-нибудь в парк и гулять там, пока ноги не начнут отваливаться. А я, поверишь ли, уже третьи сутки отсюда не выхожу!

— Хочешь, поменяемся? — радостно предложила я. — Поездишь по Галлии, повстречаешься с девицами, обоснуешь, кто из них не подходит в королевские невесты и почему... Природа, леса, сады, виноградники! Красота! А как кормят у этих провинциальных дворян, мм...

— Не-не-не! — Равашаль быстро обогнул стол и сел в свое кресло. — Девицы — это без

меня. Ты с молодежью все время имеешь дело, тебе и карты в руки. А я уж как-нибудь тут потихонечку с преступными магами поиграюсь.

— Кстати, о преступлениях. — Я протянула ему распечатку результатов анализа и, пока шеф ее разглядывал, быстренько рассказала об алтаре, обнаруженном в заброшенном монастыре. — Ты понимаешь, статуя там настоящая, истинный образ богини. Ее нельзя оставлять в таком месте, и я намерена поговорить об этом с кем-то из приората Великой Матери. Но если они туда отправятся, неизвестного жертвователя спугнут к Темному, это ясно.

— Кровь животных — это нехорошо, но не карается законом. Человеческая... мог свою использовать. Но вот эльфийская уже так просто не объясняется, эти жертвоприношениями не балуются и кровь свою никому бы дать не согласились.

— Надо узнать, не пропал ли в тех краях кто-то из эльфов, — предложила я.

— Если скажут. Ты же знаешь, их магбезопасность с нами не слишком любит сотрудничать. Но да, согласен, начнем отсюда. Ты сигналку поставила?

— Да. И привязала к моему студенту Буа-Траси, а то я уеду в Степь, туда-то не дотянется.

— Буа-Траси? Сын замглавы казначейства? Неплохо...

— Если до моего отъезда никто там не появится, я дам Анри твои координаты.

— Договорились. Я пока займусь эльфом, да и вообще попытаюсь выяснить, кто или что там такое водится. Вряд ли в заброшенный монастырь «среди нигде» потащился бы кто-то чужой, значит, местные шалят... А в приорат тогда по возвращении из Степи сходишь?

— Наверное, так...

— И куда вы сейчас?

— На юг. В Окситанию.

Поместье вдовы шевалье де Куртене несколько неожиданно называлось Мондрагон, что будило во мне скверные ассоциации. И добираться туда нам пришлось кружным путем, что тоже не добавило мне симпатии к третьей девушке. Из Лютеции стационарный портал привел нас в прекрасную Тулузу, нежно мною любимую еще со времен второго моего замужества. Собственно, благодаря Раймунду де Сен-Вилью, а он был родом именно отсюда, я перебралась когда-то на постоянное место жительства в Галлию. По долгу службы жили мы в Лютеции, но при всякой возможности отправлялись в родовое имение Ле Кассе де Сен-Виль, что от Тулузы всего в пятидесяти километрах. Потом Раймунд погиб самым глупым образом — при задержании подозреваемого не проверил наличие магических ловушек, и в Окситанию я больше не ездила. Общих детей нам завести не случилось, Ле Кассе ушло племяннику... Ну, короче говоря, сказка кончилась.

И вообще, я вовсе не о том!

Итак, из Тулузы местная порталная сеть доставила нас в Гроле, городишко на пять тысяч жителей, в котором была единственная достопримечательность — памятник местному городскому магу, в 1687 году спасшему местное население от эпидемии чумы. Еще тут был мэр, у которого мы привычным уже образом конфисковали экипаж, и теперь от конечной цели нас отделяли каких-то двадцать километров.

Бесконечные виноградники зеленели справа и слева от дороги, высокие старые платаны росли по обочинам. Мы ехали в восточном направлении, и солнце светило в глаза, так что Анри чуть не пропустил небольшой белый указатель с зелеными буквами: «Mondragon Manoir».

— Остановись на минуту, — сказала я. — Обсудим нашу легенду.

— Ну, поскольку заброшенного монастыря по соседству нет, придется искать источник темного колдовства в деревне или в самом поместье, — отрапортовал Анри.

— Думаю, не самое удачное предложение. — Валери покачала головой. — Мы уедем, а местные останутся под подозрением. Совсем недолго придется ждать момента, когда кому-нибудь придет в голову назначить некромантом соседа, потом убить зловредного колдуна, а дом поджечь.

— Пожалуй, ты права. Тогда какие есть варианты? — Собственно, я ждала, что студенты догадаются о такой засаде, просто интересно было, кто именно.

— Рутинная проверка? — предложила Валери.

— Не пойдет, — тут же откликнулся ее жених. — Если бы мы проверяли местный офис Службы магбезопасности, тогда да, сошло бы. Да и то мы с тобой в образ ревизоров не вписываемся.

— Ладно... Тогда... — Она задумалась надолго.

Анри почесал нос и неожиданно предложил:

— Некромантия!

— В смысле?

— Ну, поступил сигнал, что местные захоронения беспокойны. Или склеп семейства, если он в имении, а не на сельском кладбище. Такие сигналы проверяются всегда и очень быстро, а то может такое попереть, с кладбища-то... Особенно если некромант работал неопытный.

Он явно что-то вспомнил, и его передернуло.

— Госпожа профессор? — Оба посмотрели на меня, и Анри уныло сказал: — Хотя вы же не некромант...

— Ну вообще-то... Просто я не люблю этот раздел магии, да и появилась у меня стихия смерти поздно, всего лет сорок назад. Но проверить могу все и вполне по правилам. Хорошо, легенда принята. Кого ждем?

Имение? Поместье?

Беру свои слова назад.

Это был загородный дом с небольшим яблоневым садом.

— Интере-есно... — протянул Анри. — А согласно досье, у них одних виноградников должно быть около шести гектаров, солидная винодельня плюс ферма и маслозавод. И еще что-то по мелочи.

— Ну мало ли, может, все это где-то в стороне от господского дома, — не согласилась Валери.

— Зайдем, поговорим с хозяевами и все узнаем. — Я прервала начинающийся спор. — Ворота открыты, въезжай.

Про себя я подумала, что не особо похож этот дом на резиденцию владельцев солидного куска земли и производства. Ворота нараспашку, никто даже не почесался, когда подъехал чужой экипаж, сад неухожен, из двух клумб возле парадной двери прополота только одна, а на второй сорняки выше цветов, краска на двери даже немного облупилась, а дверной молоток явно не чистили с зимы. Траур? Хозяин дома шевалье де Куртене умер лет пять назад, можно уже утереть слезы и заняться хозяйством.

Ладно, посмотрим.

Анри поднялся по ступенькам и постучал. Прошло несколько минут, а в доме не

наблюдалось никакого движения. Он пожал плечами и постучал вновь. Когда же взялся за латунную ручку в третий раз, дверь распахнулась. На пороге стояла девушка, в которой нетрудно было узнать интересующую нас особу — Маддалену, не зря досье были снабжены портретами.

После короткой беседы мой студент вернулся к экипажу и доложил негромко:

— Нас не хотели принимать и пытались отослать в деревню, мол, там есть трактир с комнатами, но мне удалось настоять на разговоре с хозяйкой.

— Обоснование? — поинтересовалась я, выбираясь из экипажа.

— Плохое самочувствие, конечно.

— По светским правилам следовало бы отступить, но мы здесь по делу, так что госпоже де Куртене придется это пережить.

В темноватый пустой холл я вошла первой. Здесь пахло чистотой, воском и пыльными сухими цветами. Еще мне показалось, что откуда-то тянет запахом капусты, что было вовсе уж странно для такого дома. А, собственно, какого — такого? Пока мы знаем об этой семье лишь то, что написано в досье... И уже обнаружили в материалах по меньшей мере одну ошибку.

Девушка провела нас через анфиладу комнат, таких же пустых, как и холл. Перед закрытой дверью она остановилась и попросила:

— Пожалуйста, не утомляйте ее! Я не обманывала, она и в самом деле плохо себя чувствует!

— Мы постараемся, — коротко ответила я и увидела, как в ее больших темных глазах вспыхнул гнев.

Гостиная, куда привела нас Маддалена, была довольно большой; я не разглядела обстановки, потому что взгляд мой притянула женщина, сидевшая в кресле у разожженного, несмотря на теплый летний день, камина. «Луиза де Куртене? По досье ей сорок пять, — подумала я, — а эта дама выглядит вдвое старше!»

— Добрый день. — Я поздоровалась, и, словно эхо, прозвучали за моей спиной голоса студентов.

— Добрый? Хм... — Женщина улыбнулась. — Госпожа профессор, вы совсем не изменились за прошедшие годы! Прошу вас, присядьте. Может быть, желаете кофе или чаю?

— Бабушка!..

— Малена, иди и сделай! — Тихий и чуть хриплый голос стал строгим.

— Давайте сначала поговорим! — предложила я, усаживаясь напротив. — Прошу простить, но я не могу вспомнить, когда и где мы познакомились.

— Это и неудивительно! — Хозяйка дома продолжала веселиться, что несколько напрягало меня. — Хотела бы еще поинтриговать вас, но ладно. Я училась на вашем курсе шестьдесят два года назад и ушла за год до защиты диплома.

— Пойдите! — Я прищурилась, вспоминая. — Иоланда... Скавронская! Но...

— Это долгая история, госпожа Редфилд.

— Хорошо... Дюбуа, Траси! Попросите любезную хозяйку показать вам сад.

Анри поклонился и повернулся к девушкам. Когда они вышли и закрыли за собой дверь, я спросила:

— Сейчас я вспомнила, вы ушли, не закончив обучение, из-за того, что вышли замуж?

— Да! Тогда мне казалось, что никого и ничего, кроме Мишеля, мне не нужно. Впрочем,

пока он был жив, так оно и было.

— Расскажите?

— Почему нет? Никаких секретов в этом нет, а наше нынешнее положение таково, что ваше появление меня могло бы обрадовать... Так вот, я вышла замуж за Мишеля де Вермиго-Луаля, старшего сына тогдашнего графа де Луаля. Тот не был очень уж рад невестке из небогатой польской семьи, но возражать не стал. Мой муж не нарушил семейной традиции и стал дипломатом. Сначала служил в галльском посольстве в царстве Русь, потом в Лации. У нас уже было двое сыновей, и я ждала третьего ребенка, когда он получил новое назначение в Хиндустан.

— И это произошло?..

— В сороковом. Две тысячи сто со-ро-ко-вом... — произнесла она нараспев.

— Эпидемия лихорадки Ранаджари! — Я соотнесла даты и чуть было не выругалась. — Неужели вы поехали туда с детьми?

— Увы! Двое старших сгорели мгновенно, едва эта дрянь появилась в Тривандруме. Вы же знаете, дети практически никогда не выживают. Младшая дочь Луиза была совсем маленькой, ей не было и двух месяцев. Я пыталась магически вытащить и ее, и Мишеля...

— И перегорели.

— Да... — Она вздохнула. — Муж выжил, но болезнь затронула его мозг. Он прожил еще четыре года и был... ну, примерно пятилетним ребенком.

— Вы вернулись в Галлию, конечно?

— Только после смерти Мишеля. Он не хотел уходить из нашего дома в Тривандруме, и по приказу тогдашнего короля, его величества Луи Десятого, мы жили там... пока муж не умер. Он всегда был спортсменом, сильным и здоровым, а умер от простуды, просто выпил холодной воды. Вот тогда мы с Луизой вернулись.

Мы помолчали.

«Ладно, — думала я, глядя на огонь, — она потеряла магию и быстро состарилась. Но это никак не объясняет ни того, что ее дочери, вдовы шевалье де Куртене, нет в доме, ни той хорошо видимой бедности, которая заметна на каждом шагу!»

— Скажите, госпожа Редфилд, зачем вы приехали? — оторвал меня от размышлений голос Иоланды.

Коротко я изложила нашу легенду о не вполне понятной некроактивности, потом спросила:

— У вас нет предположений, что бы это могло быть?

— Никаких. — Вдовствующая графиня покачала головой. — Но я, как вы понимаете, не чувствую потоков, а Мадди, скорее всего, было не до того.

— Иоланда, расскажите мне, что случилось? Нет, не сорок с лишним лет назад, а сейчас и здесь?

— Не могу. Простите, госпожа Редфилд, вам и в самом деле лучше будет остановиться в деревне. Боюсь, Мондрагон не сможет предоставить вам подходящих удобств.

Я открыла было рот, чтобы возразить, что доводилось мне ночевать и в лесу, накрывшись плащом и подложив под голову собственные сапоги, но тут же его и захлопнула. Удобства или нет, нас в поместье Мондрагон принимать не желали, и, чтобы выяснить, в чем тут дело, следовало уступить.

Распрощавшись с негостеприимным домом, мы в молчании доехали до поворота, и я

тронула Анри за плечо.

— Остановись, пожалуйста. Итак, что рассказала вам Маддалена в саду?

— Ничего, — фыркнула Валери. — За то время, что мы там прогуливались, она ответила на замечание о хорошей погоде и сообщила название сорта яблок, который особенно хорошо у них вызревает. Все! А вы, что вы узнали?

— Представь себе, по делу — тоже ничего. Но нас очень не хотели видеть в Мондрагоне нынче ночью.

— Ну мне показалось, что нас вообще не хотят видеть ни сегодня, ни когда бы то ни было, — пожал плечами Анри. — Вам не кажется, госпожа профессор, что мы можем поставить напротив Маддалены де Куртене жирный минус и отправиться дальше?

Повернувшись к торопливому молодому человеку, я с интересом на него посмотрела.

— То есть ситуация «дева в беде» тебе не представляется... требующей исправления?

— Ну-у... Честно говоря, я не рыцарь в сверкающих латах, чтобы спасти любую попавшуюся на дороге девушку. И потом, почему вы решили, что у них беда?

— Это даже я поняла! — перебила его Валери. — В доме пахнет несчастьем и полным отсутствием денег.

— В доме пахнет вареной капустой, — буркнул Анри.

— Так вот, дорогие мои, — я прихлопнула ладонью по кожаной спинке сиденья, — во-первых, графиня де Луаль когда-то была моей ученицей, и я не могу отойти в сторону. Во-вторых, напомни мне, Валери, каков девиз Службы магической безопасности Союза королевств?

— Без чести нет магии, без справедливости нет чести! — отрапортовала девушка.

— А второй? Анри?

— Служить и защищать, — ответил он. — Ну да, я понял.

— Вот и хорошо. Следовательно, поступим мы так...

«Какое счастье, — думала я, сидя под развесистым кустом рядом с парадным входом в дом семейства Куртене, — какое счастье, что я умею простейшими бытовыми заклинаниями обеспечить себе сухую подкладку под задом и щит от комаров! Иначе бы мою кровь выпили задолго до того, как к Иоланде и ее внучке приедут ночные гости...»

Комаров тут и в самом деле было какое-то страшное количество, казалось, воздух звенит вокруг. Надеюсь, мои студенты, караулящие возле черного хода, сумеют применить нужное заклинание. Вообще говоря, это недосмотр руководства академии, что боевикам не вдавливают бытовую магию в полном объеме, нужно будет поговорить об этом с ректором. Что это, в самом деле, за боевик, герой девичьих грез, который штаны себе залатать не может? А еще, пожалуй, нужно будет расширить у них юридические занятия. Хотя бы на пару часов в неделю. Порой эти студенты выказывают поразительное и прискорбное неведение в части того, каким образом можно развлекаться, не обрушивая на свои головы всю тяжесть длани закона.

Если бы мне дали поразмышлять еще полчаса, факультет боевой магии получил бы дополнительно к расписанию не два-три, а все шесть часов занятий еженедельно, но к дому подъехал экипаж, и я наострила уши.

Дверь распахнулась бесшумно. Из-под моего куста не было видно, кто ее открыл, но выбор был, собственно говоря, невелик: вряд ли Иоланда исполняла роль привратника, слуги уволились, значит, Маддалена. Все так же, не говоря ни слова, она осветила магическим фонариком лица двух приехавших мужчин и, посторонившись, пропустила их в дом. Разумеется, лица эти мне видны не были, но амулет, который я

заблаговременно прикрепила над входом в дом, надеюсь, сделал пару магоснимков. А больше нам и не потребуется.

Пробормотав слова заклинания, я активировала другой амулет, подслушивающий, оставленный в той самой гостиной с камином, где несколько часов назад мне вежливо указали на дверь. Какое-то время было тихо, потом звякнуло железо — кочерга о каминную топку, надо полагать, — потом скрипнули ножки кресла. Приятно осознавать, что я не промахнулась и встреча состоится именно там. И именно сегодня, потому что еще одного вечера в компании комаров и куста смородины мне бы хотелось избежать.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — раздался в наушнике вежливый баритон.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — эхом повторил второй голос пониже тоном и... попростонароднее, что ли.

Минуту помолчав, графиня Иоланда де Вермиго-Луаль отозвалась:

— Доброй ночи. Итак?..

— Прошу простить. — Владелец красивого баритона откашлялся. — Видите ли, в чем дело...

— Вижу, что интересующих меня документов у вас нет. — Голосом графини можно было мясо замораживать. — В таком случае сегодня нам не о чем разговаривать. Где выход, найдете сами.

— Простите, госпожа, только так дело не пойдет, — вмешался второй мужчина. — Та вещь нужна нам сейчас, от этого зависит слишком многое.

— И что? Почему меня это должно волновать?

— Потому что, в том числе, это тот самый волосок, на котором висит и жизнь вашей дочери, — снова произнес первый.

— Луиза сама выбрала свой путь, так что это не аргумент. Чего вы хотите от меня?

— Ваше сиятельство, мы просим о своеобразном кредите...

— Что вы мелете, любезный! — Скрежетнули по голому полу ножки стула, несколько раз тихо стукнули каблучки — видимо, Иоланда отошла к камину.

Баритон продолжил:

— Да, я бы назвал это именно кредитом: вы отдаете нам... книгу, а я готов поклясться чем угодно, что бумаги вы получите сразу же, как только они будут у нас в руках.

— Вот как? Какую же клятву вы считаете достойной столь редкого товара? — В голосе графини слышалась насмешка, будто она разговаривала не ночью с двумя совершенно сомнительными личностями, а днем в тронном зале с отрядом стражи за спиной выслушивала просителей.

— Моей честью? — предположил гость.

Иоланда хмыкнула.

— Этот предмет сегодня котируется на удивление низко. Нет, кредита не будет. Убирайтесь.

— Вот как? — рыкнул второй. — Ну, тогда...

Договорить ему не удалось. В доме прогремело несколько выстрелов, я вскочила и бросилась туда. В гостиную мы влетели одновременно с Маддаленой, а через мгновение за моей спиной Валери выкрикнула заклинание яркого света.

Под потолком зажегся большой магический фонарь, и стало возможным разглядеть, чем же закончилась беседа. Двое визитеров лежали на полу, Иоланда сидела в кресле и рукой зажимала рану в плече.

— Анри! — Я кивнула ему на тела, и он послушно склонился над ними.

— Оба ранены, этот в правое бедро, — ответил он через мгновение, — а у второго пробит правый бок. Обоих можно вытащить, если они вам нужны.

— Нужны? — Я взглянула на графиню.

Та покачала головой.

— Это пешки, их хозяин собой не рискует.

— Ладно. Я, конечно, предпочитаю, чтобы преступники отправлялись куда-нибудь на общественно полезные работы, но сейчас не до этого. Свяжи обоих и оставь в кладовке, что ли, дальше уж как им повезет. — Я повернулась к Иоланде. — Давайте погляжу ваше плечо.

Рана оказалась сквозной и вроде бы неопасной, были повреждены только мягкие ткани, так что я велела Маддалене принести горячей воды, чистую ткань и чего-нибудь обеззараживающего. Кувшин с водой появился мгновенно, слава богам, согреть ее для мага дело секунды. На мой вопросительный взгляд девушка пожалала плечами.

— Мы обе здесь не жили, я даже не знаю, есть ли в доме аптечка.

— Нет, — тихо сказала Иоланда. Она побледнела и тяжело дышала.

— Вот тьма! — выругалась я.

Придется пользоваться неприкосновенными запасами...

Достав из пространственного кармана фляжку, я смочила обнаруженный в кармане чистый носовой платок и приложила к ране. Иоланда зашипела, и неудивительно — аквавита крепостью в шестьдесят градусов хорошо обожгла, наверное.

Вытряхнув свечу из подсвечника, вполне похожего на стакан, я сполоснула его горячей водой и, налив из той же фляжки до половины, протянула графине:

— Залпом выпей!

Пока молодежь прибиралась (то есть безо всякого почтения отнесла в одну из пустующих комнат анфилады так и не очнувшихся раненых бандитов), я закончила с перевязкой, развернула кресло Иоланды к камину и сама села напротив нее. Волшебная аквавита вернула щекам женщины некое подобие румянца, да и обезболивающее заклинание сыграло свою роль. Все-таки какой бы стальной ни была графиня де Вермиго-Луаль, ей было больно и страшно.

Я и сама не слишком люблю, когда в меня стреляют...

Вернувшись в гостиную, Маддалена застала совершенно идиллическую картинку: две немолодые дамы греют кости у живого огня и неторопливо беседуют.

— Скажите, юная леди, а какой-нибудь суп в доме есть? — спросила я. — Или бульон?

— Есть... кажется, — сказала она неуверенно. — А что?

— Вашей бабушке сейчас не повредило бы что-нибудь горячее и жидкое. Если нет супа, тогда можно кофе с молоком и плитку шоколада. Найдете?

— Я попробую.

— Очень хорошо, — кивнула я. — А эти молодые люди вам помогут.

Когда компания выкатилась за дверь, я повернулась к графине и сказала:

— Теперь послушайте меня, Иоланда! Я могу попросту прочесть в вашей голове все, что касается последних приключений этого семейства, моей ментальной магии на это

хватит...

— Разве чтение без согласия пациента не запрещено законом? — Голос у нее был слабый, но ехидный.

— В ряде случаев можно обойтись и без согласия, а моих допусков хватает на все, — успокоила я эту поборницу прав человека. — Так вот, я могу прочесть, но хочу, чтобы вы рассказали мне все сами. Что за документы должны были доставить эти люди, какой товар хотели получить взамен, что произошло с вашей дочерью и куда делись деньги и земли семьи де Куртене?

— Как много вопросов... Может, завтра?

— Завтра я вызову сюда пару крепких ребят из городской стражи и оперативников магбезопасности, и рассказывать ничего не понадобится. Сегодня я готова вас выслушать и сама рассудить, нужно ли государству вмешиваться в это дело. Предложение одноразовое, действует десять минут, и время пошло!

Ну да, я разозлилась! Обо мне можно сказать много плохого, но даже злейший враг не обвинит меня в том, что я хоть когда-нибудь действовала в личных интересах. А тут... пока что все известные мне достоинства этой женщины в том, что она стреляет быстрее бандитов, да еще, пожалуй, в том, что когда-то, больше сорока лет назад, Иоланда не пожалела ничего для спасения мужа. Ах да, еще у нее есть внучка, которая теоретически могла бы подойти в качестве невесты его величеству Луи XI.

Десяти минут графине не понадобилось.

— Хорошо, — сказала она со вздохом. — Я расскажу. Только вам, наедине и так, чтобы Маддалена не услышала. Ей... ни к чему портить ей жизнь лишней информацией.

— Дело ваше, — пожала я плечами. — На мой взгляд, информация не бывает лишней, только несвоевременной. Сейчас молодые люди принесут для вас суп или что там удастся добыть, и отправятся спать все трое, а мы поговорим.

Добыть удалось бульон, хранившийся в стазисном шкафу. Я с некоторым сомнением посмотрела на дымящиеся чашки — мой правнук, владелец преуспевающего ресторана в Люнденвике, уверял, что стазис портит аромат деликатесных продуктов, — но не стала капризничать и присоединилась к ночному пиру. Благо к бульону нашлось еще и несколько сухарей.

Студенты отправились спать, забрав с собой Маддалену, чашки были отставлены в сторону, и графиня начала свой рассказ:

— Иногда мне казалось, что Луиза — мое наказание за грехи в прошлой жизни. Или еще за что-то, не знаю. С самого раннего детства она была упрямой и своевольной, но это еще полбеды. Хуже то, что ее всегда тянуло к тому, что было на грани или за гранью закона, морали, приличий, традиций. Она не пожелала учиться магии дома и потребовала, чтобы я отправила ее в школу в Валахии...

— Все-таки некромантия? То есть нам даже и придумывать ничего не пришлось, проверка была своевременная?

Иоланда поморщилась.

— Это не она. Я не видела дочь очень давно, почти шесть лет, а в Мондрагон она не приезжала еще дольше!

Пожав плечами, я поставила мысленную галочку о необходимости опросить жителей близлежащей деревни и жестом попросила ее продолжать.

— Да, школа в Валахии, некромантия. У Луизы и в самом деле была предрасположенность к стихии смерти, совсем небольшая. К земле, например, гораздо сильнее, но она выбрала именно это направление, как я ее ни отговаривала. Когда дочери исполнилось двадцать два, она сообщила мне, что выходит замуж за коллегу-

некроманта. На свадьбу меня не пригласили, с женихом и его семьей не познакомили, да и вообще контакты наши почти прервались. Я жила в Лугадун-Лионнэ в доме, доставшемся мне от мужа, и, признаться, тосковала. Через два года Луиза приехала с трехмесячной малышкой и оставила ее мне, это была Маддалена.

— Пойдите, но ведь она носит фамилию де Куртене? Я не слыхала, чтобы в этом семействе встречались некроманты.

Точнее, этой информации не было в предоставленном мне досье, как добытом Грунгахом, так и полученном от главы Службы магбезопасности. Но о досье я Иоланде сообщать не стала, а в ответ на мое удивление она лишь устало улыбнулась.

— Шевалье Серж де Куртене стал официальным мужем Луизы через два года после рождения девочки. Поскольку был бесплоден, Маддалену он удочерил.

— И его семья не возражала?

— Не было у него никакой семьи. Вообще. Единственный сын, родители погибли в катастрофе с экипажем, дальние четвероюродные тетки в Новом Свете не считаются. Зато Серж обладал немалым богатством — землей. Виноградниками.

— Получается, тот некромант, первый муж, умер?

— О нет! Он-то жив до сих пор. — Порывистый вздох Иоланды походил на всхлип, но я этого постаралась не заметить. — Жив, здоров и вертит моей дочерью, как хочет. Просто тогда они заключили брак в святилище Немаин... нетрудно догадаться, что существовал этот брак лишь в ее воображении.

Приходилось сохранять серьезное лицо, хотя это было трудно. Нет, ну все же в двадцать с лишним лет Луизе уже следовало бы быть поумнее! Немаин, древняя богиня смерти и войны, к женитьбе имела такое же отношение, как я к певчим канарейкам. Да уж, после такой церемонии можно было искать реального мужа хоть на следующий день...

— Ладно, — вздохнула я. — Последний вопрос по истории, и перейдем к делам сегодняшним. Зачем это было нужно Куртене? Можно понять некроманта, которому вовсе не хотелось содержать «жену». Можно понять Луизу, которой не хватало стабильности. Но зачем понадобился, уж простите, столь сомнительный брак богатому дворянину из хорошей семьи? Конечно, дочь графа, но связь с некромантом перечеркивает благородное происхождение. Я знаю окситанцев, они горды, словно верблюды!

Графиня поморщилась, но не издала ни звука.

Встав из кресла, я прошлась по комнате и выглянула в окно. Ночь уже серела, в саду начался оглушительный птичий концерт, копать дальше в этих неприглядных историях не хотелось ужасно. Хотелось выкурить трубку и лечь спать.

— Чего требовали от вас эти... подстреленные? — резко повернулась я к Иоланде.

Та вздрогнула, но ответила спокойным голосом:

— Гримуар моей прабабки. Она тоже была некроманткой, но не практиковала, а, скорее, теоретизировала.

— А взамен должны были принести?..

— Луиза заложила почти все, что досталось ей по завещанию Куртене — виноградники, винодельню, земли. Даже столовое серебро. Я хочу получить залоговые документы и выкупить хотя бы что-то.

— И отдадите гримуар?

— С радостью.

— Не опасаетесь, что вашу дочь и ее любовника занесет во что-то противоправное?

Иоланда рассмеялась, только смех ее звучал невесело.

— Если бы у них были бы какие-то способности, они бы уже давно туда влезли! К сожалению, мне не удалось привить дочери хоть какое-нибудь представление о том, почему нужно следовать требованиям морали... Нет, не опасаясь. Все, что делает эта парочка, получается вкривь и вкось, а уж теоретические рассуждения о влиянии фазы Юпитера на уровень некроизлучения старых кладбищ им даже не прочесть.

— Если вам понадобится помощь, вы знаете, как меня найти. А сейчас, с вашего позволения, я прогуляюсь по саду и лягу спать. Завтра утром мы передадим раненых страже, дадим показания о самозащите и освободим вас от нашего присутствия.

Я села на ступени крыльца и раскурила трубку. История, рассказанная мне Иоландой, сквозила дырами, словно рыболовная сеть, но мое вмешательство здесь было лишним. Никаких преступлений в магической сфере не совершено, бандитами займется стража, а мы уедем, поставив минус в списке королевских невест.

Какие-то кусты рядом со мной пахли совершенно одуряюще, птицы слегка угомонились, но продолжали свиристеть то тут, то там. Иногда вот в такие минуты я думаю, что, может быть, стоило бы остановиться, передохнуть, осмотреться...

Ага, а пока я буду отдыхать, какой-нибудь юный гений придумает новые заклинания, алхимики создадут живую воду, а менталисты научатся исправлять криминальное мышление вливанием светлых мыслей. А я все это пропущу?

Небо на востоке зарозовело, надо бы лечь и хоть часа три поспать, прежде чем мои деятельные помощники меня разбудят. Поднявшись со ступеньки, я аккуратно выбила трубку и подошла к кусту понюхать его белые цветы. Что-то прошуршало совсем рядом, и щеку задело будто бы мягкой кистью. Я повернулась: на перилах крыльца сидела большая сова и недовольно вертела головой.

ГЛАВА 4

Выйдя из дверей центральной порталной станции в Лютеции, я сказала:

— Встречаемся завтра здесь, в десять утра. Если понадобится, коммуникатор со мной.

— Я буду у родителей, — ответил Анри.

— Ну а меня ждет пустое и тихое общежитие, свободная комната и вечер в кровати с книгой! — радостно откликнулась Валери.

— Может, ко мне? Там у тебя тоже есть комната, кровать и целая библиотека. — В голосе молодого человека звучали просительные нотки, но в ответ он получил твердое «нет!».

Смилостивившись, Валери пояснила:

— У тебя надо к ужину одеваться, лицо держать, причесываться с помощью горничной... Вот, правда, хочется отдохнуть. До завтра!

И, развернувшись, она независимой походкой пошла в сторону Нового моста.

Я не стала утруждать себя хождением по городу и открыла портал в свой дом. Бакстон, дворецкий, появился в холле через секунду после меня — ну точно, у него установлена какая-то тайная сигнализация! Сняв легкую куртку, я повесила ее на перила лестницы и устремилась вверх, крикнув ему:

— Принесите мне в кабинет кофе и булочки, обедать я буду в городе!

Про себя добавила — а, скорее всего, и ужинать тоже.

План составила такой: центральный офис стражи, библиотека академии и еще одна встреча... если нужный мне персонаж в городе.

Все-таки в схожих вроде бы ведомствах работа поставлена совсем по-разному.

Казалось бы, городская стража и магбезопасность — вполне себе родственные службы, если не родные, так уж точно двоюродные. Но у нас проще простого попасть хотя бы и к главе конторы господину Равашалю... ну, конечно, если вам есть что ему сказать. У коллег же мне пришлось провести чуть ли не полчаса, доказывая дежурному на входе, что мне нужно увидеться с гранд-полковником Теруанем, и не просто так, а по важному делу. Так что на четвертый этаж я даже не поднялась, а, можно сказать, взлетела впереди облака собственного раздражения.

Кабинет у гранд-полковника оказался большой и светлый, три его окна выходили на набережную Орфевр, и магическую защиту на них ставил хороший профессионал.

Я подумала, что могла бы эти щиты взломать минут за двадцать, и устыдилась.

— Госпожа Редфилд! — Люсьен Теруань, спортивного вида брюнет с седыми висками и голубыми глазами вышел из-за рабочего стола, заваленного бумагами, и встретил меня чуть ли не у двери. — Рад вас видеть!

— Не сказала бы то же самое обо всех ваших подчиненных, — пробурчала я, усаживаясь в предложенное мне кресло.

— А! Наверное, пришлось постоять возле дежурного, пока он проверял документы и звонил моему секретарю? — с понимающей усмешкой покивал гранд-полковник. — Честное слово, это не имеет отношения к вам лично! Просто к нам тут повадилась ходить одна очень пожилая дама... жалуется на привидение в собственном доме и требует, чтобы к ней или поселили постоянного дежурного, или выдавали за счет королевской казны раз в месяц по два метра серебряной фольги для шапочек.

— Не так уж и много, — пожала я плечами. — Думаю, казначейство могло бы пойти на такой расход. А что, призрак очень уж зловредный?

— Ну, как сказать... — Теруань, долго сдерживавшийся, наконец захохотал, да так, что форточка распахнулась сама собой. — Представляешь, ее донимает дух покойного супруга, недовольный расходом унаследованных вдовой средств.

— Бедняга! — искренне посочувствовала я.

— Кто именно: он или она?

— Ну... пожалуй, оба! С активными призраками я сталкивалась, обычно они невыносимо занудны. С другой стороны, знать, что ты всю жизнь копил, а теперь собранное и любовно сохраненное профуфывают, тоже не мед с вареньем.

Гранд-полковник ухмыльнулся и вызвал секретаря, чтобы нам подали кофе.

Уходила я через полчаса, вдоволь повеселившись над историями, рассказанными Теруанем, и поделившись, в свою очередь, несколькими недавними случаями из моей практики.

Главное же — что историю имения Мондрагон, вдовы шевалье де Куртене и информацию о сомнительном некроманте я передала в хорошие, надежные руки. Вот теперь я могу точно быть уверена, что ни Луиза, ни ее любовник ни в какой криминал не влезут, и не по глупости или неумению, а оттого, что им не дадут.

Хранитель Либер был в библиотеке.

Собственно, он всегда был именно здесь, сколько я себя помню, — стоял возле стойки, что-то негромко говоря присмирившим студентам, просматривал корешки книг в уходящих в туманную даль шкафах, изучал за столиком какие-то пожелтевшие свитки...

Сейчас Либер увидел меня, и его желтоватое лицо сморщилось в жутковатой гримасе, которую я определила как улыбку.

— Рад новой встрече, Лавиния, — сказал он, откидывая символическую доску, отделяющую хранилище от читального зала. — Проходите. Как ваша миссия, близится к завершению?

Ну да, поручение его величества было секретным, но Либеру я могла доверять куда больше, чем любому разумному на нашей планете.

— Какое там! — махнула я рукой. — И до середины не добрались.

— И кто у вас следующий?

— Две девицы из Нормандии, художница и целительница.

— Понятно. Вы хотите подобрать какую-то литературу по живописи?

— Упаси меня Великая! — Инстинктивно я сделала рукой жест охранения. — Нет-нет, я хотела посоветоваться. Не знаете ли вы кого-нибудь из старых богов, кого сопровождает сова?

— Сова? — переспросил хранитель. — А какая именно, не скажете?

Тут задумалась уже я. В первый раз мы увидели птицу ночью в развалинах монастыря. Если бы она была темной, даже силуэт был бы неразличим, так что светлая, если не белая. Второй раз — вчера, вернее, сегодня в предзвездных сумерках...

— Белая, — уверенно ответила я. — И большая, размах крыльев метра полтора.

— Интересно... — Желтые глаза заблестели. — У вас есть время подождать, госпожа Редфилд, или вы заглянете попозже?

Время, которое хранитель попросил на поиски, я провела в канцелярии коллега

Сорбонны. Решила, что, раз у нас две девушки из списка здесь учатся, нужно хотя бы их досье посмотреть. А еще лучше — скопировать и сравнить с информацией, полученной от коллег из Службы магбезопасности.

Возможно, кого-нибудь удивит то обстоятельство, что на семьи всех гипотетических невест существовали досье. На мой взгляд, это разумный подход. Конечно, я пристрастна, но не один раз при расследовании серьезных преступлений, совершенных с помощью магии, найти преступников помогала мне заранее полученная информация. Именно она правит миром, а вовсе не боги и не короли.

Либер повел рукой в белой перчатке, приглашая меня сесть в кресло, сам устроился напротив и выложил на столик толстую книгу и три небольших брошюры.

— Итак, дорогая госпожа Редфилд... Первая мысль, которая возникает у любого в ответ на ваш вопрос, — Афина Паллада. Как вы помните, ее птица именно сова.

Я кивнула. Что-то царапало память, но пока на поверхность не всплывало. Хранитель библиотеки продолжил:

— Но тут есть одна деталь, которая сводит на нет тщательно выстроенную конструкцию. Богиню часто изображали с небольшой птицей на плече, и это всегда была даже и не вполне сова, а ее родственник, домовый сычик. Так что метровый размах крыльев исключается. — Он отложил в сторону одну из брошюр и потянулся за книгой. — Далее. Традиционно сова считается спутником великого Мерлина.

— Какая? Тоже сычик?

— Достоверно это неизвестно, но я склонен предполагать, что это коулвидская сова, та самая, к которой Гвррир отправился с вопросом о местонахождении похищенного Мабона.

Как ни плохо знала я кельтские легенды, но эту почему-то помнила.

— Там была сова столь большая, что под ее тяжестью гнулась ветвь дуба, не так ли?

— Да, верно.

— Тогда тоже не получается, теперь птица чересчур велика.

— Согласен. Варианты богов, которым молились майя или тлинкиты, рассматриваются? Богиня дождя Теотиуакан?

— Мм... Наверное, нет. Далеко, давно... Да и через океан магические существа плохо перебираются.

— Тогда последнее, что могу предложить, — норны. Сестры судьбы, живущие у корней Иггдрасиля.

— Нордхеймские легенды? «Младшая Эдда» и прочее?

— Именно. — Хранитель кивнул и раскрыл передо мной последнюю из брошюр как раз на развороте, где я увидела гравюру: огромное дерево, его узловатые корни, выходящие из земли выше человеческого роста. И три женщины: старуха, средних лет и молоденькая девушка. Рядом с девушкой — большая белая птица. — Похожа?

— Ну не то чтобы я отличала одну сову от другой... Да, похожа.

— Норна Скульд, изображаемая юной девой, не символизирует будущее в понятии неизбежности. Это именно «возможное будущее», то есть один из его вариантов, который может и не произойти, если не будут совершены определенные действия.

— То есть проблема выбора?

— Именно так.

Надо будет завтра рассказать студентам об этом. Интересно, сколько им понадобится времени, чтобы сообразить, какое отношение к нашему заданию имеет написанная девятьсот лет назад скальдическая сага и ее персонажи?

У меня оставалась еще одна запланированная встреча, вот только я не была уверена, что она состоится. И дело вовсе не в необязательности другой стороны, просто никакой предварительной договоренности у нас не было. Я просто знала, что каждый день вне зависимости от погоды, природы и окружающих событий Гарланкер отправлялся обедать в кабачок «Третья склянка». Он приходил туда ровно в половине второго, садился за свой любимый столик под прикрепленным к стене штурвалом, заказывал в холодную погоду луковый суп и пол-литра красного вина, а в жару — камбалу и белое вино.

Ну, во всяком случае, последние семьдесят два года, а именно столько мы были знакомы с Фенгари Гарланкером, этот неизменный ритуал им соблюдался всего лишь с двумя отступлениями. В первый раз Фенгари пропустил несколько обедов в «Третьей склянке» по моей просьбе, как раз, когда мы познакомились. Во второй — он на неделю уезжал в Подгорное королевство на похороны верховного правителя гномов и выборы нового.

Ибо Гарланкер был гномом, почтенным мастером из хорошего рода, столь хорошего, что его присутствие на похоронах и участие в выборах было необходимо. Как и положено порядочному гному из, повторяю, очень хорошего рода, он стал ювелиром и достиг в этой области немалых высот. Ну, например, малую корону для короля Спаньи делал именно Фенгари.

А когда почтенному мастеру стукнуло девяносто, он вдруг понял, что размеренная жизнь добропорядочного гнома ему надоела донельзя. Отдал мастерскую племяннику, попрощался с прочей родней и уехал в Лютецию. Здесь купил верхний этаж одного из домов на улице Шапталъ прямо напротив художественной галереи, устроил там мастерскую и... стал рисовать.

Можете не говорить мне, что гномы художниками не бывают, — ювелирами, горнодобытчиками, банкирами, финансистами сколько угодно, а художниками нет, поскольку не дан им талант придумывать что-то свое. Только перенимать и улучшать. Оказывается, и живописцами сыны подгорного народа становятся. Просто крайне редко.

Без четверти два я вошла в таверну, кивнула официанту и взглянула направо в сторону столика под штурвалом. Фенгари был на месте, ему как раз принесли графин с белым вином, и он медленно, по глотку допивал первый стаканчик.

— Привет! — сказала я, отодвигая стул. — Я присяду, позволишь?

Гном посмотрел на меня без восторга и пожал плечами.

— Если я скажу нет, это что-то изменит? Садись.

Я села и взглянула на официанта, тот кивнул, и в мгновение ока на столе появился второй стаканчик. Налив себе пару глотков, пригубила вино и одобрительно кивнула: совсем неплохо.

— У меня к тебе дело, — сказала я, придвигая к Фенгари кожаный мешочек. — Здесь задаток, пять сотен дукатов.

— Кого-то надо убить?

Кошель исчез, словно его и не было.

— Это я и сама бы сделала, к чему привлекать неспециалиста, — отмахнулась я. — Ты знаешь, что в начале августа в Довиле проходят королевские скачки?

Разумеется, мой собеседник ответил вопросом на вопрос:

— А ты когда-нибудь видела гнома, едущего верхом?

— Видела, но я не об этом. Мне нужно, чтобы ты написал несколько портретов людей, которые там будут, и которых я тебе укажу.

Гном хмыкнул.

— И тебе, конечно, нужно, чтобы я сделал это по памяти, без хотя бы одного сеанса позирования?

— Да.

— Сколько всего?

— Максимум десять. Скорее, меньше. — Лично мне уже понятно, что Мари-Адельфина д'Этан Сарсена не слишком подходит в качестве королевской невесты, а уж Маддалена и вовсе никак не годится, так что количество девиц сокращается на лету...

— Еще тысяча. И ты получишь свои портреты.

— Сроки?

— В течение недели после дня скачек. А сейчас уходи, мне несут мою камбалу!

Возможно, кто-нибудь удивился бы, почему я прошу написать портреты девушек не кого-то из прославленных живописцев Лютеции и не официального королевского портретиста, а мало кому известного гнома.

Беда художника Фенгари Гарланкера была в том, что его портрет показывал истинное лицо модели... Нет, даже не в этом дело! Любой хороший рисовальщик изображает модель настолько правдиво, насколько он ее видит. А вот если смотреть на работу Фенгари, сразу становился понятен характер человека, его душа.

Нет, непонятно объясняю, нужно на примере.

Когда гном только начал писать, обосновавшись в своей мастерской на шестом этаже, я вела расследование серьезного дела о магическом воздействии и крупном мошенничестве. Дело подошло к финалу, почти все доказательства вины мэтра А. были собраны, и вдруг по данным последней из экспертиз становится понятно, что виновен вовсе не А., а Б.

Тут я с некоторым ужасом поняла, что все улики равно приложимы к обоим магам и именно я могу ошибиться, решая судьбу разумного.

Ментальным даром я тогда не обладала, в Галлии вообще не было в то время ни одного стоящего менталиста. Вызвали из Нового Света, но время уходило, как песок сквозь пальцы.

В тот раз Фенгари сидел возле фонтана на площади Данкур и рисовал портреты всем желающим. Поскольку таких же художников, предлагавших свои услуги за сравнительно небольшие деньги, было немало, очередь к нему не стояла. Я заглянула через плечо рисующему просто из любопытства, все же гном... И удивилась. Он занимался портретом молоденькой блондинки, судя по всему, продавщицы из соседнего магазина. Девушка была не слишком хороша собой, а вот на портрете выходила такая красота, что я поморщилась — нельзя же так льстить модели. Потом взглянула на нее еще раз и поняла: гном рисует душу, светящуюся в глазах, улыбку, скрытую в душе, и свет, сияющий в улыбке.

Вот так мы и познакомились.

Заказов у Фенгари было немного, и он по моей просьбе изобразил обоих подозреваемых. Взглянув на портреты, мы с моим тогдашним помощником сразу поняли, что нужно искать дополнительные доказательства, свидетелей, что угодно, потому что преступником был мэтр А., а своего коллегу он просто умело подставил.

Нашли, конечно. Менталист прибыл, подтвердил нашу правоту, да и А. сознался. Но благодаря ему у меня осталось вот такое необычное знакомство.

Кстати, и по сей день Гарланкер заказами не обременен. Мало кто обладает столь прекрасной душой, чтобы на портрете его работы быть лучше, чем в реальности. А уж нам ли не знать, какие жабы получаются иной раз из признанных красавиц...

ГЛАВА 5

Довиль встретил нас штормом: свинцово-серые волны с шипением выбрасывали на берег белую пену, низкие тучи цеплялись за причальную мачту для дирижаблей, норд-вест рвал канаты.

— Надо полагать, все рейсы отменены до окончания шторма? — спросила Валери, пытаясь перекричать ветер.

— Наверное, — пожала плечами я. — Большая удача, что сюда, в Довиль, есть стационарный переход. Я бывала здесь, но очень давно, сама построить портал не решилась бы. Вот тьма!..

Резкий порыв ветра вырвал из моей руки листок с адресом очередной девушки, но Анри в прыжке поймал беглеца.

— Итак, нас ждут окрестности Онфлера! — сказал он, возвращая мне бумагу. — Пойдем потрошить местного мэра?

— Между прочим, предлагаю обсудить причину нашего появления в поместье... Как там оно называется? Заранее, а не на пороге, — с ехидством сказала Валери. — Госпожа профессор?

— Хорошая мысль! Вон там кафе, сядем, и я выслушаю ваши предложения за чашкой кофе.

— Наши предложения?

— Именно!

К кофе я заказала один из местных деликатесов — обжаренный камамбер с джемом из яблок с кальвадосом. Валери соблазнилась мирлитонами, корзиночками из слоеного теста с миндальной начинкой, а ее друг предпочел яблочный пирог.

— Итак, — сказала я, отодвигая тарелку. — Ваши предложения?

— Если я правильно помню, девушка, к которой мы должны попасть, художница? — спросил Анри.

— Да.

— Может быть, в качестве покупателей ее работ?

— Не пойдет, — тут же отвергла идею Валери. — Мы не знаем, выставлялась ли она когда-нибудь... Не знаем ведь? — Я помотала головой. — Ну вот. Где бы мы могли услышать о работах никому не известной рисовальщицы, да еще и возбудиться настолько, чтобы прискакать в Довиль?

— Ну, например, по рекомендации ее педагога по классу живописи.

— Не пойдет. В досье указано имя учителя, но нет информации ни об их взаимоотношениях, ни о том, где он сейчас. А вдруг умер или уехал в Новый Свет?

— Странное какое-то у нас досье, госпожа профессор, — пробурчал Анри себе под нос с точно рассчитанной громкостью: тихо, но так, чтобы я услышала.

— А давайте глянем по карте, где находится поместье? — предложила Валери. — Как удачно в прошлый раз с монастырем получилось, вдруг и здесь что-то подобное есть?

— Ну не буду же я за столиком в кафе разворачивать объемную карту! Предлагаю другой вариант...

— Какой? — Две пары глаз, голубые и темно-карие, уставились на меня в ожидании кроликов, которых я буду вытаскивать из рукава.

— Возьмем комнаты в какой-нибудь здешней гостинице, потратим сегодняшний день на

изучение подходов, составим план, а уже завтра с утра отправимся... э-э-э... в гости.

Я помахала рукой хозяину заведения, отиравшемуся возле стойки в ожидании новых заказов. Толстяк неспешно подошел и поклонился.

— Что угодно господам? Камамбер понравился?

— Выше всяких похвал, — честно сказала я. — Посоветуйте нам, где можно остановиться на одну ночь? Выяснилось, что наши дела требуют задержаться в городе.

— Так что же. — Он разгладил белоснежную салфетку и положил ее на край стола. — Можно и у меня тут, на втором этаже есть комнаты. Не обессудьте, ванная только одна в конце коридора, а умывальник в каждой спальне. Хотя...

— Что?

— Небось не по статусу вам так-то, в трактире жить, надо в «Ройял отель» селиться...

— Если бы я хотела жить в отеле, я бы туда и пошла, — с некоторой резкостью ответила я. — Сколько?

— Десять дукатов за три комнаты, завтрак подам.

Выложив на стол десять монет, я встала и попросила:

— Проводите нас.

Комнаты оказались небольшими, но очень чистыми и какими-то домашними. Из окон моей видно было море — сине-серая вода, сливающаяся с серо-синими тучами, белые барашки на волнах, белые скалы слева, там, где Довиль заканчивался. Стола не было, только кровать, шкаф, два стула и обещанный умывальник, поэтому я бросила сумку на стул и щелчком пальцев развернула карту на чистом ярко-желтом покрывале. Итак, нам нужно найти поместье Ролон-ан-Ож и понять, на какой козе подъехать к его владельцам.

— Да, войдите, — откликнулась я на стук в дверь.

— Госпожа профессор, у меня информация! — воскликнула Валери, не успев войти.

— Рассказывай. — Я вспомнила, как ловко подслушали нас в шато Сарсена, и поставила полог от прослушивания.

Сумка отправилась в шкаф, я заняла один стул, девушка второй, а Анри уселся на пол.

— Служанка, которая провожала меня в комнату, спросила, не на бал ли мы приехали? А что, говорю, какая разница? Она отвечает — у вас багажа мало, а на бал надо маскарадный костюм. Так если вы хотите, мол, у ее тетюшки ателье, и есть готовые домино, маски и все такое.

— Хм... Бал, надо полагать, в мэрии?

— Именно! И туда приглашены, естественно, все окрестные дворяне.

— Неплохо! Ты молодец, девочка. Тогда так: я отправляюсь к мэру и выясняю подробности, а вы вдвоем идете в лавочку и берете напрокат костюмы. Мне довольно будет домино и маски, а для себя уж решите сами.

Да, как я и ожидала, доставленный мне черный плащ с капюшоном, пусть и на белой подкладке, был скромнейшим из маскарадных костюмов. На гладком полу бального шатра, сооруженного на центральной площадке местного ипподрома, скользили в танце, прогуливались со знакомыми и искали новых встреч монахи и рыцари, пираты и коломбины, нимфы и одалиски. Заметила я в толпе и пару чудаков, наряженных Кернунносом, и в который раз поразились, как они ухитряются с такими развесистыми рогами не то что танцевать, а вообще передвигаться!

Я стояла с бокалом местного сидра «Le Lieu Cheri» и осматривала зал, тем же самым

занимались мои студенты с той лишь разницей, что я занимала стратегическую позицию недалеко от кресла мэра, а Анри и его невеста кружились в вальсе. Аурограмма интересующей нас девушки прилагалась к досье, так что узнать ее не представляло сложности... не представляло бы, если бы она была в зале. Взглянув на часы, я поняла, что с открытия бала прошло два часа. Если бы представители семьи Ролон собирались появиться на маскараде, они бы это уже сделали. Легкой дорогой пройти не удалось, придется двигаться по сложному пути...

В этот момент за спиной мэра возник его секретарь, склонился к начальственному уху и что-то зашептал. Господин Боклер замер, затем медленно снял маску и повел глазами по залу. Увидев меня, мгновение смотрел остановившимся взглядом, потом что-то сказал секретарю.

«Кажется, эта птичка прилетела по мою душу!» — подумала я. И точно, подтянутый молодой человек подошел ко мне и прошептал на ухо:

— Господин мэр очень просит вас о незамедлительной конфиденциальной беседе!

Поставив бокал на услужливо протянутый лакеем поднос, я спросила:

— Куда?

— Вон в ту арку, прошу вас!

Шторм закончился, разогнав тучи, было свежо и пахло морем, а в небе висели такие крупные звезды, что, казалось, их можно собрать в горсть, словно землянику.

— Завтра будет солнце, — негромко сказал мужчина у меня за спиной.

— Вам виднее, — ответила я, не поворачиваясь. — Господин Боклер, видимо, придется мне попросить на время ваш экипаж, чтобы отправиться в Ролон-ан-Ож, никто из семейства на танцах не появился.

— Экипаж, стражников, любые необходимые ресурсы, — ответил мэр. — Они не приехали по объективным причинам, в поместье произошло убийство... и я прошу вашей помощи.

— А что, в городской страже нет следователя?

— Есть. Но, во-первых, он работает всего лишь второй год, а в нашем городе очень спокойная жизнь, мальчику просто не доводилось расследовать столь серьезные преступления. А во-вторых, по словам моего секретаря Ожьеана, убийство носит магический характер... Да и, в конце концов, вы же все равно хотели познакомиться с семьей Ролон, вот и повод!

— А еще есть и третий пункт в вашем перечне. Не так ли?

— Не стану спорить, есть, — кивнул Боклер. — Через месяц с небольшим здесь соберется весь цвет галльской аристократии во главе с его величеством. Сами понимаете, эту пахучую субстанцию мне нужно закопать как можно глубже и как можно быстрее, уже на следующей неделе сюда потянутся с проверками всяческие службы безопасности.

— Хорошо. — Я повернулась наконец лицом к мэру. — Через сорок минут возле кафе «Клубок и кошка». Экипаж и водитель. Ну, может быть, было бы неплохо, если бы с нами туда подъехал ваш секретарь, чтобы по дороге ввести в курс дела, а на месте пояснить присутствующим, кто мы такие.

— Возможно, что-то еще? Стража, оборудование, эксперт?

— Как я понимаю, маг-медик туда уже отправился? Ну вот, а остальное у меня с собой.

Довиль — город маленький. За пять минут мы дошли от бального шатра на ипподроме до своих комнат на втором этаже «Клубка и кошки», еще десять понадобилось, чтобы

переодеться в обычные штаны и рубашки. Когда студенты постучали в мою дверь, я задумчиво рассматривала раскрытый чемоданчик с реактивами.

— Валери, взгляни-ка, чего здесь не хватает?

Девушка осмотрела ряды склянок, вытащила пару и оценила количество препарата, потом открыла отделение с инструментами и подвергла его столь же придирчивому изучению.

— Для предварительного осмотра, на мой взгляд, все есть, госпожа профессор, а если по горячим следам раскрыть не удастся, тогда нужны будут, скорее, не реактивы, а амулеты. Мы ж еще не знаем, что там произошло.

— Истинная правда, — согласилась я и закрыла крышку чемоданчика. — Вот сейчас и узнаем, до Ролонан-Ожа не больше пятнадцати километров.

Оказывается, дорожка на воде может быть не только лунной. После шторма поверхность океана была гладкой, словно зеркало, и от крупной голубоватой звезды, висевшей невысоко над горизонтом, вела к берегу неширокая светящаяся полоска. Дорога вдоль океана, по которой мы ехали, была ровной, и экипаж двигался гладко и тихо.

Господин Ожъен, секретарь мэра, откашлялся и сказал:

— Госпожа Редфилд, ехать осталось минут десять. Вы хотели узнать предысторию?

— Да-да, прошу вас, рассказывайте! — Я повернулась к мужчине и ободряюще улыбнулась.

Он слегка побледнел и сглотнул; студенты, размещенные на откидных сиденьях к нам лицом, тихонько хрюкнули.

— Да, так вот... Старая Мадам связалась с господином Боклером около семи вечера и сказала, что в поместье произошло несчастье и нужно срочно прислать мага-медика. Что именно произошло, она не сказала. — Голос мужчины слегка окреп, он снова покашлял и продолжил: — Доктор Жонкер отправился практически сразу, а еще через полчаса связался уже со мной и сообщил, что в розовом саду найдено тело мэтра Кальста, причина смерти — полное магическое истощение. Мы... э-э-э... господин Боклер хотел вызвать капитана Тревели, главу городской стражи, но я... это... подумал, что магическое истощение... и вы тут... — Он окончательно запутался в словах и умолк.

Юные негодяи на откидных сиденьях снова попытались хихикнуть.

— Очень хорошо, господин Ожъен, — мягко сказала я. — А почему эта, как вы сказали, Старая Мадам, обнаружив в собственном цветнике труп, не вызвала стражу, а побеспокоила мэра?

— Да что вы, госпожа Редфилд! — вытаращился на меня секретарь. — Да кто ж с ней спорить будет? Только самоубийца!

— Понятно. А имя у нее есть?

— Мадам Клодия Ролон де Касси. Вдова господина стряпчего.

— Замечательно. Поехали дальше. Кто такой мэтр Кальст и как он оказался в Ролон-ан-Оже? — Я почти мурлыкала, но, видимо, у бедняги Ожъена была аллергия на кошек, теперь он мучительно покраснел и закашлялся.

Столь расточительная трата времени меня стала раздражать, и я тихо произнесла заклинание абсолютного спокойствия, подставив в формулу срок пятнадцать минут. Думаю, этого хватит нервному молодому человеку, чтобы внятно изложить все до конца.

Магия помогла, Ожъен застыл и, глядя прямо перед собой, продолжил рассказ:

— Мэтр Кальст — консультант в области произведений искусства, признанный эксперт, искусствовед и немного антиквар. Его приглашают, когда нужно оценить наследство

или, например, решить, стоит ли покупать какую-то работу для коллекции. Ну и в качестве посредника при сделках он часто выступает.

— Признанный эксперт... А скажите, дорогой мой, что о нем говорят, когда его нет?

— Да по большей части ничего хорошего! — храбро ответил успокоившийся секретарь. — И зависеть оценку может, и занизить, смотря, кто ему платит. Пару раз подозревали, что он признавал подлинниками качественные подделки.

— И наоборот бывало? — спросила я с интересом.

— И наоборот, — подтвердил Ожъен. — Да вот хотя бы... О, мы уже подъезжаем!

— Ладно, насчет наоборот мы поговорим позже, — пообещала я. — Что мне нужно знать при разговоре с мадам?

— Единственный человек, которого она любит, — ее правнучка Лилиана. За нее Старая Мадам убьет не задумываясь, перешагнет через труп и пойдет дальше.

— Хорошо, Ожъен. Спасибо.

Фонари экипажа осветили старые каменные столбы ворот и настезь распахнутые кованые створки, мужчину в зеленой охотничьей куртке справа у дороги, уходящей вглубь парка.

Водитель лихо подкатил к парадному входу и с шиком остановился.

Два красиво изогнутых крыла каменной лестницы, освещенной магическими фонарями, вели к площадке, на которой стояла хрупкая женская фигурка в черном платье и вдовьих кружевах на высокой седой прическе. Я вышла из экипажа, остановилась и осмотрелась.

Дом впечатлял.

Сложенный из белого камня, двумя симметричными крыльями он как бы обнимал главный вход с изогнутой лестницей. Фасад, отделанный рустом, казался одновременно и нарядным, и строгим, высокие арки окон первого этажа дополняли маскароны на замковых камнях. Я одобрительно хмыкнула, обнаружив, что изображения не повторялись, и более того, кажется, жили своей собственной жизнью, гримасничали и подмигивали.

— Анри, — спросила я негромко. — Взгляни на рожи над окнами, что ты видишь?

— Это система защиты, — откликнулся он через мгновение. — И нехилая! Маскароны держат... ну то есть являются узлами серьезной сети, так просто в дом не войдешь.

— Любопытно будет посмотреть, есть ли защита над садом, — сказала я и пошла наконец к крыльцу.

Фигура в черном не шевелилась все это время, так что непочтительная Валери пробормотала:

— Интересно, она настоящая или чучело?

— Так двигалась же, — удивился Анри.

— Может, чучело механическое!

— Кто заткнется вторым, будет молчать до завтра! — пригрозила я.

Ростом Старая Мадам оказалась мне едва лишь по плечо. Лицо ее, сморщенное, словно печеное яблоко, неподвижно желтело среди роскошных черных кружев, но темные глаза горели яростным огнем.

— Добрый вечер! — поздоровалась я.

За моей спиной нестройным эхом откликнулись студенты.

— Госпожа Ролон де Касси, разрешите представить вам командера Редфилд из Службы магической безопасности и ее помощников, — проговорил подошедший следом секретарь мэра.

Старуха помолчала, потом сухие губы разжались и вытолкнули несколько слов:

— Командер? Ну-ну, посмотрим, будет ли толк. Входите.

Она развернулась и медленными ровными шагами, будто и в самом деле механическая кукла, пошла к дверям. Ожбан успел подбежать и распахнуть перед ней дверь, склонившись в поклоне.

Мы вошли в большой холл, выглядевший как парадный зал дворца из сказки о Сандрильоне. Гобелены со сценами охоты чередовались с батальными полотнами, справа и слева под высоким балочным сводом свисали вниз потемневшие от времени ветхие знамена. Далеко впереди большое круглое окно, традиционно изображавшее розу, радовало глаз витражом с изображением белой совы на дубовой ветви.

Не знаю, был ли тому виной последний луч солнца, осветивший витраж, или некие шалости с магией, но мне показалось, что птица пошевелилась и глаза ее сверкнули золотом.

Судя по сдавленному оханью за моим левым плечом, Валери видела то же самое и сдержаться не смогла.

Повинуясь жесту хозяйки, мы расположились в креслах у пылающего камина, впрочем, его гигантская пасть не могла преодолеть ледяной холод, исходящий от Старой Мадам. Усевшись, я с интересом включила магическое зрение и взглянула на ее ауру, пронизанную холодными серебряными и сизыми прожилками. Ну вот теперь кое-что понятно... Маг льда, когда-то сильный, но с годами потерявший почти весь резерв. Такое бывает, если не практиковать, задавливать магические способности в себе. Да-да, известный всем и каждому закон Дюпро-Лавала, или закон работающего мага. Пока маг развивает свой талант, учится сам и учит других, идет вперед и работает над собой, он практически не стареет и не умирает. Как только останавливается, устраивается поудобнее в мягком кресле, перестает расти — годы его жизни можно исчислить по пальцам одной руки.

Но морозить визитеров у нее пока получается неплохо...

— Итак, — произнесла я, прерывая молчание, — прошу вас рассказать мне, что произошло.

— Фаллен! — негромко позвала старуха, и из боковой двери появился дворецкий — высокий, худой и бледный, словно в жизни солнца не видел. — Расскажите командеру Редфилд о мэтре Кальсте.

— Все рассказать, мадам?

— Все.

— Хорошо! — Дворецкий повернулся ко мне и монотонным голосом начал говорить.

Итак, мэтр Кальст, к которому можно было бы смело приложить определение «пресловутый», приехал в Ролон-ан-Ож вчера утром и сообщил, что пригласила его госпожа Лиана. Девушка желала оценить свои работы и получить, как она сказала, беспристрастное мнение о том, стоит ли устраивать персональную выставку в Довиле во время королевских скачек.

На этом месте я мысленно присвистнула: в указанное время цены в отелях взлетают вдвое не только в городе, но и в окрестных поселках, рестораны и кафе работают круглосуточно, ну а устроить выставку... Думаю, это должно обойтись дороже покупки сапфирового кристалла в десять карат, пригодного по характеристикам для накопителя емкостью в пару тысяч единиц магической силы.

— И что же, каковы были рекомендации специалиста? — задал вопрос Анри.

Фаллен пожал плечами.

— Госпожи Лилианы нет сейчас в поместье, а с нами мэтр не делился мнением.

Я взглянула на хозяйку.

— Лили поехала к подруге, должна была вместе с ней приехать на костюмированный бал. Я думаю, она там веселится и даже не подозревает, что тут произошло! Она там? — Вопрос был обращен к Ожьену.

Тот помотал головой и отодвинулся подальше.

— Мы уезжали около десяти вечера, — сказала я. — Насколько я могу судить, ваша внучка не появлялась в павильоне, но это ничего не значит: могла приболеть и не поехать, могла, в конце концов, надеть экранирующий ауру амулет. Предлагаю начать с того, чтобы вызвать эту подругу по коммуникатору и проверить, где они.

— Фаллен, наберите номер Адари де Ракутен, — распорядилась Старая Мадам, — и попросите позвать госпожу Лилиану.

Жестом фокусника дворецкий извлек откуда-то коммуникатор последней модели и потыкал пальцем в кнопки. Экран не зажегся, и молчание было ответом.

— Ну что же, волноваться еще рано. Если бы во времена моей молодости были коммуникаторы, я бы тоже не стала отвечать, танцуя на балу! — спокойно произнесла я, тем временем соображая, с чего же начинать: с убийства или с пропавшей девицы?

Пожалуй, все-таки с девицы. Покойник уже точно никуда не убежит, а если учесть полное магическое истощение, из него даже зомби не сделаешь.

— Госпожа Рол он де Касси, я бы хотела осмотреть комнату Лилианы. И еще получить какую-нибудь ее личную вещь, которой она пользуется постоянно. — Поднявшись из кресла, я протянула руки к огню, согревая их.

Если руки окоченели и пальцы не слушаются, можно такого наколдовать, что волосы дыбом встанут...

— Комнату... да, конечно, Фаллен вам покажет. — Хозяйка выглядела скверно. — А насчет личной вещи... Свою горничную она взяла с собой, не знаю...

— Мадам, думаю, мы сможем найти что-нибудь с помощью экономки, — почтительно и твердо ответил дворецкий. — А вам следует прилечь, мадам, и выпить ваше лекарство. Сейчас я позову доктора Блюментроста.

Появился маг-медик вместе с пожилой полной женщиной, личной горничной старухи, ее почти на руках унесли вверх по лестнице. Подозвав студентов, я велела Валери подстеречь доктора и выяснить у него, что показал осмотр тела, а Анри — исследовать место, где покойник был обнаружен. Сама же взяла за рукав Фалена и сказала задумчиво:

— Ведите, драгоценный мой, ведите в комнаты юной девицы. А по дороге рассказывайте, где ее родители, куда делся сын хозяйки, приходящийся Лилиане дедушкой, и что за тьма творится в этом доме?

Светлая, явно девичья комната, выходящая окнами в сад, мне понравилась. Правда, выглянув в одно из окон, я увидела ярко-зеленый магический фонарик и поняла, что смотрю как раз на тот самый розарий, где и было обнаружено тело. Но, в конце-то концов, девушки нет дома... сколько, кстати?

Вопрос этот я обратила к Фаллену, и получила ответ:

— Вчера после обеда госпожа Лилиана встретила мэтра, показала ему свою мастерскую и уехала. После бала она вместе с госпожой Адари должна была вернуться домой.

— Ага, понятно. — Я прошлась по комнате, закрыла глаза, стараясь впитать ощущение, ауру места. Было светло и спокойно. — Значит, это спальня, дальше мастерская, гардеробная, туалетная комната...

— Гостиная, — продолжил перечислять дворецкий, — и еще комната рядом с мастерской, госпожа Лилиана называла ее кабинетом.

— Хорошо. Сейчас мы все это осмотрим, а пока что я жду!

— Чего, госпожа командер?

— Вы так и не сказали мне, где родители девушки и прочие члены семьи!

Ничто из сказанного дворецким не показалось мне подозрительным. Адриан Ролон, старший сын госпожи Ролон де Касси, маг земли, серьезно пострадал четыре месяца назад на строительстве большого спортивного комплекса в Руане. Медики рекомендовали ему после лечения переломов и повреждений внутренних органов длительный отдых, и дедушка Лилианы отправился в кругосветное путешествие в сопровождении сына и невестки, являющихся целителями.

— Конечно, господин Адальберт, отец нашей мадемуазель, почти не владеет магией, но его супруга вполне признанный целитель, только что не обучалась нигде, а так... все сама...

На мой взгляд, целитель, который нигде не обучался, не стоит и ломаного ливра, но об этом я говорить Фаллену не стала. Вылечили Адриана — и слава святой Бригите, для кругосветного тура довольно будет и не слишком умелого мага-медика.

Осмотрев апартаменты Лилианы Ролон, я на минуту задумалась, что же из вещей лучше подойдет для поиска. Нужен был предмет, которым владелица пользовалась, много и часто к нему прикасалась. Носовые платки и прочее, разумеется, были выстираны и выглажены. Перчатки? Но кто знает, какие именно она надевала? Да и вряд ли современная модная девушка носила перчатки летом, так что месяца два-три она явно к ним не прикасалась.

В конце концов я остановилась на кисти, найденной в мастерской. Кажется, такая называется «кошачий язык» — круглый пучок барсучьего волоса, заканчивающийся острым кончиком, на отполированной до блеска ручке полустертая восьмерка. Впрочем, это как раз не важно. Существенно то, что кистью явно много пользовались.

Здесь же, в мастерской, я села возле круглого стола, расстелила на нем шелковый платок, взятый из гардеробной Лилианы, положила сверху кисть и сказала, складывая пальцы левой руки в заученный жест:

— Surie Wende Haryateith!

Бледно-зеленое свечение окутало кисть и платок, собралось в шар, который начал распухать, пока не увеличился почти до метра в диаметре. Снова жест, теперь уже обеими руками, и заклинание:

— Cen-Haryateith!

В центре шара появилось молочно-белое пятно, подобие экрана, на котором я увидела двух девушек — брюнетку и светловолосую, сидящих за столом... вроде бы в беседке? Напротив них спиной ко мне располагались двое мужчин. Видно было, что идет оживленная беседа, на столе я разглядела вазу с фруктами, бокалы, прозрачный кувшин с чем-то красным. Увы, звука это заклинание поиска не предполагало, так что предмет беседы остался для меня неизвестным.

— Ладно, — пробормотала я. — И где же тебя носит? Ratta!

Бело-зеленый шар подернулся туманом и выпустил щупальце, указывая направление.

— Юго-восток, — отметила я. — Надо узнать, где находится имение подруги и посмотреть, как она выглядит. Tyelde!

Свечение погасло, все закончилось. Да и к чему тратить резерв, если главное я уже выяснила: Лилиана жива и здорова, силой ее никто нигде не удерживает. Девушка явно получает удовольствие в приятной для нее компании. Похоже, что из нашего списка придется вычеркнуть еще одну кандидатуру.

Ладно, теперь нужно заняться тем, за чем, собственно, меня сюда пригласили, а именно: изучением обстоятельств смерти мэтра Кальста, эксперта, искусствоведа и антиквара.

Искать Валери долго не пришлось, стоило мне выйти в коридор второго этажа, как из-за угла тут же вывернул дворецкий Фаллен, он и сообщил, что моя помощница беседует с доктором Блюментростом вот здесь рядом, в малой гостиной.

Я опустилась в соседнее с Валери кресло и взглянула на столик перед нами: несколько листов бумаги, исписанных характерным докторским почерком, требующим отдельной дешифровки, кофейные чашки, блюдце с крошками, деревянная коробка, закрытая крышкой... Чем, интересно, они здесь занимались?

— Госпожа профессор, мы вот пытаемся понять, каким образом был опустошен резерв! — ответила Валери на не заданный мною вопрос.

— И что удалось найти? Нет, пожалуй, не так. Доктор, расскажите с самого начала, что вы видели.

— С самого начала? Ну что же... — протянул толстячок. — Меня вызвали в семь часов десять минут вечера. Собственно, я находился в кабинете мэра, когда на его коммуникатор поступил звонок от мадам. Мой экипаж ждал внизу, я сразу же и отправился. Дорога заняла не более получаса, так что тело я осматривал еще при дневном свете. В общем-то, почти сразу было понятно, что смерть наступила от полной потери жизненной энергии, вы же знаете, как это выглядит?

— Обезвоживание, мгновенное старение, тело вытянуто в струну, локти согнуты и прижаты к телу, кулаки сжаты... — начала описывать я.

— Вот именно! Здесь следует еще добавить, что выступил кровавый пот... Очень неприятное зрелище!

— Кто обнаружил тело?

— Садовник Жак Борель. Прошу меня простить, но допросить его вам удастся только завтра утром. Бедняга был в таком ужасе, что мне пришлось дать ему лошадиную дозу успокоительного, да еще и магически воздействовать.

— Ничего, пока обойдемся. И к каким выводам вы пришли?

— Мы с коллегой, — он коротко взглянул на Валери, но я успела заметить некую признательность, — вместе взглянули на тело еще раз и... В общем, такое впечатление, что свою смерть он принес с собой в кармане пиджака.

— Амулет?

— Именно! — Валери перехватила инициативу у Блюментроста. — В правом внутреннем кармане я обнаружила характерную пыль, которая остается от полностью выработанного кристалла. Анализ не проводила, поэтому сказать, какой именно кристалл, пока не могу.

Я не стала унижать студентку, спрашивая, взяла ли она образец этой самой пыли, меня интересовал совсем другой вопрос, но задавать его нужно было не магу-медику.

— Доктор, спасибо! Я надеюсь, вы пришлете мне подробный отчет о вскрытии?

— Не позднее завтрашнего утра! — ответил он, вставая и раскланиваясь. — Я ведь могу забирать тело?

— Да, — ответила Валери. — Я все осмотрела.

За доктором закрылась дверь, и мы переглянулись.

— Анри или дворецкий? — спросила Валери.

— Сначала Анри. Позовешь?

Вместо ответа она наклонилась вперед, сжимаясь в комок, зажмурилась и заткнула пальцами уши. С интересом я смотрела на это действие, ожидая результата. Прошло минуты две, наконец Валери распрямилась и открыла глаза. Зачем-то потерла уши ладонями и сказала:

— Сейчас придет.

— Это у вас что, наладилась ментальная связь?

— Ну-у... получается, что так. — Ушки ее порозовели то ли от растирания, то ли от смущения.

— Молодцы... Напомни мне, чтобы я показала вам обоим еще несколько способов создания контакта.

Однако! Ментальная магия — штука редкая. Владеют ею ороczy шаманы. Когда я была в Степи первый раз, выяснилось, что и у меня есть к ней определенные способности. Но меня-то эрхэм Магхар долго обучал! А эти детишки просто так, на одной любви научились общаться мысленно — криво и косо, с лишним напряжением, но сами. Сами!

Анри и в самом деле пришел сразу же, пары минут не прошло, сел и вопросительно посмотрел на меня.

— Рассказывай, что нашел?

— Значит, розарий. Он у них квадратный и разделен на восемь секций дорожками. Дорожки гравийные, никаких следов, ясное дело, не осталось. Тело лежало в дальнем от дома правом секторе, ногами на гравии, выше пояса — на земле под кустами. Нашли его примерно часа через два после того, как покойник отправился в сад, так что ауру злоумышленника прочесть я не смог.

— И никто не смог бы, — возразила Валери. — Он же мэтра Кальста не душил и не бил по голове поленом. А амулет мог быть передан в любую минуту, главное, активировать его вовремя.

— Но чтобы активировать, тоже нужно быть неподалеку! — упрямо ответил Анри.

И оба уставились на меня, ожидая выводов. Я улыбнулась.

— Ну-ка расскажите мне о способах активации энергетических амулетов!

Теперь студенты переглянулись, Валери потерла нос и сказала:

— А ведь, по-моему, энергетические-то только прикосновением и можно того... включить?

— Ну да... — так же неуверенно продолжил Анри. — Мысленным импульсом не получится, потому что энергия уйдет в накопитель...

— И что получается? — поторопила их я.

— Получается, что убийца все-таки был рядом с мэтром Кальстом!

— Отлично. Следы вокруг нашлись? Аурных не было, а физические?

— Так гравий же, какие следы?

— Это в розарии гравий, — терпеливо пояснила я. — А что есть вокруг, в саду, например? Откуда пришел преступник, может быть, с берега — там песок, а на песке что?..

— Ну да, на песке до отлива все следы остаются... Это я упустил.

— Ладно. Тогда так: сообщаем хозяйке, что ее любимая Лилиана в полном порядке, допрашиваем дворецкого, осматриваем комнату, отведенную пострадавшему, и быстро ищем следы вокруг. Потом садимся и думаем. Хотелось бы завтра вернуться в Довиль, выспаться и отправиться к следующей девице — она у нас будет предпоследняя, пора бы и заканчивать метания по галльской территории!

— Почему это заканчивать, — на грани слышимости сказал Анри, — мы еще в Провенсе не были, и Лотарингия нами не освоена...

Валери отправилась успокаивать госпожу Ролон де Касси, а я и Анри пошли к розарию. Я зажгла мощный магический фонарь, подвесив его так, чтобы он не ослеплял, и мы двинулись по расширяющейся спирали, начиная от места обнаружения тела. Гравий, трава, хорошо перекопанная земля, песок на подходе к океану и снова гравий, трава... Кажется, на востоке уже начало светлеть, когда Анри остановился как вкопанный и позвал меня:

— Госпожа профессор, посмотрите, а ведь это след!

И в самом деле, на границе травяного газона и пляжа отпечатался мужской ботинок солидного размера.

— Ну и ножища... Сорок пятый?

— Да, немаленький... — ответила я, всматриваясь в песок в поисках следующего отпечатка. — Зато мы точно знаем, что наш убийца — мужчина. Боюсь только, дальше он пошел по камням.

— Нет, вот еще два следа! Здесь не было камней, и ему пришлось наступить на влажный песок. Наверное, надеялся, что прилив все смоет.

— Правильно, смоет уже через пару часов. Мы успели вовремя. Сделай-ка магоснимки, кристалл есть?

— А как же!

Следы подводили к кромке воды.

— Интересно, пройдет ли здесь плоскодонка? — поинтересовалась я задумчиво.

— Даже если лодка встанет в пяти метрах от берега, добраться до нее будет несложно, мелководье же, — уверенно ответил Анри.

Тем временем Валери сообщила хозяйке радостную новость, и горничная повела ту спать. Отчаянно зевающий Фаллен сообщил, что приехал мэтр Кальст часов в двенадцать дня, пообедал с хозяйкой и Лилианой, вечер провел отчасти в мастерской юной госпожи, отчасти в отведенных ему покоях. Сегодня с утра снова был в мастерской, потом около двух часов пробыл в кабинете госпожи Ролон де Касси, а затем уже к вечеру, часов в пять, отправился в сад. Никто за ним в это время не следил: лично он чистил серебро, экономка была в кладовой, повариха ставила тесто для бриошей, горничным тоже было чем заняться...

— А госпожа Ролон де Касси?

Дворецкий только пожал плечами — его хозяйка к себе не вызывала, была в кабинете, окна его выходят на парадный подъезд, так что, скорее всего, и она не видела, кто подходил к гостю.

Забрав у Фаллена ключ от комнаты мэтра, Валери отправилась нам навстречу.

— Ну что же, — сказала я, — пойдем и посмотрим, что интересного оставил нам

прославленный эксперт по искусству в своем багаже. Кстати, я ведь еще не рассказывала вам о технике обыска жилых помещений? Ну вот, сейчас и прочту заодно, курс факультативный, вам будет полезно.

— Интересно, она вообще спит когда-нибудь? — услышала я шепот за своей спиной.

— Итак, заходим и смотрим, — размеренно произнесла я, отпирая дверь и придерживая ручку носовым платком. — Запоминаем, что где лежит. Почему этот предмет находится именно здесь и именно в таком положении. Кальст пробыл в комнате почти сорок часов, что-то он здесь делал, так какой след это оставило? Кстати, левша он или правша?

— Правша, — удивленно пискнула Валери.

— Хорошо. Далее — замок на двери есть, закрывается ли он изнутри? Куда выходит окно? В сад? А можно ли из сада через это окно влезть в комнату? Что мы увидим, если выглянуть?

— Ничего не увидим, — мрачно ответил Анри, уже догадавшийся, что спать он будет в другой раз. — Ночь на дворе.

— Ошибаешься, начало светать, значит, контуры предметов видны. Океан виден, кстати, а это значит, что гостя с лодки Кальст мог ожидать и место встречи в розарии было оговорено заранее.

Вещей у мэтра было немного: дорожная сумка с солидным механическим замком и сложной вязью магических запоров небрежно брошена в шкаф, картонная папка формата раза в два больше, чем обычные канцелярские, лежит на столе, отключенный коммуникатор на тумбочке возле кровати и толстая тетрадь в ящике этой самой тумбочки.

Я отправила студентов распутывать запирающую сумку заклинания и с сожалением покосилась на коммуникатор. Включить бы его и посмотреть, с кем связывался наш покойник в последние дни! Не выйдет: надо знать кодовую фразу. Правда, последнее поколение этих аппаратов можно подключить отпечатком пальца, но идти сейчас в ледник и прикладывать к кнопке ледяные пальцы трупа не хотелось. Отложим. Завтра... уже сегодня можно будет попросту запросить список контактов в центре связи.

Раскрыла картонную папку — рисунки пером, несколько акварелей. Подпись — инициалы Л. Р., вполне возможно, это работы Лилианы, отобранные мэтром для выставки. Вряд ли они послужили поводом для убийства, не тот масштаб. Значит, остается тетрадь. Я помедлила, уже занеся руку над обложкой. Любопытно, что же это такое — дневник? Рабочие записи? Любовный роман, который Кальст писал втайне от всех? Посмотрим...

Ну поскольку играла в угадайку я сама с собой, то и выиграла, конечно.

Тетрадь была насквозь рабочей. Шифрованной. Буквы и цифры чередовались произвольно, и с ходу невозможно было понять, что же они значат. Пролистав начало, я раскрыла самую последнюю страницу. Здесь было всего несколько записей:

Д. Б. 9000 12.06 5 к 8

А. ф. К. 6500 5.06 5.07 30 %

К. Р. д. К. — 15 000?

Broseliande17.00

Перв. Фолио?? TersenAnwa!

К. — К. Т. 2800 и баста.

Черн. Султ. — Радуга-Конст. комб. трк. 8,2

По сопению за плечом я поняла, что студенты оставили сумку и тоже смотрят на эти непонятные пока записи.

— Есть идеи? — поинтересовалась я.

Молчание было мне ответом. Потом Валери спросила вдруг:

— А как зовут Старую Мадам? Если предположить, что буквы — это инициалы...

— Клодия, — ответила я.

— Ага, тогда К. Р. д. К. — это Клодия Ролон де Касси.

— А цифры — деньги, — дополнил Анри. — Минус пятнадцать, значит, она ему должна пятнадцать тысяч.

— Или он ей.

— Хорошо. Принято. Первая, вторая, третья и шестая строчки — долги в ту или иную сторону. Еще идеи?

— Ну-у... — протянул Анри. — Ну-у-у... Похоже, что последняя запись — это ставка на скачках. Думаю, что трк — это трикаст, ставка с тройным прогнозом на трех лошадей. Комбинированный трикаст — лошади придут в любом порядке. Цифры — коэффициент, с которым пойдут выплаты.

— То есть в восемь раз больше? Ничего себе! — присвистнула Валери. — Пойти, что ли, на ипподром, поиграть на бегах?

— Не советую, — покачал головой ее жених. — Разве что полюбоваться на лошадек, но этого добра сколько хочешь в наших конюшнях.

— Ладно, а что такое «фолио»? И почему следом записано заклинание?

— Этого я не знаю, — чуть отодвинулся он.

— Похоже, что это известно мне, — медленно проговорила я. — И если это то, о чем я думаю, то мэтр Кальст крутил слишком серьезными делами. Первое фолио — это сборник из тридцати шести пьес Шекспира, изданный после его смерти совместно четырьмя издателями и актерами труппы театра «Глобус». По тем временам книга была издана огромным тиражом — семьсот пятьдесят экземпляров. Сейчас известно двести пятьдесят три сохранившихся. Но ни один из них не мог попасть в руки провинциального жулика, даже если он именовал себя экспертом в области искусств. Подделка? Или неизвестный экземпляр?

— Профессор, а при чем тут заклинание? Вообще, что это?

— Это часть формулы определения подлинности, но именно что часть. Видимо, полного заклинания убитый не знал. Кстати, интересно было бы посмотреть, где он держал свои ценности и что там обнаружится.

— В доме, наверное. Мы же завтра будем в Довиле, так что сможем туда заглянуть? — спросила Валери. — Впрочем, кое-что у него было с собой, и это кое-что пропало.

— Так что ж ты молчишь? — шепотом воскликнул Анри.

Насладившись заслуженным триумфом, Валери подозвала нас к раскрытой сумке и пальцем показала на небольшую шкатулку, лежащую среди рубашек и белья.

— Я проверила импульсом, коробочка-то деревянная, все получилось. Внутри лежат два предмета из металла, и еще одно отделение пустое.

— Не открывала?

— Не-а. Но сюда убийца ведь не заходил, его отпечатка ауры здесь быть не может. Давайте откроем?

Шкатулка служила хранилищем для ювелирного комплекта: бриллианты, жемчуг, изумруд. Серьги и браслет лежали в своих отсеках, третий же, опустевший, хранил отпечаток кольца.

— Судя по стилю, этим цацкам лет триста, магии в них нет. — Я закрыла крышку шкатулки. — Возможно, он взял кольцо с собой, чтобы показать покупателю, а в цене они не сошлись.

— И что, вот так просто — не поделили деньги? Фи-и, как скучно... — протянула Валери.

— Это надо проверить, все же его не по голове ударили и не закололи, а убили магическим способом. Но вообще, ситуация довольно стандартная: если убили, то причина наверняка имелась — либо вещь хорошая, либо человек плохой.

Все помолчали, потому что добавить к этой формулировке было нечего. Потом Анри уныло спросил:

— Вроде все разобрали по записям?

— По последней странице записей, — педантично ответила Валери. — И мы еще не знаем, что такое Broseliande.

— Вообще-то, знаем, — ответил он. — Это сорт роз, такие... красные с кремовыми пятнами. Собственно, возле них его и нашли.

Утро уже явно вступило в свои права: пробежала по коридору горничная, из кухни запахло свежим хлебом, защелкали под окном ножницы садовника...

— Надо поспать хоть часа три, — сказала я, вставая. — Очень хочется отсюда сегодня же и уехать.

— Мы же не раскрыли убийство, — с душераздирающим зевком сказала Валери.

— Ну так день только начинается!

Хозяйка дома сегодня выглядела куда лучше: исчезла желтоватая бледность, и на сморщенных щеках даже появилось некое подобие румянца. Морозить меня она больше не пыталась.

Мы устроились все в тех же креслах возле камина, подождали, пока нам подадут кофе, сливки и тарелку с печеньем, и я поставила щит от подслушивания.

— Итак, госпожа Ролон де Касси, я готова сообщить вам свои предварительные выводы. Но прежде хотелось бы получить ваши ответы на некоторые вопросы.

— Спрашивайте, если смогу — отвечу. Обещать не буду.

— Насколько хорошо вы знали мэтра Кальста?

Она приподняла бровь.

— Скажем так, мы живем в одном небольшом городе много лет. Так или иначе приходится встречаться.

— Понятно. Кроме как по поводу рисунков, других тем для беседы у вас не было? Сегодня утром он провел в вашем кабинете около двух часов. — Старуха молчала, и я чуть нажала голосом: — Финансовые переговоры? Или еще что-то?

— Он был мне должен, — неохотно ответила она.

— Пятнадцать тысяч?

— Да... срок истекает в конце июля, и Кальст предложил в счет части долга амулет. Дело в том, что мне осталось жить пару месяцев, рак желудка. Амулет должен был замедлить все активные процессы, в том числе и развитие опухоли. Я хочу выдать Лили замуж, с родителями жениха уже все сговорено, а потом уже могу и умереть.

— Вот как... — Я мгновенно просканировала иссохшее тело старухи, и результат заставил меня мысленно хмыкнуть. — А ваша правнучка в курсе предстоящего брака?

— Пока нет. Я хотела сначала получить амулет.

— Понятно... — Моя рука потянулась, чтобы почесать в затылке, но я остановила себя и сообщила: — У меня для вас есть три новости. Первая — рака у вас нет.

— То есть как? — Почему-то в голосе мадам прозвучало возмущение. — Но мой врач сделал все анализы и определенно утверждал!

— Иногда даже самые лучшие врачи ошибаются, — примирительно сказала я. — Простите, но ваша аура показывает очень ясно, что новообразований у вас нет. Возможно, ваш маг-медик не умеет определять такие вещи по ауре. Вот язва желудка есть, и если ее не лечить, неприятности не замедлят с прибытием. Советую вам пройти полное обследование в специализированной клинике.

— Святая Бригита, это значит... — Госпожа Ролон де Касси встала и прошлась по комнате, потом взволнованно повернулась ко мне. — Если это действительно так, я... ваша вечная должница!

— Сочтемся, — махнула я рукой. — Далее. Расскажите мне поподробнее об амулете — все, что мэтр вам обещал, сколько он хотел списать с долга? Как, кстати, этот самый долг образовался?

— Как сказать... Полгода назад мэтру Кальсту понадобилась крупная сумма на покупку помещения для художественной галереи. Пятнадцать тысяч — сумма немаленькая, но у меня были наличные, и мы договорились о приличном проценте. Списывать сейчас он просил три тысячи дукатов, а остальное обещал вернуть, как и договаривались, в конце июля. Кальст говорил, что это амулет типа Райдера-Юнга, кристалл берилла в дереве и меди, оформлен будет как подвеска. Кроме того, он уверял, что проблем с использованием не будет, он сам сделает предварительную настройку по моей ауре, мне нужно будет только активировать кристалл прикосновением.

— И что, он показал вам этот предмет?

— Нет, конечно, мы же только вчера утром об этом говорили! Ему должны были привезти готовый амулет к вечеру, не знаю, кто, об этом речи не было.

— Госпожа Ролон де Касси, вы не видите следующего логического шага? Кальст умер от полной выкачки резервов организма амулетом. Амулет перелил энергию куда-то и саморазрушился. Везли его вам. Если бы таким же образом завтра умерли вы, учитывая, простите, ваш возраст и диагноз... Кто знал об этом вашем плане? Никто? И никто бы не заподозрил почтенного специалиста по художественным ценностям, а вот Кальсту не пришлось бы возвращать вам деньги.

— Вы хотите сказать, что он хотел меня убить?

— Получается так... По каким-то причинам оружие обратилось против нападающего.

— Я должна это обдумать. И вы... у вас же должны быть подтверждения? Кто-то привез этот... предмет, кому-то его Кальст заказывал.

— Разумеется, — энергично подтвердила я. — Мы вернемся в Довиль, получим информацию о том, с кем покойник связывался по коммуникатору, осмотрим его дом. В общем, обычные следственные действия.

— Хорошо, благодарю вас. — Энергия, поддерживающая это изношенное тело, почти иссякла, и хозяйка дома сникла в своем слишком большом кресле.

— Еще один момент, госпожа Ролон де Касси! Не торопитесь с помолвкой Лилианы. Мне кажется, что ее сердце не свободно.

— А! — Старуха вяло махнула рукой. — Если у меня и в самом деле есть какое-то время на этом свете, можно подождать, пока девочка выберет сама...

Обыск в доме покойного мэтра Кальста закончился так поздно, что хозяин «Клубка и кошки» получил еще десять дукатов за три комнаты и завтрак. Я поклялась себе, что уж на следующий день буду спать так долго, что завтрак придется заменить обедом.

Разумеется, ничего у меня не вышло.

Стук в дверь был такой, что я мухой слетела с кровати, впрыгнула в штаны и распахнула створку, застегивая рубашку. На пороге стоял улыбающийся Равашаль, просто возмутительно свежий и бодрый. Я простонала и вернулась к кровати, упав на нее и закрыв глаза.

— Сгинь, кошмар!

— Ничего не выйдет! — Мой непосредственный начальник, глава Службы магбезопасности Галлии шагнул в комнату и аккуратно закрыл за собой дверь. — Было принято решение устроить местным коллегам из магбезопасности и из городской стражи показательную порку за вопиющую расхлябанность.

— И что?

— Как — что? Пороть будешь ты! Вызвавший ветер пожнет бурю!

— Давай меняться, а? Я тихо забираю учеников, отдаю тебе все материалы и исчезаю, а ты получаешь адрес лучшего заведения вселенной, где готовят жареный камамбер. У меня еще одна девица тут неподалеку, и большая часть королевского списка будет освоена!

Конечно, Равашаль согласился. Мои полномочия не были для него секретом, и я могла просто отбыть, даже не ставя его в известность, но все-таки нам еще вместе работать... Так что моя корректность была просто данью хорошим взаимоотношениям между коллегами.

Ну и, честно говоря, яблочный джем с кальвадосом папаши Мишу был слишком хорош, чтобы им не поделиться!

Попрощавшись с Довилем, мы вошли в стационарный портал и вышли из такого же на главной городской площади Ренна, бретонской столицы, гордо несущей на своем гербе горностаевые хвостики...

ГЛАВА 6

Вдоль шоссе с патетическим названием «Дорога Свободы», которое вело от Ренна в сторону нужного нам местечка Ле Мезьер, отчетливо пахло гарью. Первой не выдержала Валери.

— Да что у них тут происходит? — воскликнула она, вынимая из кармана чистый носовой платок и смачивая его водой из бутылки.

— Доедем и увидим, — спокойно ответила я. — А разве я не учила вас ставить воздушные фильтры в ноздри? Вообще-то это очень просто, вот такой жест... — Моя левая рука свернулась в крендель со сложенными мизинцем и указательным пальцами и описала в воздухе круг возле кончика носа. — Nengwe Avalataya Uskwe! И никакая гарь не страшна.

Не говоря ни слова, Анри заглушил двигатель у обочины, и оба стали тренироваться. Тем временем я вышла из экипажа и на пару шагов углубилась в лес. Нет, здесь дыма не было, пахло нагретой листвой, какими-то цветами, травой... в общем, приятный запах леса, которому никто не мешает расти. Получается, что бы ни горело впереди, это было связано с местными жителями. Найдя в траве пару ягод земляники, я вернулась к студентам и спросила:

— Если вы решили тут заночевать, лучше скажите, я тогда в Довиль вернусь. Равашалъ будет просто счастлив...

— Нет, мы готовы, госпожа профессор! — Анри активировал фиалы, и экипаж потихоньку тронулся с места. — А почему вы не стали ему помогать? Любопытно же!

— Ты понимаешь, все самое интересное мы уже собрали — нашли способ и причину. Кто именно был исполнителем, кто заказывал, что именно послужило поводом для убийства, уже не так важно. Для нас с вами, а вот для торжества правосудия первостепенно, и именно это самое торжество и будет обеспечено моими коллегами из Службы магбезопасности.

— Способ понятен, а причина?.. — Валери развернулась ко мне.

Я не упустила случая ответить вопросом на вопрос:

— Ты хорошо помнишь, что было найдено в его доме? — Девушка кивнула. — Рассказывай!

— Несколько картин, драгоценности в сейфе, кстати, весьма среднего уровня вещицы, шкаф с коллекцией фарфоровых статуэток...

— Довольно специфических статуэток, надо заметить, — дополнил Анри. — Я бы сказал, что такую коллекцию скорее ожидаешь увидеть в борделе, чем в художественной галерее.

— Не сбивай! Там же в сейфе пачка долговых расписок, несколько тетрадей вроде той, что мы нашли при нем, но уже заполненные. В рабочем столе четыре папки с рисунками и гравюрами, одна из них тоже с довольно своеобразными...

— Еще один шкаф с бронзой, — продолжил Анри. — Десяток единиц холодного оружия, два хороших ковра из Парса... Да, наверное, и все.

— Так, и ваши выводы?

— Э-э-э... — протянул Анри.

— А я знаю! — Валери хлопнула себя ладонями по коленям, я даже поморщилась, такой звонкий получился звук. — Шекспировское Фолио — это ему не по чину!

— Вот именно! Мелкий провинциальный спекулянт, не брезгующий ростовщицеством и жульничеством с оценками, — и вдруг редкость мирового уровня. Мы ведь не обнаружили у него никаких букинистических ценностей? Ну вот, могу держать пари на коробку соленой карамели против пустой ракушки: через какое-то время Равашалъ и

ребята-следователи из стражи потянут за эту ниточку и вытащат большую сеть, битком набитую криминальным товаром, интересным для коллекционеров. А у нас с вами другое дело...

— И оно, можно сказать, горит у нас в руках. — Анри снова притормозил: впереди дорога была перегорожена, и пара унылых стражников маячила возле шлагбаума.

Я извлекла из пространственного кармана королевский приказ и, постукивая свитком по ладони, ждала, пока они подойдут.

— Пускать никого не велено, — сообщил один из дежурных.

— Читать умеешь? — Дождавшись кивка, я развернула перед его глазами свиток. — Убирай шлагбаум и не задерживай нас.

— Так не велено, господин граф приказал никого не пропускать!

С тяжелым вздохом откинувшись на спинку сиденья, я сжала кулак и распрямила его со словом «wanwawoite». Порыв ветра снес перегородившее дорогу бревно, мягко отодвинул стражников, закрутил волчком пыль на дороге и исчез.

— Поехали!

Анри активировал двигатель, и экипаж миновал безмолвную заставу.

— Интересно, почему запретили проезд? — спросила Валери.

— Пожар совсем близко! — пояснил Анри, взглянув в затянутую дымом дорогу. — Наверное, из соображений безопасности, пока с ним справятся, граф и решил, что гости ему ни к чему. Кстати, наша легенда остается прежней, мы ищем следы некроактивности?

— Думаю, да. Хорошая легенда, все объясняет и дает пространство для маневра.

— Не понимаю, почему бы не сказать правду? — вдруг возмутилась Валери. — Сколько можно врать?

— Мы не врем, а моделируем реальность. — Я не отрывала взгляда от появившегося впереди здания. — Напомни мне вечером, я все объясню еще раз. Анри, сейчас, думаю, нужно оставить экипаж, иначе мэр Ренна останется без транспортного средства. Мы приехали в Ла Мезьер. И горит там, впереди, кажется, один из флигелей главного дома.

Двухэтажное здание было когда-то, судя по симметричному флигелю, белым, увитым плющом, с зелеными ставнями и черепичной крышей. Сейчас крыша провалилась, от плюща кое-где остались черные плети, а стены закоптились. Но страшно было не это, в конце концов, один раз этот дом построили, смогут и во второй. Нехорош был огонь, кое-где пробивавшийся наружу, несмотря на три или четыре активно извергавших воду шланга. Казалось, что пламя это лишь притаилось, затихло, набирая силу, и с минуты на минуту вырвется наружу и пожрет остатки флигеля, сад, главное здание, людей со шлангами и ведрами, поля вокруг...

— Дюнуа, определи природу пламени, магическая или обычная? Траси, попробуй обрушить на здание кольцевой поток воды, сгоняя огонь к центру! — Я выбралась из экипажа и подошла к высокому мужчине в когда-то элегантном летнем костюме, с тоской смотревшему на пожар. — Ваше сиятельство? Я командер Редфилд, Служба магической безопасности. У меня есть открытый лист от его величества на любые действия, потом, если захотите, я его вам продемонстрирую. Сейчас не будем тратить время. Что произошло? В здании кто-то был?

— Нет. К счастью, никого не было. — Он вытер ладонью лоб, оставляя черные следы. — Мы обедали в саду, когда вдруг раздался хлопок, и флигель вспыхнул. Как... спичка, весь сразу.

— Что там было внутри?

— Да ничего! — с нормальным раздражением ответил он. — Гостевые спальни, сейчас никем не занятые!

— Не винный погреб, не лаборатории, не оружейная? — продолжала допытываться я.

Граф ла Мезьер закатил глаза, но ответил коротко:

— Нет.

— Пожалуйста, подумайте и составьте список, кто был в доме в последние три дня, желательно отдельно тех, кто проживает постоянно, и отдельно гостей, поставщиков, временных слуг и так далее. Дюнуа!

Валери подбежала и выпалила:

— Пламя магическое, вызвано воздействием не менее тысячи единиц суммарно. Могу предположить, что было заложено четыре амулета, потому что по углам фон плотнее.

— Почему... почему три дня? — вычленил из разговора хозяин дома.

Я взглянула на Валери, и она не подвела:

— Потому что через сорок восемь часов амулет начинает терять заряд, а еще через сутки этот заряд достигает пятидесяти процентов начальной мощности и становится неэффективным для воспламенения.

— Хотите сказать, это поджог?

— И еще какой! Думайте, ваше сиятельство, кого из магов вы так серьезно разозлили?

Потушить пламя Анри удалось, но угли все еще рдели, так что его, истратившего более половины резерва, сменила Валери. Разумеется, никаких следов — ни физических, ни магических — после борьбы с огнем найти было невозможно, но я честно попыталась. Все, что можно было залить и промочить, было залито, а на всем остальном, например, на мраморных плитах у входа в здание, — виднелись черные следы множества ног. От амулетов в углах не осталось даже тени, они выгорели полностью.

Подойдя к хозяину, я проворчала:

— Терпеть не могу расследовать поджоги! Доблестные пожарные ухитряются уничтожить все следы, кроме своих собственных. Итак, ваше сиятельство, удалось ли составить список?

Вместо ответа он протянул мне несколько листов бумаги, исписанных крупным твердым почерком, и пояснил:

— На первой странице члены семьи и доверенные слуги. На второй — гости, на третьей — временный персонал. Поскольку позавчера праздновали день рождения нашей дочери, гостей было немало, да и горничных, лакеев и поваров нанимали через агентство. Координаты агентства я указал на третьей странице.

— Хорошо, спасибо. — Я просмотрела списки, наткнувшись на пару знакомых имен, и спросила: — Гости все уже разъехались?

— Остались только моя сестра с семьей, ну уж они-то не имеют отношения к этому... — Граф кивнул в сторону пожарища.

«Я бы не была в этом так уверена, — подумала я. — Видывали мы таких сестер, что рядом с ними любые злодейки меркли».

— А кто из гостей жил во флигеле, пометьте, пожалуйста.

Ла Мезьер поставил точки около шести фамилий и вернул мне список.

— Ну что же, — сказала я. — Мы должны поговорить со всеми, кто есть в поместье.

Кстати, а из городской стражи следователя вызвали?

— Да, но... Ну, в общем, от них кто-то появится не раньше завтрашнего дня, так что вас сама Великая Мать послала!

Войдя в холл главного здания, граф извинился и попросил нас подождать. Пока его не было, Валери спросила, не особо стараясь понизить голос:

— Вот я чего не понимаю: чем дальше по списку, тем больше... скелетов вываливается из шкафов. Почему так? Были ведь выбраны самые-самые семьи из высшего дворянства страны!

— Ну, чем старше семья, тем красочнее ее скелеты, — меланхолически ответил Анри.

— И у тебя они есть?

— А как же!

— Расскажешь?

— Только после свадьбы, а то ты, пожалуй, поразмыслишь, да и выскочишь замуж за какого-нибудь эльфа...

Тем временем я разглядывала витражи в высоких стрельчатых окнах. Ну да, вот герб Мезьеров: на алом поле отсеченная рука, сжимающая меч. Вот повторение знаменитого гобелена, посвященного предку нынешнего графа Эдмону ла Мезьеру, спасшему Ренн от эпидемии чумы в двенадцатом веке. В центральном окне — фигура Великой Матери в синем плаще такого невероятного цвета, что можно задохнуться от восторга.

Совы нигде не было, так что я слегка перевела дух. Не знаю, как кому, а мне пристальное внимание высших сущностей никогда не нравилось.

Появившийся хозяин дома спас грядущий брак моих студентов, уже начинавших всерьез ссориться. Следом за ла Мезьером шел высокий широкоплечий мужчина с большим красным шрамом через всю щеку. Можно было бы принять его за охранника, но граф отрекомендовал:

— Арфель, мой дворецкий. Он займется вашим размещением, и все вопросы по персоналу тоже к нему.

— Очень хорошо, — кивнула я. — Тогда мои помощники займутся слугами, а я попрошу вас предоставить мне какую-нибудь комнату и прислать для начала ваших супругу и дочь, я поговорю с ними.

Девушка была хороша собой, весьма хороша и очень похожа на отца: светлые волосы, спокойный взгляд серо-голубых глаз, хороший рост и фигура со всеми полагающимися округлостями, никаких намеков на модную худобу. Ее мать графиня Мелани ла Мезьер была совсем другого типа — невысокая тоненькая брюнетка, похожая на воробья и такая же беспокойная. Сидя в кресле, она то начинала разглаживать юбку, то поправляла прическу, то вытирала невидимое пятно на отполированной до блеска поверхности столика. Наконец дочь встала, открыла шкатулку на камине и достала оттуда малахитовые четки, которые и впихнула в руку женщине. Та затихла.

К сожалению, никаких сведений, которые могли бы подтолкнуть меня к обнаружению поджигателя, графиня не сообщила. Да, гости были приглашены давно, более месяца назад. Приехали все, кроме шевалье де Бренвиля, бывшего жениха Симоны. Ну это понятно, конечно, Робер не мог приехать, ведь помолвку расторгли всего две недели назад по желанию невесты.

Тут глаза девушки, сидевшей чуть позади матери, сверкнули так, что я поняла — с ней надо будет поговорить отдельно, и это будет совсем непростой разговор. Мелани же продолжала тараторить, рассказывая о гостях, а ее пальцы безостановочно перебирали

четки. Почему-то у меня возникло ощущение, что нервничает она не из-за пожара, произошедшее вообще не вполне дошло до ее сознания. Наконец женщина выдохлась и замолчала.

— Мамочка, — Симона ласково взяла ее за руку, — по-моему, ты как раз на полдень договаривалась с госпожой Пафф проверить кладовые. Смотри, уже без пяти двенадцать!

— Надо идти, да? — Чуть наклонив голову, графиня смотрела, словно синица в ожидании червяка.

Тьфу ты, и что мне все птицы в голову сегодня лезут?

— Да, мамочка, госпожа Пафф будет тебя ждать. А с нашей гостьей останусь я.

— Ну, если ты так считаешь...

Она тихо вышла за дверь, но еще долго мне казалось, что я слышу постукивание перебираемых бусин.

— Итак, начнем разговор сначала? — Девушка повернулась ко мне.

— Давайте попробуем. Расскажите мне еще раз о том, что предшествовало сегодняшним событиям. Может быть, начнете с расторжения помолвки?

Симона пожала плечами.

— Знаете, к тому давно шло. Робера я интересовала примерно в той же степени, что и он меня.

— То есть никак?

— Совсем. Мне интересно целительство, медицина, травы и алхимия, а Робер твердо уверен, что женщина должна думать о муже, доме и детях, а не о лечении рассеянного склероза. Знаете, о нем все говорят, какой он порядочный, честный, какой у него постоянный характер... А на мой взгляд, он попросту лишен каких-либо человеческих черт! — Она перевела дух и закончила: — О свадьбе сговорились наши родители, когда мне было десять, а Роберу четырнадцать. Как вы понимаете, нам тогда этот вопрос был решительно неинтересен.

— По вашему мнению, мог ли шевалье де Бренвиль быть настолько раздосадован расторжением помолвки, чтобы...

— Устроить поджог? — перебила меня Симона. — Вряд ли. Это не соответствовало бы его представлениям о правильном поведении.

«Ну, пожалуй, в мои представления о правильном поведении это тоже не вписалось бы», — подумала я, но воздержалась от того, чтобы произнести вслух.

— Хорошо... Тогда расскажите мне, кто жил в сгоревшем флигеле раньше, кого поселили туда в этот раз, ну и вообще о гостях.

Задумавшись, Симона крутила на пальце университетское кольцо, судя по золоту, оправляющему черную яшму, она окончила университет в Руане одной из первых. Наконец девушка вздохнула и начала рассказывать:

— Когда-то в том флигеле жил мой прадед Ролан ла Мезьер. Он был магом, целителем и умер во время эпидемии болотной лихорадки, истратив полностью свой резерв на лечение горожан. Мне было тогда года четыре, но я хорошо его помню. И помню тот корабль, он пришел откуда-то с Черного континента в порт Руана, и на его борту приплыла болезнь. Тропическая форма с самой высокой смертностью. Потом, много позже, я узнала, что прадед винил себя в появлении лихорадки, потому что именно ему капитан этого корабля привез какую-то посылку. Нет. — Она верно истолковала мой жест и покачала головой в ответ. — Нет, я не знаю, что в ней было. Как я уже сказала, мне было всего четыре года, и родители изо всех сил старались мне не рассказывать о жизни и смерти прадеда. Особенно о смерти.

— Выходит, мы можем предположить, что некий предмет — артефакт, книга или нечто, доставленное вашему прадеду двадцать лет назад, все это время было спрятано во флигеле, а сейчас кто-то решил это загадочное нечто достать? — спросила я, не скрывая скепсиса.

— Мы не знаем, что это было, что же тут предположишь? — ответила Симона.

— Понятно. Ну а дальше?

— Дальше... После смерти прадеда флигель закрыли, и довольно долго он пустовал. Когда моему старшему брату Мишелю исполнилось двадцать, ему отдали этот дом, но он совсем недолго им пользовался, его приняли в гвардию, и он уехал. Меня не было здесь шесть лет, только на каникулы приезжала, так что точно я не знаю, но вроде бы никто постоянно во флигеле не жил, только если приезжало много гостей. Нет, не знаю. Это надо у госпожи Пафф спросить, у экономки. Я защитила диплом и вернулась домой около месяца назад. Гости... Около тридцати человек, по-моему. На мой день рождения в этот раз пригласили родню и нескольких близких соседей, никакого бала, просто вечер для своих. Во флигеле поселили друзей из Лютеции и из Ренна, их шестеро, были заняты три спальни.

— Хорошо... Спасибо, мадемуазель ла Мезьер, это может быть интересно. Я так понимаю, экономка сейчас занята с вашей матушкой?

В ответ девушка только махнула рукой.

— Не думаю, чтобы они разговаривали больше десяти минут. Мама стала очень быстро уставать с тех пор, как заболела. Пока удастся поддерживать ее магически, но не знаю, надолго ли это... Пойдемте, я провожу вас к госпоже Пафф.

Экономка перебирала простыни в бельевой кладовке, как и предполагала Симона, одна. Девушка сказала ей строго:

— Госпожа Пафф, нужно, чтобы вы ответили на вопросы командера Редфилд. Это очень важно!

Не поднимая головы, толстуха пробурчала что-то себе под нос, я расслышала лишь неопределенные предположения о том, каким образом такая фифа, как я, могла добраться до звания командера.

— Госпожа Пафф! — Симона повысила голос.

— А бельем кто заниматься будет, ваш разлюбезный Арфель? — оторвалась та от своего почтенного занятия. — Или он станет простыни чинить? Вот, глядите, прохудилась!

И она ткнула почти в нос молодой хозяйке кусок ткани, в самом деле с дырой.

— Ну вот что! — Симона выпрямилась и отчеканила: — Еще один такой жест, и можете считать себя уволенной! Подготовьте расходные книги, я их проверю... через полчаса. А простыню я уж как-нибудь куплю новую!

Она развернулась и вышла из кладовой, удержавшись от того, чтобы хлопнуть дверью. Мне уже было понятно, что добром я от этой женщины ответов не дождусь, но попробовать надо. Я присела на стоявший тут же высокий деревянный ларь и вежливо сказала:

— Я не задержу вас надолго, госпожа Пафф! Сами видите, какое неприятное это дело с пожаром, надо разобраться в нем поскорее.

Отбросив драную простыню, экономка уперла руки в пышные бока и уставилась на меня.

— Ну?

— Расскажите мне, кто обычно жил в сгоревшем домике?

— Никто не жил, вот как! Никто! Потому что как мастер Миш уехал, так и закрыли

двери, даже я туда не ходила.

— Так там, наверное, и мебели никакой не было, как же туда гостей поселили?

— Чего это там не было? Двадцать лет назад господин Ролан помер, так после него все и осталось — и спальня, и кабинет, все обставлено как надо.

Ее густой нормандский выговор отлично дополнял агрессивную манеру речи. Так что голова у меня заболела быстро. Тем не менее мне удалось вытянуть из госпожи Пафф кое-какие полезные сведения, после чего я отправилась искать своих помощников и думать.

Анри все еще был в конюшне, как сообщила мне Валери, а ей достался для потрошения дворецкий, и сейчас она сидела, старательно глядя в сторону, пока я читала ее записи в блокноте со страницами в клеточку.

Аккуратные круглые буквы нет-нет да и сползали с отведенной им строки, и это значило, что Арфель сказал что-то, что показалось девушке важным. Или лживым. Или странным.

Я поняла, что отвлеклась, встряхнула головой и принялась читать заново:

«Дворецкий, служит в имении Ла Мезьер более тридцати лет. Когда-то был денщиком у майора ла Мезьера, когда тот служил в Бенине и Конго. Хозяина почитает, хозяйку жалеет, к сыну хозяев Мишелю относится с одобрением, поскольку тот служит в королевской гвардии. О Симоне говорил крайне мало и неохотно. С экономкой госпожой Пафф в контрах.

По существу дела показал следующее: гости в основном приехали в имение накануне дня рождения мадемуазель Симоны 16 июня. Разместились: брат хозяйки Макс Тернболл с дамой Элизой Фонтенэ (не жена и никогда не будет) и сестра хозяина Мария де Торсонваль с мужем и двумя детьми — в уцелевшем флигеле, тетушка хозяйки госпожа Фонтенак и сопровождающая ее компаньонка Мари Жюве — в доме, армейский друг хозяина граф Лаунвайт (один) — в доме, подруга хозяйки баронесса Луиза Пфальценфейтер (одна) — в доме. В сгоревшем здании жил господин Дурсо с женой, господин и госпожа Бренвиль, господин и госпожа Смит-Луазье.

Флигель был закрыт и не использовался на протяжении последних восьми лет после поступления в армию Мишеля ла Мезьера. Накануне приезда гостей его проветрили, вымыли, повесили новые шторы, застелили кровати и поставили свежие цветы. Контролировала процесс госпожа Пафф, Арфель потом все проверил. Ничего, что могло бы навести на мысль о грядущих неприятностях, не было замечено.

Маги в имении есть: граф Артур ла Мезьер — маг воздуха, Симона ла Мезьер — дипломированный целитель, садовник Жак Дормель — слабый маг жизни. Сам Арфель обладает очень небольшим резервом в магии земли и воды.

После отъезда гостей, позавчера, флигель вновь был тщательно вымыт и заперт лично дворецким. Ключи постоянно лежат в шкафчике в кабинете экономки, но, поскольку кабинет не запирается, любой мог бы их взять, сделать слепок и заказать копию».

Дочитав протокол, я взглянула на Валери. Девушка продолжала делать вид, что ей совершенно не важно мое мнение, и усиленно вглядывалась в пейзаж за окном.

— Эй! — сказала я. — Все отлично. У меня уже есть теория преступления, но надо дождаться Анри и сверить показания.

— Там сова, — внезапно сказала Валери и подбородком показала в сторону зарослей сирени.

С трудом сдержав ругательство, я взглянула в окно. На кусте и в самом деле сидела большая пухлая птица, ее круглые глаза недоуменно глядели на дневной свет.

— Разберемся, — буркнула я в ответ, отворачиваясь. — А если кое-кто мне не доверяет, может и сам заняться расследованием!

Анри пришел, когда мы уже успели проголодаться, взглянуть на часы, помянуть тихим словом канувший в неизвестность обед и задуматься, на чьей стороне в противостоянии титанов находится здешняя кухарка. Иными словами, сочувствует ли она госпоже Пафф (и тогда прощай обед до самого ужина) или стоит за Арфеля, что оставляет нам шанс хотя бы на бутерброды.

Ворвавшийся в отведенную нам гостиную Анри был весел, явно сыт и доволен жизнью. Взглянув на его невесту, я поняла, что ситуацию надо спасать, и требовательно протянула руку:

— Давай!

— Что? — оторопел Анри.

— Протокол допроса, разумеется!

— Так я это... не допрашивал... просто поговорил по-дружески... не записал пока, сейчас, минутку! Только с кристалла считать!

— Тогда рассказывай своими словами, — приказала я и добавила мстительно: — А протокол потом напишешь!

— Да особо и нечего рассказывать, — пожал он плечами. — У них конюшни и место, где стоят экипажи, разделены. Экипажи в недавно построенном сарае возле ворот и там же несколько жилых комнат. Конюшня и жилье для конюхов старой постройки, еще при прадеде нынешнего графа, — за главным домом в глубине сада. Водителя в Ла Мезьере нет, когда граф пользуется экипажем, он сам им управляет. Конюхов в поместье трое, я со всеми поговорил, но они ничего необычного не заметили.

— А кто заметил?

— Садовник. Праздник был в субботу. Часть приглашенных, тех, кто живет в Ренне или в соседних имениях, разъехались в тот же день ну или поздно ночью. А остальные были в Ла Мезьере до понедельника, то есть отправились по домам позавчера.

— Так. И что?

— Вчера рано утром садовник заметил на росе следы от боковой калитки к флигелю.

— Значит, — медленно проговорила Валери, — кто-то ранним утром, пока все спали, прошел по саду, открыл дверь, разместил устройства для воспламенения и ушел. А где он взял ключ?

— Да ту дверь можно шпилькой открыть, если постараться! — фыркнул Анри.

— Ладно, предположим. А активация амулетов? Разве это можно сделать удаленно?

— Можно, — кивнула я. — Есть формула отсроченного действия, правда, всего до двадцати четырех часов, но нашему поджигателю хватило. А теперь идите и добудьте нам кофе и хоть каких-то бутербродов. Иначе к ужину у меня останется только один ученик!

Оба переглянулись, и Валери спросила:

— Почему?

— Потому что я кого-нибудь из вас съем!

Студенты умчались на кухню, а я закрыла глаза и откинула голову на спинку кресла. Что-то царапало мое воображение в получающейся истории, что-то было не так, будто на рисунке тени лежат не в ту сторону или у зайца обнаруживаются клыки и когти. В общем-то, Валери задала правильный вопрос: мы получили список из десяти тщательно отобранных девушек из лучших семей, *cream de la cream* галльского королевства. И в

каждом семействе, словно сговорившись, устраивают демонстрацию скелетов, вытасненных из самых глубоких шкафов. Дядюшка-дезертир и скрытая сирена — это ладно, с каждым может случиться. Но нападение бандитов, убийство и пожар перед самым нашим приездом, так точно угаданное время для наступления неприятностей? Можете считать это случайностью или совпадением, я на это не куплюсь!

Хорошие мысли, видимо, летают в воздухе, примерно как запахи. Чем же иначе объяснить тот факт, что между четвертым и пятым бутербродом Анри замер, уставился в стену над моей головой и выпал из реальности на какое-то время. А когда вернулся, отложил недоеденное и спросил:

— Скажите мне, что я брежу, а? Не мог же кто-то нас отследить?

— Почему? — нимало не удивилась Валери. — Список девиц наверняка был не только у его величества, то, что он абсолютно доверяет госпоже Редфилд, — тоже не секрет. Вполне мог кто-то ушлый и сообразительный сопоставить одно с другим, а потом и предположить, куда отправится госпожа профессор. Да просто поставить элементарные следилки на подъезде к каждому из поместий, их всего-то шесть!

— А зачем? — продолжал не понимать Анри.

— Ну вот представь себе, ты какой-нибудь замшелый маркиз из Государственного совета. Или, например, министр не из самых важных, ну, не знаю... дорожного строительства. И у тебя есть дочка на выданье...

— Ты считаешь, кто-то решил скомпрометировать девушек из нашего короткого списка, чтобы провести кандидатуру своей родственницы?

— Почему бы нет? Госпожа профессор, что вы об этом думаете?

— Весьма интересная идея, — ответила я. — Перспективная.

— Вы считаете...

— Я считаю, что такого рода совпадения случаются только в романах. Причем самого низкого пошиба. Поэтому мы сделаем вид, что приняли все за чистую монету, известно ведь, боевые маги — существа наивные и доверчивые. И посмотрим, какой рыбак держит удилице.

— Поджог расследовать не будем? — разочарованно протянула Валери.

— Почему же? Факт преступления налицо, значит, нужно найти злоумышленника и отдать его в холодные руки правосудия. И сделать это мы с вами должны... — Я взглянула на часы. — До десяти утра завтрашнего дня. Потому что в двенадцать у меня встреча в офисе Службы магбезопасности.

Лежа на кровати в отведенной мне комнате, я пальцем рисовала в воздухе цветные схемы.

Итак, что мы имеем?

Кристаллы, с помощью которых был подожжен дом, плюс следы на утренней росе, оставленные кем-то, кто шел к флигелю.

Амулеты выгорели полностью, ауру с них по прошествии полутора суток уже не считаешь, роса высохла... Так что же, наш противник может почивать на лаврах?

Вот уж нет! Раз нет материальных следов, будем активно думать.

Вокруг территории Ла Мезьера идет решетка и живая изгородь. Садовник видел следы, которые вели от боковой калитки. Я вот не знаю, где эта самая калитка, и никто посторонний не узнает, если не спросит у обитателей поместья. Значит, или наш противник должен был говорить с этими самыми обитателями, или он — один из них.

Далее, четыре одинаковых кристалла емкостью по двести пятьдесят единиц были

приобретены предположительно в Ренне, и скорее всего — в последние две недели. Ладно, их могли привезти и из Лютеции, вот только исполнитель должен был быть все-таки бретонцем. Чуть иной говор, другая манера одеваться, характерные местные жесты... Он должен был показаться конюхам, горничным, садовнику или поваренку своим, соседом, здешним, он говорил на том же языке.

«Так, не распыляйся! — одернула себя я. — Кристаллы!»

Для поджога могли использоваться красные или желтые кристаллы, рубины, шпинель, турмалин, топаз... Нет, это все вряд ли. Слишком высока стоимость такого камушка для одноразового амулета. А вот значительно более дешевые циркон или гранат — это возможно. Просто кристалл как таковой для амулета использовать нельзя, его нужно должным образом зарядить, подготовить и поместить в оправу, соответствующую назначению. Поскольку назначение — огонь, значит, это могло быть золото или медь в кипарисовом дереве.

Следующий момент — источник. Все продажи готовых амулетов и кристаллов, пригодных для их изготовления, фиксируются. Конечно, какой-то процент идет через черный рынок (мы ведь помним о покойном эксперте, который погиб именно от незаконно приобретенного амулета?), но это сложно и в своем роде оставляет следы ничуть не хуже, чем официальная покупка.

В общем, все надо проверить, вот что.

Коммуникатор быстро соединил меня с офисом Службы. Для разнообразия я не стала дергать Равашала, а связалась с его помощником, которому и продиктовала задание: список всех, кто приобретал соответствующие предметы в Ренне и его окрестностях за последние две недели. Если не найдем таким способом, расширим границы...

Так, но исполнителю отправлю Анри снова к конюхам и садовнику, а его подругу — к горничным и лакеям, пусть попытаются выяснить, кому рассказывали о калитке. Кстати, а как эта дыра в заборе закрывается? Мне нужен Арфель!

Дворецкий обнаружился в холле, где распекал одного из лакеев за какие-то провинности. Увидев меня, он отпустил бедолагу (малиновыми ушами юноши в ливрее можно было бы каминны разжигать!) и любезно поклонился.

— Госпожа Редфилд, чем могу быть полезен?

— Арфель, меня интересует боковая калитка!

— Вы хотите через нее выйти или войти? — По моим поднятым бровям он понял, что требуются пояснения. — Выйти можно просто, приложив ладонь к пластине замка. Войти — только владея двумя ключами, механическим и магическим.

— Почему такие сложности?

— Несколько лет назад один из лакеев был пойман на том, что проводил на территорию Ла Мезьера своих девиц. Ее сиятельство была очень недовольна, и тогда решили, что боковой вход является запасным, а не черным.

— Понимаю, для особых случаев, а не для слуг, — кивнула я. — И у кого есть ключи?

— Помимо его сиятельства — у меня, у госпожи Пафф и у конюха Арта Вариэля.

— Всего четыре, значит. А открывание этой калитки где-то фиксируется? — Дворецкий развел руками, и мне пришлось со вздохом согласиться. — Ну да, это было бы слишком просто. Ладно, тогда припомните, вы свой ключ никому не давали? И калитку по чьей-либо просьбе не открывали вчера утром?

— Разумеется, нет! — несколько свысока ответил Арфель.

Выйдя в сад, я задумчиво побрела по дорожке, пиная носком ботинка неизвестно откуда взявшийся комок бумаги. Значит, четыре ключа... Предположим на минуту, что сам

граф выводится за скобки и что Арфелю можно верить. Остаются конюх и экономка. Конюха расспросит Анри... Кстати, надо предупредить его, на что обращать внимание! Но что делать с госпожой Пафф? Что бы она ни ответила мне, положила руку на сердце, я буду предполагать, что рассказанное — чистое вранье. Очень уж эта дама меня невзлюбила... А если сам хозяин дома расспросит ее? Так ведь, опять же, не скажет правды, кто ж в такой ситуации сознается в каких-то действиях против правил?

Но наверняка ведь есть в поместье кто-то, для кого экономка не суровая госпожа Пафф, а милая Люсинда! Надо только найти эту подругу, а потом убедить ее рассказать то, что ей известно.

Разумеется, подруга нашлась. Госпожа Франсуаза Болье, кухарка, простая душа, подкладывала Валери еще одну булочку с кремом и приговаривала:

— Ешь, деточка, какая ж ты худенькая, в чем только душа держится. Вот возьми-ка, это крем-карамель, хозяйка наша очень любит, каждый день для нее готовлю, авось и тебе по душе придется. Так вот, я Люсинде и говорю, мол, ты сына-то сюда, в поместье бы пристроила, глядишь, и выйдет в люди. Вон Жанин, племянница моя, была тут горничной, да его сиятельство как-то поймал ее на том, что она при уборке слегка магичит... Ну я тебе честно скажу, свое слово у нас в семье у каждого есть, просто не все сознаются. А мне скрывать нечего, уж когда тесто затворяю, так я всегда бабушкин заговор твержу, пусть и одними губами, тесту-то все равно. Вкусно?

— Очень, тетя Фран! — Валери смотрела на пухлую фигуру кухарки почти влюбленно. — И что же Жанин, неужели уволили ее за это?

— Ну что ты! Я ж говорю — господин граф увидел, что она кое-что умеет, да и отправил ее учиться, так что теперь девочка наша студентка, учится в Ренне в университете, только на выходные иной раз да летом и приезжает домой.

— А что ж сын госпожи Пафф, не захотел сюда идти на работу?

— Нет, — с искренним огорчением ответила кухарка. — Я его и к себе в поварята звала, и к конюхам предлагала пристроить, так Люсинда нос задрала и так это говорит, мол, мой Арман не для черной работы рожден! А какая ж черная работа на кухне да с мукой? Только белая! — Женщина сама рассмеялась своей шутке и продолжила: — Уехал ее Арман в город, да не в Ренн, а подальше, в самую Лютецию, вот только кем стал там, не знаю. Но приезжал тут на днях, заходил к матери расфуфыренный, ровно твой артист, все дорогое да отглаженное.

— Ну, все-таки навещает же! Значит, не так и зазнался. Когда он приезжал-то?

— Да вчера утром я его и видела, раненько, только встала тесто для завтрака закладывать, гляжу, идет по дорожке. Солнце только вставало, роса еще не высохла...

Через пару часов пришел и магвестник со списком покупателей кристаллов. Звучной фамилии Пафф мы там, правда, не обнаружили, но некто по имени Арман Пелисье, житель ближнего пригорода Лютеции, сотрудник отдела продаж универмага «Бонтемп», меня заинтересовал особо...

— Очень все легко получается, — с досадой сказал Анри. — Щелк пальцами, и нашелся человек, у которого была возможность, который замечен именно вчера рано утром на территории поместья, да еще и имя похожее в списке покупателей амулетов появилось. Так не бывает.

— Посмотрим, — ответила я. — Завтра пораньше... Нет, пожалуй, даже сегодня я отправлюсь в Лютецию, чтобы с самого утра провести допрос вышеупомянутого Пелисье.

Вопросы прозвучали одновременно.

— Неужели уже нашли? — восхищенный от Валери.

— А мы? — унылый от Анри.

Я ответила сразу обоим:

— Раз планируется допрос, значит, нашли. Порталом я троих не уведу, да и вернусь завтра же к вечеру, так что вы пока будете присматриваться к прекрасной Симоне, поговорите с ней, попробуйте выяснить, нет ли у нее сердечного увлечения, как у той же Лилианы Ролон. Все же нашей основной задачей остается выбор невест!

Очень, очень интересные вещи рассказал мне Арман, в прошлом Пафф. Что сменил фамилию, он не скрывал, как и причины для этого шага:

— Вы ж понимаете, с такой фамилией ни в какое серьезное дело не сунешься! — Лицо молодого человека оставалось серьезным, только где-то в глубине глаз пряталось лукавство. Пожалуй, он мне скорее был симпатичен... — Вот я сейчас работаю в отделе продаж в крупном универмаге, через полгода повышения жду. Мечтаю иной раз, что и выше пробьюсь, закрываю глаза и вижу табличку на двери «Генеральный директор Арман Пафф». Тьфу! Смеетесь? Очень зря. Это вы просто не пробовали жить с таким именем, чтобы вас с первого класса лица дразнили! Нет уж, табличка непременно будет, и на ней напишут другое имя: Арман Пелисье. Вот так!

«Ага, — отметила я. — Лицей. Образованный сын у экономки, надо же!»

— А почему дальше учиться не пошли?

Лицо его сделалось серьезным.

— Потому что через восемь лет, когда мне тридцать стукнет, я должен зарабатывать достаточно, чтобы жениться и мать к себе забрать. Если она захочет, конечно. Но готовым надо быть, вот я и пошел работать.

— Понятно. Магией не владеете?

— Увы! — Арман развел руками. — Были бы магические способности, я бы все-таки вывернулся и поступил в университет.

— Ну, у многих дар совсем небольшой...

— Это да, но у меня и такого нет.

— Хорошо, пойдем дальше. Два дня назад вы были в имени Ла Мезьер, где работает ваша мать, госпожа Пафф. Расскажите, пожалуйста, как вы туда добирались и с какой целью приезжали.

Какое-то время Пелисье смотрел на меня с непониманием, потом его лоб прорезала вертикальная морщина.

— С какой целью? — переспросил он, явно думая о чем-то другом. — Ах, вот оно что!

И замолчал. Некоторое время в кабинете было тихо, только заблудившаяся муха жужжала у окна, пытаясь выбраться наружу. Не выдержав, я подошла, открыла створку и выпустила надоеду на волю. Арман Пелисье, будем уж звать его так, усмехнулся.

— Пожалели? Могли и прихлопнуть.

Я пожала плечами, вернулась на свое место, откинула голову на спинку стула и стала разглядывать моего собеседника. Симпатичный парень вообще-то. Высокий, широкоплечий, руки хорошей формы, глаза голубые, прищур эдакий — думаю, его еще не раз попытаются женить до поставленной планки в тридцать лет... Интересно, насколько он замешан в чем-то незаконном? В принципе, если к поджогу отношения не имеет и серьезных преступлений на нем нет, я даже протокол оформлять не стану. Путь попробует жить дальше честно.

— Ладно, скажу, — неожиданно нарушил молчание Пелисье. — Есть у меня должок перед... одним человеком, небольшой, но такой, что нельзя не отдать. Вот он, этот человек, попросил доставить в Ла Мезьер пакет, и доставить в строго определенное время. Позавчера утром, до шести.

— И как вы в такую рань туда добирались?

— Да просто! — Он пожал плечами. — Как всю жизнь из лица домой на выходные мотался. Это по дороге от Ренна пятнадцать километров, а если тропку знать, то только семь. Приехал после работы последним поездом, он в два ночи приходит, пару часов прикемарил на вокзале и пошел, темно еще было, ну так дорогу я знаю.

«Если тропку знать... — стукнуло меня. — Дорога, по которой мы ехали, абсолютно прямая, тут никакая тропка не поможет вдвое сократить путь! Неужели прокол пространства? Ох, как интересно! Теперь главное — не спугнуть, расспросить, кто его научил так ходить...»

Глаза молодого человека заблестели, он словно сбросил столичный лоск и тусклую леньность городского обывателя и заговорил с характерным бретонским выговором.

— И кому надо было отдать пакет?

— Понятия не имею! Велели положить возле крыльца флигеля, я и положил. Заглянул к матери, отдал деньги, что получил накануне, и подарок ко дню рождения, я ей купил кружево настоящее для нового чепца. Сказал, что за тем и приехал, чтоб поздравить, поскольку свободен до вечера. Ну вот, позавтракал с матушкой, заглянул к ребятам на конюшню, да и отправился обратно на станцию.

— Сгорел флигель, — равнодушно сообщила я, перекладывая листы в папке с делом. — Позавчера и сгорел. Часов в десять утра пожар начался.

— Нет!.. Я не поджигал! — Пелисье вскочил со стула, снова сел, облизал губы и повторил настойчиво, будто вколачивая каждое слово: — Я ничего об этом не знаю, в десять утра я уже в поезд садился!

— Кто приказал тебе отвезти пакет?

Арман только помотал головой, низко опустив ее. Я тяжело вздохнула, встала и подошла к молодому человеку. Взявшись за подбородок пальцами левой руки, подняла его лицо вверх и приложила правую ладонь ко лбу. Потом встряхнула рукой и вернулась на свое место.

— Значит, его зовут Кривой Сомон, и ты задолжал ему пять сотен за игру в кости. О том, что у таких людей кости всегда ложатся так, как им выгодно, тебе мама не рассказывала?

Закрыв лицо руками, Пелисье глухо простонал:

— Угораздило же меня к менталисту в руки попасть!

— Ты радуйся, дорогой мой, что увязнуть не успел! Амулеты заказывал для него же?

— Что? — оторвав ладони от лица, он посмотрел на меня с недоумением. — Амулеты? Нет, конечно, с какой стати? Просто я живу... ну, с женщиной. Это она попросила заказать противозачаточный амулет и еще голокристаллы всякие, чтобы смотреть вечером.

С досадой я пристукнула ладонью по столу. Ну надо же! В полученном мною списке этот момент был упущен, кто что заказывал, мои коллеги не указали. И я, старая ворона, клювом процелкала...

— Где искать Сомона?

— Он меня убьет.

— Не успеет. И его арест с тобой никак не будет связан, это я тебе гарантирую. Так где

его искать?

Собственно, на этом расследование случая в Ла Мезьере было закончено. Кривого Сомона арестовали за неуплату налогов, так что связать это с Пелисье было никак не возможно. Да и не достал бы Армана теперь никто, поскольку он работает ассистентом на кафедре путевой магии пространства в нашей академии.

Понятно, что в процессе допроса вытащить из Сомона имя заказчика поджога было невозможно, да и не знал этот некрупный, в общем, жулик настоящего имени. Даже внешность мне удалось увидеть при ментальном считывании довольно приблизительно — мужчина, хомо, в возрасте, с седыми усами, серые глаза, средний рост... Единственной зацепкой может оказаться перстень на мизинце левой руки, неширокий платиновый ободок с очень хорошим сапфиром, ограненным в форме «октагон». На верхней плоской грани, «площадке», виднелась золотая накладка с гербом, но его Сомон не разглядел.

Ничего, не самый частый вид ювелирных украшений. Найдем.

Нужно же знать, кому так не хочется, чтобы хоть одна девушка из списка стала королевой?

ГЛАВА 7

Девушка раздавила о камень окурочек тоненькой азиатской папиросы и забросила его в кусты, потом потерла ладонями лицо:

— Матушку раздражает все, что я делаю. Веду дела поместья или бездельничаю, встречаюсь с подругами или сижу дома, пахнет от меня табаком или лучшими духами — все служит поводом для раздражения.

— Почему? — спросила я, в свою очередь выбивая давно погасшую трубку.

Адалаис д'Альбон пожала плечами.

— Не знаю. Но так было всегда, с самого раннего детства. Наверное, родители ждали, что вторым родится сын, наследник, а появилась опять девочка. Впрочем, когда появился Аудрик, стало только хуже. Амандина — старшая, умница-красавица, вышла замуж за князя из царства Русь и беспокоит их в лучшем случае раз в году. Аудрик — долгожданный наследник. Ну а я мало того что средняя по всем параметрам, так еще и болтаюсь перед глазами постоянно. Дар слабый, красоты особой нет... В общем, я пыталась доказать матушке, что тоже чего-то стою, потом поняла, что это бессмысленно. Даже если бы завтра я стала королевой Галлии, любить меня не будут. Ну и... забила на это все.

Выговорившись, она отвернулась к кусту роз и стала обрывать увядшие цветы.

Утешать девушку я не стала. Во-первых, ни к чему ей знать, что у нее есть примерно один шанс из восьми к тому, чтобы стать именно королевой. Во-вторых, дар у нее был, и очень интересный, просто совершенно неразвитый. Можно было бы назвать его, как в старинных книгах, «вуаль спокойствия» или еще как-то так, но, если говорить попросту, девушка умела при необходимости успокаивать нервы любому разумному, причем ее воздействие способно было прекратить эпилептический приступ и остановить самую сильную истерику. И наконец, в-третьих, со своими чудовищами каждый должен научиться справляться сам. Адалаис уже почти научилась, я же постараюсь ей в этом мягко помочь.

Чудовище в доме д'Альбонов было, звалось оно дама Агата и приходилось интересующей меня девице тетушкой, старшей сестрой ее матери Агнессы. Указанная дама замуж никогда не выходила и свое собственное, так сказать, гнездо не вила, но точно знала, как следует вести дом, воспитывать детей и держать в повиновении слуг. Полагаю, именно по этой причине в шато д'Альбон и городском доме семьи в Авиньоне было явно недостаточно горничных и лакеев, отсутствовал такой важный персонаж, как дворецкий, да и садом заниматься было некому.

Кстати, именно из-за некой семейной традиции, уверена, придуманной дамой Агатой, троим детям четы д'Альбон были даны имена, начинающиеся на «А».

Моя собеседница была шестой в списке и последней, кто жил с родителями в семейном поместье. Слава Великой Матери, оставшиеся четыре девицы находились в Лютеции, и изучать их я могла, отсыпаясь в собственной спальне и завтракая несравненными булочками моей кухарки.

Находилось поместье в Провенсе, на нравом берегу Роны, и главной основой благополучия семьи были виноградники. В число их владений входил, помимо всего прочего, *Domaine de la Genestiere*, производитель вина тавель, справедливо называемого «королем розовых вин». Вдоль течения реки на тонких речных песках лежали террасы, образованные обкатанной галькой и гонким суглинком, дальше же начинались известняки, и на них — бесконечные ряды лоз.

— Удивительный пейзаж, — мечтательно сказал Анри, глядя через окно экипажа на листья, порозовевшие в закатных лучах. — Если бы я не был магом, провел бы всю жизнь на виноградниках, вот уж благодарное дело!

— Только для тех, кто этому всю жизнь отдает, — покачала головой Валери. — Тут не

забежишь на минуточку...

Несколько позже мы выяснили, что шевалье д'Альбон, отец интересующей нас девушки, именно так и поступил: оставив жене и ее сестрице усадьбу и сад, он уже лет пятнадцать как перебрался в небольшой домик на виноградниках, и семейство навещал четыре раза в году, в дни рождения супруги и детей. Поводом для приезда в это поместье мы выбрали прошедший недавно слух об очередной магической статуе, найденной на здешних полях, лесной кошке из черной бронзы. Желтая пресса весьма активно муссировала истории о трех, пяти, тридцати крестьянах, загрызенных этой кошкой, о том, что наутро работники музея в Авиньоне находили на ее клыках кровь... ну, в общем, обычные страшилки, которым вряд ли верил кто-то из читателей. Однако поводом для визита это отлично могло послужить.

Я уверена была, что мэр Авиньона выполнил мою просьбу и предупредил господ д'Альбон, что им следует ожидать прибытия столичной комиссии по магической безопасности. Но на верхней ступеньке главного дома стояла только одна женская фигура, и это явно не была невысокая пухленькая Агнесса, благо портрет матери возможной невесты у нас в досье имелся.

Сухопарая, долговязая и какая-то нескладная, в странной кружевной накидке на седеющих волосах, с желтоватой кожей и светлыми глазами, женщина была настолько неприветлива, что это граничило с грубостью.

— Что вам угодно? — произнесла она с высоты верхней ступеньки.

— Коммандер Службы магической безопасности королевства Лавиния Редфилд, — сухо представилась я, выйдя из экипажа. — Полагаю, вы местная экономка? Тогда пригласите хозяев и распорядитесь, чтобы нам приготовили комнаты.

— Сожалею, но у нас не гостиница, и мы не принимаем на постой путешественников.

Оторвавшись от осмотра фасада здания, я повернулась к этой особе.

— Не помню, чтобы я вас о чем бы то ни было спрашивала. Идите и выполняйте, я желаю говорить с вашими хозяевами.

Дама Агата, а это была именно она, сама загнала себя в ловушку: если бы она с ходу представилась, у меня не было бы возможности делать вид, что я говорю с экономкой или горничной. Конечно, это не повлияло бы на результат беседы, но вот тональность была бы иной.

Следующее возражение негостеприимной дамы показалось мне лишним. Активировав левитацию, я взлетела на верхнюю ступеньку и, щелкнув пальцами, развернула перед ее глазами королевский приказ о полном содействии и прочем.

— Надеюсь, теперь вопросов не будет? Виконт де Буа-Траси, мадемуазель Дюнуа, прошу за мной!

Скрипнув зубами (честное слово, я это услышала!), дама Агата развернулась и прошла впереди меня в холл дома. Здесь она позвонила в колокольчик, после чего прилетела несколько встрепанная горничная, которой и было приказано отвести нас в гостевые комнаты.

Единственное, на чем удалось даме отвести душу — это сунуть нас с Валери в одну спальню, поскольку дом и в самом деле был не так уж велик.

— Я не поняла, это что, гипотетическая теща его величества? — спросила девушка, ставя щит от подслушивания на эту самую спальню. — Тогда его надо хотя бы предупредить, что ли...

— Дама Агата — сестра этой самой гипотетической тещи. Но, как ты понимаешь, система отсекация таких родственников давно отработана, вряд ли ей удастся увидеть короля больше одного раза в жизни, — ответила я, доставая из пространственного кармана несколько вырезок со статьями о той самой страшной бронзовой фигуре. —

Между прочим, в музей мне придется съездить. Смех смехом, но именно здесь неподалеку когда-то была найдена Венера Илльская, ты же помнишь, чем кончилась эта история?

Жутковатую новеллу студенты, конечно, не помнили, и я поставила себе в уме пометку по возвращении в Лютецию найти томик Мериме и заставить обоих прочитать.

— А мы? — жалобно построил бровки домиком Анри.

— А вы традиционно будете делать вид, что изучаете место находки, а на самом деле знакомиться с девушкой Адалаис.

— Что?

— Зовут ее так — Адалаис. И я готова поспорить на бутылку вина «Тавель де ла Женестьер» против стакана воды, что ей до смерти надоела полная форма этого имени!

— Э-э-э... Госпожа профессор, а вы в музей в Авиньоне поедете завтра?

— Да, собираюсь.

— А как?

Тут я и в самом деле несколько призадумалась. Открыть портал без привязки я не рискну, не настолько хорошо я знаю Авиньон. В экипаже? Ну, конечно, я умею их водить, но... не люблю. И они меня не любят, кстати: вечно мне то активировать двигатель не удается, то фиалы оказываются пустыми и мертвыми, то колесо спущенным...

— Разумеется, проще всего было бы, если бы Анри меня отвез, а для возвращения я бы оставила метку для портала... Но вот как ты тут одна справишься с этой мегерой?

— Госпожа профессор, — Валери взглянула на меня снисходительно, — если бы вы видели старшую воспитательницу в нашем приюте, дама Агата показалась бы вам белой голубкой!

С хозяйкой дома Агнессой д'Альбон мы встретились за ужином. Еда была... ну, мягко говоря, не слишком вкусной. Анри, которому в тушеной капусте попался кусок чего-то, в чем он опознал птичью лапу, налил в блюдечко оливкового масла, посыпал солью и меланхолично макал туда не слишком свежую лепешку. Суп состоял преимущественно из воды и крупы, жаркое явно разогрели, и не раз, печеньем, поданным на десерт, можно было выпрямлять гвозди. Агнесса молчала и возила ложкой в тарелке, Адалаис, закусив губу, смотрела в стол, а дама Агата разливалась соловьем, проповедуя здоровое питание и образ жизни.

— Я встаю с рассветом! — говорила она. — Земля раскрывает мне объятия, солнце целует меня, птички трели настраивают на любовь к ближнему! Часовая прогулка придает бодрости на целый день! Вы же все понимаете, что только ради вашего удобства я кручусь словно белка в колесе с утра до ночи, занимаюсь хозяйственными вопросами!

Понимать особо было некому: из всего семейства д'Альбон за столом присутствовали лишь уже упомянутые мать и дочь. Хозяин дома, как было мне известно, старался в нем не появляться, отсиживался на винодельне, а сын и наследник еще в сентябре прошлого года уехал в Бритвальд учиться и пока возвращаться не собирался.

Дама Агата недрогнувшей рукой отправила в рот кусок жаркого, и я воспользовалась мгновением ее молчания, чтобы обратиться к номинальной хозяйке дома:

— Госпожа д'Альбон, расскажите мне эту историю с находкой бронзовой фигуры кошки!

Агнесса вздрогнула, оторвалась от салфетки, из которой складывала птичку, и ответила:

— Фигура? О, ее нашли наши арендаторы, когда копали канаву... вроде бы для полива огорода, не знаю. Я сама не видела их находку, вы же понимаете, у меня слабое здоровье. Жара мне противопоказана, как и длительные прогулки.

— Да-да! — Агата усилием воли протолкнула жаркое через глотку. — Я вынуждена настаивать, чтобы дорогая Несса берегла себя! Моей сестре нужно специальное здоровое питание, по особым рецептам!

— В самом деле? — нежным голоском пропела Валери. — А могу ли я познакомиться с тем магом и кудесником, который... э-э-э... готовит это... как вы сказали? Здоровое питание?

Широким жестом она обвела стол — тарелки с мясом в неаппетитно застывшем жире, переваренную капусту, подсохшие лепешки.

Я взглянула на Агнессу: та смотрела на сестру, и в глазах ее горела здоровая, незамутненная ненависть. Потом она перевела взгляд на дочь, но, увы, нежности в глазах не прибавилось. Адалаис ее раздражала, и, похоже, это раздражение стало смыслом ее жизни.

После кофе, на удивление приличного, я достала из пространственного кармана трубку и кисет. Дама Агата задохнулась возмущенным воплем, но, пока она набирала воздух для следующего, я встала и сказала:

— Адалаис, прошу, покажите мне ваш сад! Кажется, я видела там розы «Вивьен Вествуд»?

Наутро я скрепя сердце оставила Валери одну разбираться со всеми женщинами семейства д'Альбон, и Анри повез меня в Авиньон. Метку для открытия портала я поставила возле левого столба въездных ворот в поместье за большим и страшно колючим кустом. Хотелось надеяться, что в момент моего возвращения сюда никто не полезет за какой-нибудь надобностью...

Авиньонский музей Lapidaire, в научном отделе которого шло изучение интересующей меня скульптуры, был битком набит туристическими группами и отдельными путешественниками; школьные и даже, кажется, детсадовские группы наполняли все залы безостановочным чириканьем. Мальчик лет десяти в оранжевой жилетке шел спиной вперед, ухитряясь уворачиваться от тех, кто попадался на пути. Впрочем, на меня он налетел, посмотрел затуманенным взглядом и шепнул: «Извините!» Подбежала учительница, молоденькая и хорошенькая, тоже в жилетке, схватила его за руку и громким шепотом завопила:

— Жиль, ты что?

— Госпожа Файлер, я проверяю, сколько человек я могу заметить за спиной! — ответил он таким же «секретным» голосом.

Девушка дала ему символический подзатыльник и потащила в угол, где я наконец разглядела целую группу таких же оранжевых, сидящих на полу с альбомами и карандашами. Они копировали картину, изображавшую красавицу с чьей-то отрубленной головой в руках.

«Ага, — сообразила я. — Это они в разноцветных жилетах для того, чтобы учителя могли легко сосчитать своих, а чужих не хватало! Пожалуй, надо уносить отсюда ноги...» Высмотрев в углу подтянутую даму в форменном пиджаке, я подошла к ней и попросила указать путь к кабинету мэтра Решона. Служительница улыбнулась, подвела меня к незаметной дверце, открыла ее магическим пассом и сказала негромко:

— По коридору налево до конца, комната номер десять!

Оказывается, параллельно музейным залам, заполненным детьми и взрослыми, располагались рабочие кабинеты, лаборатории и даже конференц-зал, где нормальные взрослые люди изучали состав красок или возраст мрамора, доказывали или опровергали принадлежность произведения искусства автору или эпохе... словом,

занимались интересными и понятными мне вещами.

Мэтр Решон, когда я вошла в десятый кабинет, занимался одновременно несколькими делами: разговаривал по коммуникатору, что-то печатал на компьютере, размешивал кофе в высокой чашке с разноцветными квадратиками и искал что-то в ящичке стола.

— О! — сказал он, увидев меня. — Вот вы скажите, какого цвета бронза?

— Бронзового, — ответила я без тени сомнения.

— Вот! И я говорю, Соренсен, — красноватый, желтоватый, золотисто-коричневый, но уж никак не чернозеленый! И не говорите мне про патину, она все равно не дает черного! Слышите, Марк? — это уже в коммуникатор. — Не дает!

Марк, судя по картинке на экране — симпатичный блондин, габаритами и повадками напоминающий медведя, — ответил:

— Ну так подойдите сюда и поглядите своими глазами!

— И подойду! — гаркнул мэтр Решон и отключился.

Он отпил кофе, сморщился и отставил чашку. Потом посмотрел на меня и спросил:

— А вы, собственно, кто?

— Коммандер Лавиния Редфилд, Служба магической безопасности, — представилась я. — И меня тоже очень интересует ваша черная бронза, даже если она окажется неизвестным науке сплавом.

Увидев пресловутую кошку, я поверила, что она могла сожрать некоторое количество крестьян и не поморщиться: взрослый лев, виденный мною когда-то в саванне, был, пожалуй, помельче. Включив магическое зрение, я смогла увидеть лишь силовые линии щита, окружающего скульптуру со всех сторон.

— Это чтобы не украли?

— Ну и для этого тоже, — туманно ответил мэтр Решон и растворился в толпе.

Надо сказать, что здесь, во внутреннем дворике музея, где на газоне разместили находку, было весьма многолюдно. Высмотрев в толпе монументальную фигуру того самого Марка, я подошла к нему, вновь представилась и спросила:

— Что здесь происходит, господин Соренсен?

— Понимаете, Решон хочет снять щит и взять образец металла для определения его состава и возраста.

— Определение состава — понимаю, а возраст?

— Госпожа Редфилд, существует очень много методов как химических, так и алхимических... Давайте я не буду забивать вам этим голову, если хотите, дам прочесть маленькую статью по основам такого анализа.

— Хочу, — ответила я, вновь разглядывая щит. — Хочу, но, пожалуй, йотом... Скажите мне, Марк, щит поставлен со всех шести сторон?

— В смысле? — Гигант выглядел озадаченным.

— Дно есть? Под ногами этой статуи?

— Нет... А зачем? Она столько сотен лет провалилась в землю, неужели захочет снова туда закопаться?

Тут — клянусь, что так и было! — хвост кошки шевельнулся, она повернула голову, взглянув на нас с Марком, и серебряные глаза ее сверкнули красным. «Мясо! —

произнес в моей голове тягучий голос. — Сладкое!»

Не надо спрашивать меня, на каком языке она говорила, потому что и по сей день это мне неизвестно. Отшвырнув в сторону остолбеневшего норвейца, я прыгнула вперед. Одновременно снять защиту, выдернуть из пространственного кармана амулет полного подчинения, набросить его ремешок на шею оживающей статуи и вновь наложить щиты... Все это нужно было сделать в мгновение ока, потому что я буквально кожей почувствовала, как оживают бронзовые мышцы, как дергается нервно кончик хвоста и как терзает это великолепное тело изнутри лютый, неутолимый голод.

Кошка села, обернула хвостом лапы, словно обычная домашняя мурлыка, и посмотрела мне в глаза.

«Хозяйка!» — «Я буду звать тебя Бастет, — ответила я, понимая, что опять повесила себе на шею некую непонятную полуразумную сущность. — Тебя покормят мясом». — «Да, хозяйка! Выпусти меня из этой клетки, она больно кусается!» — «Выпущу, но запомни: никого из двуногих убивать нельзя, они будут тебя кормить, гладить и разговаривать с тобой». — «Никого из двуногих убивать нельзя, — согласилась она. — Четвероногих можно».

— Вот тьма, — пробормотала я. — Этот диалог можно продолжать бесконечно. Соренсен, скажите мне, кто из присутствующих хоть чуть-чуть владеет менталом?

— Ну, я владею... совсем немного только.

— Отлично!

«Я сейчас уйду, Бастет. Но я вернусь к тебе. Пока меня нет, ты должна слушаться вот этого двуногого, его имя Марк».

За руку подтащив беднягу Соренсена поближе к клетке, я сказала ему:

— Ты должен привязать к себе это существо.

— Кровью небось? — с мрачным юмором спросил он.

— Ну а чем же еще? Давай. — Я достала небольшой стилет. — От укола в палец еще никто не умирал!

— Хотелось бы мне знать: когда этот ножичек последний раз чистили и что им до этого резали? — пробормотал он, но послушно подставил ладонь.

Капля крови упала на управляющую часть амулета и зашипела, коснувшись янтарной пластины. Я всунула всю конструкцию в ручищу норвейца и сказала:

— А теперь попробуй с ней поговорить. Ее зовут Бастет.

Двое уставились в глаза друг другу, а я отошла в сторону и, не глядя, со стоном плюхнулась на какой-то камень. Магия магией, но такие прыжки в моем возрасте чреваты растяжениями и вывихами!

Только сейчас я поняла, что во дворе стоит оглушительная тишина и замершие вокруг сотрудники музея, набежавшие вдруг типы с камерами для магоснимков и непонятная публика молча пялятся на меня, Марка и кошку. Откуда-то вывернулся уже знакомый мне юный негодяй в оранжевой жилетке, подергал за рукав и спросил:

— Госпожа маг, а почему у кошки ошейник светится зеленым? А это вы с ней так разговаривали — внутри себя, да? Мыслями, да? А когда ее из клетки достанут, можно мне будет с ней поиграть?

Валери была задумчива, словно дева из средневековой баллады. Впрочем, это не помешало ей сосредоточиться и подробно доложить о сделанных за день открытиях. Кое-что уже было мне известно, но второй взгляд на проблему никогда бывает лишним.

— Тетка — мегера, и все в поместье работают только по ее приказу. Правда, как сказала

мне прачка, продержавшаяся здесь больше десяти лет...

— Как ей это удалось? — не удержалась я от вопроса.

— А она единственная, кто умеет отбеливать старинные кружева, до которых Агата большая охотница. Так вот, прачка сообщила, что пару месяцев назад эта милая тетушка как с цепи сорвалась. И если раньше к племяннице она была равнодушна, то теперь беднягу совершенно затерроризировала, да еще и мамашу ее, особым умом не отличающуюся, настропалила. Единственный человек, которому Агата доверяет, — ее личная служанка Клодин, — рассказывала Валери, раскрыв свой блокнот с пометками. — Служанка ее причесывает и одевает, относит ей завтрак, а перед этим следит за его приготовлением...

— Дама Агата опасается отравления? — удивился Анри. — В своем доме?

— Ну, дом-то не ее, а сестры, — парировала Валери. — Агнесса слушается сестрицу неукоснительно, даже если повариха спрашивает, что приготовить на обед, отсылает с вопросом к Агате.

— И при этом ее ненавидит, — заметила я. — Просто не дом, а поляна с лесными феями... А что скажешь о нашей девушке?

— Мать и тетка ее давят безбожно, и уже почти совсем задавили. В их присутствии она заикается, не может закончить фразу, даже спотыкается, когда на нее смотрят. И аура затемняется, я проверила. А девушка очень сообразительная и хорошенькая, как картинка. Интересуется травами, алхимией и зельеварением. И да, магия присутствует, но резерв совершенно не развит. Сегодня я увела ее в сад, мы говорили об устройстве аптекарского огорода, а там в это время помощник садовника что-то окапывал. Ну и тяпнул по ноге... Вопил, словно павлин, даже еще громче. Адалаис ухитрилась его успокоить, причем довольно быстро — приговаривала какую-то чушь, по руке поглаживала... Мальчишка будто вина хватанул, глаза затуманились. Она ему быстро промыла рану чистой водой, пучок травы приложила, перевязала платком и велела садовнику отнести парня в дом, где они живут.

— А мага-медика почему не вызвали?

— А потому что дама Агата запретила! Нечего, сказала, на прислугу по пустякам деньги тратить, и вообще, лечиться надо природными средствами.

— Хм... Это она зря! — задумчиво проговорила я. — Это она подставилась. Пойдем-ка посмотрим на этого помощника садовода!

Пострадавший мальчишка лет шестнадцати был больше напуган моим визитом, чем травмой. Да и его дядюшка, собственно садовник, мял в руках кепку и переминался с ноги на ногу, но ничего внятного произнести не мог.

Я осмотрела рану, нехорошую, кстати; если бы Адалаис сразу не промыла и не подобрала подходящие травы, нагноения было бы не миновать. Комнаты, в которых жили эти люди, были словно из Средневековья сюда перенесены, даже вместо уборной у них была выгребная яма, я такое разве что в селениях на Черном континенте видела.

Выйдя из дверей, я достала коммуникатор и набрала номер мэтра Санье, одного из самых умелых крючкотворов-юристов в Лютении.

— Скажите, любезный мой мэтр, что говорит закон нашего королевства о работодателе, не оказавшем медицинскую помощь пострадавшему на работе персоналу?

— Ну, это зависит от договора между сторонами, от того, насколько этот самый персонал пострадал...

— Драгоценный мой, а если попроще?

— Вам для судебного преследования или для шантажа?

— Второе!

— От штрафа в пятьдесят тысяч золотых до пяти лет в рудниках!

— Благодарю, и с меня причитается! — Отключив коммуникатор, я повернулась к Анри. — Траси, поезжай на винодельню, найди отца девушки. Мне хотелось бы с ним поговорить, но времени, чтобы ловить его по всем виноградникам, у меня нет...

— Понял! — ответил Анри и испарился.

— А мы? — спросила Валери.

— А мы с тобой пойдем в дом и побеседуем с дамой Агатой и ее младшей сестрой.

В холле я поймала торопившуюся куда-то молоденькую горничную и спросила:

— Хозяйка где сейчас?

— А обе в красной гостиной, — ответила девушка и, не удержавшись, фыркнула. — Вышива-ают.

— Что, правда?

— Честное слово! — Для убедительности она прочертила перед лицом знак Единого и упорхнула.

— Вышивают, Дюнуа! — сказала я с тоской. — Цветочные композиции небось! А мы с тобой вот бегаем, солнцем палимы, — то покойника несвежего на место уложить, то взбесившуюся скульптуру уговорить...

С того места, где я стояла, была хорошо видна настезь открытая дверь гостиной; будь у меня чуть больше фантазии, я могла бы сказать, что вижу большое ухо, высовывающееся из этой двери.

Иначе говоря, нас слушали и слышали.

Из холла на второй этаж вели две красиво изогнутые лестницы. Упомянутая уже открытая дверь в гостиную была рядом с правой; мы поднялись по мраморным ступенькам и вошли в комнату. Ну, гостиную можно было называть «красной» с полным правом: тот или иной оттенок этого цвета имели шторы, ковер, обивка кресел и диванов, мрамор каминной полки и даже физиономия дамы Агаты, восседающей у камина и в самом деле с пальцами в руках. Ее сестра лениво копалась в коробке с нитками и, когда мы с Валери вошли, даже головы не подняла.

— Что вам угодно? — гордо спросила высокородная вышивальщица.

— Сударыня, я вроде бы еще вчера сказала вам, что именно мне угодно? — удивилась я. — Неужели забыли?

— Я слышала, что вы уже побывали в Авиньоне и осмотрели скульптуру. Полагаю, этого должно быть довольно для отчета вашему начальству?

Вот честное слово, я бы ее зауважала за такую несгибаемость, если бы не была уверена, что помимо дрянного характера даму Агату ведет еще и ощущение поддержки за спиной. На кого-то она очень сильно рассчитывает, эта женщина.

Почему? Ну хотя бы потому, что за две с лишним сотни лет работы в Службе магбезопасности я видела крайне мало фигурантов дел, которые не испытывали бы почтения или страха при виде нашего символа — свернувшегося кольцами алого дракона. А эта дама стремительными шагами приближалась именно к положению фигуранта...

— Ну что же, тогда, пожалуй, я расскажу, почему мы здесь. — Войдя в гостиную, я не

стала садиться, а остановилась у камина и достала из пространственного кармана два свитка с красными сургучными печатями. — Вот здесь распоряжение, подписанное его величеством Луи Одиннадцатым, согласно которому госпожа Агата Трелонье должна быть препровождена в монастырь Святого Духа, что на острове Нуармутье, с целью немедленного пострига. Тихо, я не закончила!.. А сестра ее, известная как Агнесса, супруга шеваляе д'Альбона, отправлена для выполнения общественных работ с миссией того же монастыря в королевский госпиталь в Сиаме сроком на один год. Не хотите узнать, за какие грехи?

Дама Агата и тут сумела меня поразить. Она ни единым словом не возразила против сказанного и резонного вопроса «За что?» не задала. Просто сжала кулаки и завизжала так громко, что мне пришлось потрясти головой, чтобы оттуда высыпались лишние звуки. Нужно отдать должное и Агнессе д'Альбон: та лишь спросила спокойным голосом:

— Кто займется моей дочерью?

— Ее отец, в случае невозможности — старшая статс-дама двора его величества.

Женщина кивнула и вновь закопалась в корзине с нитками. Я помедлила, мне очень не хотелось оглашать другой вариант королевского распоряжения, более гуманный, но приказы не обсуждаются, и я развернула второй свиток.

— У вас есть право выбора... — Обе женщины посмотрели на меня. — Госпожа Агата Трелонье может избрать для себя в качестве послушания работу в госпитале сроком на пять лет, а госпожа д'Альбон — трехмесячное покаяние, но на определенных условиях.

— Каких же?

— Вы должны полностью передать управление своей частью семейного имущества вашей дочери — и, соответственно, племяннице — Адалаис, и в дальнейшем, по выполнении назначенной епитимьи полагаться на ее добрую волю в части выделения доли семейного бюджета.

Голоса их прозвучали одновременно, но сказали сестры совсем разное:

— Я согласна, — сообщила Агнесса.

— Ни за что! — воскликнула Агата.

— Ну что же. — Я развела руками. — В таком случае завтра утром придут гвардейцы его величества, дабы сопроводить каждую из вас к месту исполнения наказания.

Движение пальцев, и обеим дамам в руки приземлился свиток. На каждом вспыхнула алым королевская печать, по свечению пробежались все цвета спектра, и оно стало золотым.

Дама Агата встала, отбросив пальцы и свиток, плюнула мне под ноги и удалилась. Я послала за ней следящее заклинание, которое должно было сопроводить фигурантку до ее комнаты и запереть там.

Агнесса с неподвижным лицом смотрела в стол.

— Мне хотелось бы до отъезда встретиться с мужем, — сказала она, когда Агата ушла.

— Я надеюсь, что в ближайшие часы мой помощник доставит шеваляе сюда, — с коротким поклоном сообщила я.

— Спасибо...

Она вновь занялась нитками! Гвозди бы из этих сестер делать...

Анри вернулся часа через полтора взмыленный, будто все километры по виноградникам пробежал на своих двоих. А может, и правда так было? Да нет, я видела, как он садился в экипаж...

— Шевалье просит его извинить, — сообщил он, отдышавшись, — но он сможет прибыть только к ужину. У него чрезвычайно важный процесс, который ни в каком случае прерывать нельзя.

Оставалось лишь вздохнуть: выспаться в собственной кровати снова мне не грозило...

— Госпожа профессор, можно вопрос? — Голос Валери раздался в ту же минуту, когда мы вышли из красной гостиной.

— Можно.

— А откуда взялся королевский приказ, вчера же не было?

— Утром я была в Авиньоне, ты помнишь? Ну а оттуда порталом перейти в Лютецию совсем несложно. Форарльберга я еще с утра предупредила, что именно мне понадобится, так что сложи два и два, в результате мы имеем своевременно подписанные приказы его величества.

— А почему вы решили здесь именно так их наказать? Понимаю, девушку затравили, но вы же не можете ездить по всей Галлии и проверять, не обижают ли какая-нибудь злая тетка юную невинную девушку!

— Не могу. Но ты сама мне рассказала, что дама Агата стала преследовать племянницу пару месяцев назад. А теперь подумай, когда начали составлять наш список? Даю подсказку: последнее заседание Государственного совета было в начале апреля.

— Мм... То есть в середине апреля его величеству настоятельно рекомендовали жениться на галлийской аристократке. Мы катаемся по стране уже больше двух недель, вам его отдали месяц назад... Да, короткий список вполне мог быть составлен в середине мая. Вы считаете, даму Агату подтолкнули?

— Я думаю, что наш неизвестный доброжелатель мог ей даже заплатить. Но узнать это достоверно мы от нее не сможем, поэтому для того, чтобы удовлетворить твое любопытство, мне придется его отыскать.

— Да, госпожа профессор! — радостно сказала Валери. — Я всегда говорила, что вы — лучший в мире учитель!

За ужином мы увидели шевалье д'Альбона. Мне он, скорее, понравился: такой невысокий крепыш с хитрым прищуром светлых глаз. Собственно, только эти глаза дочь от него и взяла, а в остальном была как две капли воды похожа на портрет своей бабки по материнской линии, висевший в галерее, — высокие брови, изящный нос, нежный румянец на очень белой коже, светлые длинные волосы, собранные в высокую прическу. Отцу она была искренне рада, за столом села рядом, и они все время о чем-то переговаривались.

Дамы Агаты предсказуемо не было, еду ей отнесли в комнату, даже графин с вином присовокупили. Ее сестра, супруга шевалье, была задумчива, почти не ела и впервые не одергивала дочь, кажется, даже не очень ее замечала.

Когда трапеза закончилась, я попросила хозяина дома уделить мне несколько минут. Он покосился на жену, пожевал губами и спросил:

— Надолго?

— Нет.

— Тогда здесь и поговорим, чего нам до кабинета идти! Дорогая, я присоединюсь к вам очень скоро.

Агнесса понятливо кивнула и вышла, студенты вместе с Адалаис испарились еще раньше, и мы с шевалье остались вдвоем.

Я протянула ему открытое письмо его величества, подтверждающее мои полномочия. Д'Альбон просмотрел текст и поднял глаза.

— Что от меня требуется?

— Поскольку в ближайшие месяцы ваша супруга будет отсутствовать, вам придется жить здесь вместе с дочерью и заниматься делами всего имения, а не только виноградниками.

— Досадно. — Он потер подбородок. — Скоро начнется созревание винограда, я должен буду... А, ладно, это не имеет значения, передам дела Жаку. А эта?..

Шевалье кивнул на дверь, обозначая, кого имеет в виду, впрочем, и так было ясно.

— А ваша свояченица завтра утром отправится в монастырь Святого Духа на остров Нуармутье.

— На молитву?

— Можно сказать и так. На постриг.

Тут шевалье меня удивил: он достал из-за пазухи костяную фигурку Симаргла, поцеловал ее и что-то прошептал. Потом тщательно заправил кожаный шнурок назад и с широкой улыбкой сказал мне:

— Что хотите, когда угодно — все сделаю, вам стоит лишь сказать.

Я усмехнулась.

— Ну, коли так, буду рада, если пожертвуете бутылку лучшего розе с вашей винодельни.

— Хоть бочку!

— Это лишнее... Да, и еще один важный момент. Мне нужно, чтобы вы с дочерью приехали в Довиль на королевские скачки в августе.

Нимало не удивившись, он кивнул.

— Как прикажете. Прямо завтра и зарезервирую комнаты в гостинице, чтобы потом не метаться. И Адалаис скажу, чтоб к портнихе в Авиньон съездила, заказала платьев, шляпок, что там им еще требуется.

— Отлично! — Я встала и протянула ему руку. — Завтра утром я дождусь отъезда обеих дам, и мы с учениками тоже отчалим. До встречи в августе!

ГЛАВА 8

На столе передо мной лежали четыре тонкие папки. Досье на оставшихся, еще не изученных девушек из королевского списка. Две студентки коллежа Сорбонны, собственно говоря, таковыми уже почти не являлись: сегодня в пять часов вечера должно было состояться торжественное вручение дипломов, что давало мне возможность поглядеть на Мелани де Буалье и Софию-Шарлотту Монфор инкогнито. Раскрыв папки, я взглянула на магоснимки. Что же, вполне достойные девицы, рыжевато-каштановая и зеленоглазая Мелани получила специальность архитектора, голубоглазая брюнетка София стала журналисткой. Посмотрим, каковы они будут в мантиях и магистерских шапочках...

Вот вопрос, кстати, — брать ли с собой моих студентов? В принципе, вчера, вернувшись в Лютецию, я сообщила им, что они могут считать себя свободными до начала занятий, и Анри немедленно потащил подругу к своим родителям делиться впечатлениями о практике.

Ладно, пусть решают сами. Достав коммуникатор, я набрала номер. Лицо Анри появилось на экране практически мгновенно, будто он ждал, держа аппарат в руках.

— Да, госпожа профессор! Мы готовы!

— К чему? — удивилась я.

— Ко всему! Список-то не закончился, значит, мы можем еще быть полезны.

— Хорошо... тогда встречаемся у южных ворот коллежа Сорбонны без пятнадцати пять.

— Форма одежды?

— Свободная!

В первый момент я не смогла разглядеть интересующих нас девушек в толпе выпускников в одинаковых мантиях и шапочках. Да что там, я их даже пересчитать сразу не смогла: черные облачения клубились, перемешивались, собирались в группки и расходились...

— И чего волнуются? — философски пожал плечами Анри. — Уже все кончилось, осталось только свиток с печатью получить, и можно закрыть за собой эту дверь.

— Ну, пока она открыта, вот они и нервничают, — ответила Валери. — Госпожа профессор, вы опознали наших... э-э-э... подопечных?

— Да, вон та высокая девушка, которая разговаривает с дамой в винно-красном костюме, это Мелани де Буалье, а ощипывает лепестки у розы София-Шарлотта Монфор.

— Хорошенькие! — оценил Анри. — Интересно, а этих как будут выводить из списка?

— Думаешь, будут?

— Конечно! Иначе какой был бы смысл трудиться, устраивать провокации в провинциальных семействах, если столичные кандидатки останутся в игре?

— Посмотрим, — оборвала я их. — Идем в зал, вы садитесь сзади и смотрите внимательно. А я отправлюсь поближе к сцене.

Оказалось, что сегодня дипломы вручались лишь двадцати выпускникам, лучшим по итогам этого года. Интересно, и обе интересующие нас девы попали в этот список... Хотя, с другой стороны, все-таки выбирают-то королеву, а не консьержку, так что их успех закономерен.

Пройдя вперед, я заметила среди публики нескольких знакомых профессоров — впрочем, это и неудивительно, все-таки академия, в которой я имею честь преподавать уже вторую сотню лет, является частью коллежа Сорбонны. Самостоятельной, но

частью.

— Госпожа Редфилд! — окликнул меня сидящий с краю в третьем ряду обладатель роскошной рыжей бороды, профессор кафедры теоретической механики Клацровис. — У меня тут как раз местечко свободное есть, составите компанию?

— С удовольствием, спасибо! — Я уселась рядом с гномом и спросила: — Кто-то из ваших учеников вошел в двадцатку?

— Ха! — гордо ответил он. — Не кто-то, а целых шестеро! Трое с дирижаблестроения, один судебный медик, архитектор и электрик.

— А зачем судебному медику понадобилась теоретическая механика? — искренне удивилась я.

— Вот у него и спросите сами, вы же почти коллеги! — весело ответил он. — Я вас познакомлю. О, вот, кстати, одна из моих девочек — архитектор Мелани.

Через полтора часа, дружески распрощавшись с Клацровисом, я догнала неторопливо бредущих по центральной аллее молодых людей и спросила:

— Ну, что скажете? Какие-то полезные наблюдения есть?

— Есть, — ответила Валери. — И, честно говоря, нам они совсем не понравились.

— Тогда я предлагаю сесть вон там, в кафе, и за чашкой кофе вы мне все и расскажете.

Кофе, пирожное, закатные лучи на листьях липы над столиком маленького кафе, плеск Сены где-то совсем рядом... Романтическая обстановка, а двое влюбленных со строгими лицами рассказывают мне о том, что они успели подслушать из разговоров вокруг за полтора часа официальной церемонии.

— У нас за спиной сидели две подружки Софии Монфор, — сказала Валери. — Одна из той же группы, вторая с детства с ней водится. Так вот, где-то с месяц назад, незадолго до защиты диплома, София вдруг стала, как эта подруга выразилась, «сбоить». Начала опаздывать, забывать что-то сделать или делать плохо. Вплоть до того, что интервью у режиссера музыкального театра, которое должно было прилагаться к диплому в качестве практической части, она не смогла взять.

— Как это?

— Он отказался его давать. Сказал, что не желает тратить время и силы на общение с непрофессионалами.

— Сдается мне, что с такими подружками и врагов никаких не надо, — мрачно прокомментировал этот рассказ Анри.

— Интересно... Значит, месяц назад у нее случились какие-то серьезные неприятности. О чем это нам говорит?

— О том, что загадочный недоброжелатель и здесь мог отметиться?

— Вот именно. А мог и не отметиться! — Я допила кофе и подозвала официанта, чтобы расплатиться. — А может быть, господин Монфор вдруг взял и проиграл в карты ее приданое, отчего девушка и расстроилась. Что еще говорили заклятые подружки?

— Из существенного — слегка перемыли ей косточки из-за того, что София отказала трем претендентам на ее руку, хотя никого на примете у нее нет. Или она это тщательно скрывает.

— Если это две лучшие подружки, то они должны были бы знать... Хорошо! — Я встала, оставив на столе три дуката. — Попробую выяснить, что происходило в благородном семействе Монфор месяц назад, вдруг да что-то куда-то просочилось?

— Госпожа профессор, а как быть со второй девушкой, с Мелани? — спросил Анри.

— А о ней мне много рассказал ее преподаватель по теоретической механике, и я уже знаю, что Мелани де Буалье остается в списке.

Ну в самом деле, почему бы нет? Милейший Клацровис, наблюдательный и хитрый, как все гномы, догадался, что меня интересует информация именно об этой его ученице, и, не задавая вопросов, самым лучшим образом ее охарактеризовал. Умница, с характером, знает себе цену и умеет работать; что она хороша собой, я увидела, ну а есть ли у девушки какое-то серьезное увлечение, мы узнаем. До скачек еще есть время.

Конечно, ничего о каких-либо неприятностях в семействе де Буалье гном не знал, но, задавая ему более или менее наводящие вопросы, я поняла, что Мелани в последние два месяца вела себя ровно и нервничала только, вполне естественно, перед защитой.

— Да, совсем забыла! — остановила я молодых людей, уже со мной попрощавшихся. — Через четыре дня будет бал в Опере, там мы с вами посмотрим на последних двух претендентов. Так что готовьтесь!

И, выпустив эту парфянскую стрелу, я удалилась.

Ну что же, к балу мне готовиться не надо. Я вполне могу надеть старое платье — надо только сказать горничной, чтобы его почистили и отгладили, — и провести время среди пожилых сплетниц. Они вообще очень полезны в расследованиях, а уж если направлять поток слухов в нужную сторону, так цены им нет! А раз подготовка на повестке дня не стоит, можно заняться тем, что я всегда не очень-то любила. А именно — аналитикой.

Достав из сейфа, я разложила на моем письменном столе десять папок с досье на возможных невест и список с моими пометками. Пока что никаких значков не стояло лишь возле последних двух имен — Камиллы де ла Виньо и Луизы Эжени Орелье. Ну, естественно, я их пока не видела и даже досье не читала, чтобы не отвлекаться от начала списка.

Итак...

Мари-Адельфина л'Этан Сарсена, дочь барона. Вычеркиваем. Хорошая девушка, но дядюшка-дезертир никак не годится в родственники королю.

Франсуаза Скавуа де Рикар, дочь покойного графа де Рикара. Сирена. Не уверена, что это подходящий талант для королевы, с другой стороны, ментально воздействовать на его величество невозможно, от этого он защищен. Оставляем.

Маддалена де Куртене. Некромантка плюс в анамнезе очень сомнительная мамаша. Вычеркиваем.

Лилиана Ролон. Художница, дочь Адальберта Ролона и правнучка очень активной Старой Мадам. Вот не уверена я, что у девушки нет никакой сердечной привязанности, это надо еще будет проверить.

Симона, дочь графа ла Мезьера. Целительница. Оставляем.

Адалаис, дочь шевалье Жильбера д'Альбона. Обладательница редкого дара «вуали спокойствия». Тетку мы вроде нейтрализовали, мамашу укротили, отец вменяемый. Оставляем.

Мелани, дочь барона Кристофа де Буалье. Архитектор, слабый маг земли. Пока небольшой знак вопроса, надо изучить материалы по семье, мало ли что?

София-Шарлотта, дочь виконта де Монфора. Журналистка. Большой знак вопроса.

Камилла де Виньо, дочь герцога де Немура.

Луиза Эжени, дочь барона Орелье.

Так, минуточку! Я вернулась к предпоследнему имени: дочь герцога де Немура. Двоюродного племянника короля. Сильного мага. Еще раз — племянник короля.

Предположим, Камилла становится королевой. Если после рождения ребенка Луи XI умрет... Ну, вообще-то, у него есть не один наследник, у него трое сыновей. Но ведь всякое бывает — эпидемия, несвежая рыба на ужин, стрела в спину или бешеный волк на охоте... Да, Луи сильный маг, и его сыновья, когда их резерв полностью разовьется, будут не слабее. Но я-то хорошо знаю, что любого мага можно ударить со спины кирпичом по голове, и ни один щит в этом случае не поможет.

И известно это не только мне.

Король умирает, принц Леопольд и его братья выводятся из игры, тогда коронуют этого гипотетического ребенка, и Камилла станет регентшей. А ее отец получит в руки всю полноту власти в стране.

Домыслы, скажут мне.

Домыслы? Возможно. Но лучше заранее убедиться, что не сиятельный герцог старался вывести из числа возможных невест как можно больше девушек, а просто звезды так сошлись. Только если это действительно так, я... готова съесть собственный ботинок!

Мне вспомнился хороший знакомый, генеральный инспектор казначейства Бритвальда Джек Вальдрун.

«Деньги всегда оставляют следы, — говорил Джек. — Даже если счет заведен на липовое имя и по фальшивым документам, а средства туда поступают через пять промежуточных пунктов — все равно. Любые деньги оставляют следы. Просто нужно уметь их искать».

Значит, будем искать. А поскольку я этого не умею, во всяком случае, так хорошо, как умеет Джек, надо попросить его о помощи. И я достала коммуникатор.

Вальдрун был на месте, и мы договорились встретиться вечером в ресторане «Олений рог», хорошо нам обоим знакомом. Я взглянула на часы: почти полдень. Есть еще время, чтобы наведаться в одно интересное местечко и кое с кем переговорить...

Улица Кота-рыболова, что на левом берегу Сены, совсем коротенькая, метров тридцать, и такой ширины, что не всякому удастся раскинуть руки, не коснувшись пальцами стен. На этой самой улице располагается вход в таверну «Старый гоблин». Таверне этой уже очень-очень много лет, больше, чем я живу на свете. И все эти годы ее хозяйку зовут Мари Шарро. Мари — обычная женщина лет сорока-сорока пяти, с густыми каштановыми волосами и светло-голубыми глазами. Она неразговорчива, на собеседника обычно не смотрит, но уж если взглянет — тут самый последний пьяница поешится от ледяного холода этих блеклых глаз, поспешит оплатить свою выпивку, да и уберется подальше.

Я села за столик и помахала рукой Мари. Та закончила разговор с одним из официантов и подошла ко мне.

— Добрый день, госпожа Шарро. — Я улыбнулась.

— И вам доброго дня! — Она переставила на столике солонку и перечницу и поправила салфетки. — Розе есть хорошее, привезли тут на пробу от нового поставщика. А вы что-то совсем нас забыли, носу не кажете...

— Дела, дела! Но вот первый свободный день, и я у вас. Розе — это хорошо, давайте графинчик да присядьте со мной, поговорим.

Хозяйка принесла запотевший графин розового вина и сыр к нему, поставила пару чистых бокалов, села напротив меня и разлила вино. Я пригубила и одобрительно кивнула:

— Действительно отличное!

Мы немного поболтали о том о сем и согласились, что вина становятся хуже, чем еще сто лет назад, сыр более пресным, а звон колоколов соседнего собора Сан-Северен менее звонким. Наконец Мари отставила свой бокал и сказала прямо:

— Вы, госпожа Редфилд, ведь спросить что-то хотели?

— Хотела, Мари, хотела... Больно уж трудно вопрос сформулировать, но попробую. Есть у меня предположение, что примерно месяца два назад некто высоко стоящий искал людей для выполнения грязной работы в провинции.

— Работа по мокрому?

— Разная. Убийство было, но я не уверена, что его предусматривал план основного заказчика. Пять или шесть мест в разных частях Галлии, там поджог, там девицу скомпрометировать, еще что-то. Я представления не имею, как он формулировал свои пожелания, но уверена, что исполнители были... сторонние.

— То есть не из слуг и не из охраны этого самого заказчика, — кивнула ничуть не удивленная вопросом госпожа Шарро. — И, скорее всего, выходил заказчик на посредника, а тот уже подбирал работников. Что ж, если такое было, узнаю. Дня через два загляните.

— Спасибо, непременно.

В глубокой задумчивости я брела по набережной Сены, пиная невесть откуда вывернувшийся камушек. Может, заглянуть еще к стражникам? Нет, без информации от госпожи Шарро это бессмысленно. Стража — народ конкретный, им нужно задавать точные вопросы, а желательно уже и предполагая ответы. А у меня пока одни лишь туманные рассуждения. Кстати! Я даже остановилась, поскольку пришедшая мне в голову мысль должна была появиться куда раньше. А что, интересно, поделывает мой напарник по королевскому поручению бесподобный Грунгах? Не пора ли и ему включиться в процесс? Быстро добыв из кармана коммуникатор, я ткнула пальцем в кнопки. Экран пронзительно засветился синим, потом на нем появилась знакомая физиономия орка.

— Ты очень занят? — спросила я без лишних реверансов.

— Если ненадолго, то говори.

— Дай пароль на сегодня, я портал открою. На десять минут.

Пароль для открытия портала внутрь дворцовой территории он сообщил, и через мгновение я уже стояла на подъездной дорожке у малого подъезда королевского дворца. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и на пороге показалась массивная фигура.

— Ко мне пойдем или тут поговорим? — спросил Грунгах.

— Погода хорошая, давай по парку пройдемся. Да и не хотелось бы мне, чтобы кто-то услышал. — Я вздохнула, собираясь с мыслями. — Ты досье девиц изучал?

— Ну, если честно, до конца не дошел, просмотрел первые четыре, потом меня отвлекли, — без тени смущения признался он.

— Предпоследняя в списке Камилла де Виньо...

— Ну?

— Знаешь, чья она дочь?

— Нет, конечно, я же говорю...

— Де Немура.

Грунгах остановился и затейливо выругался. Потом сказал:

— Ну, погоди, король же ей как бы двоюродный дядя!

— Двоюродный дедушка, родство достаточно дальнее для того, чтобы брак был возможен, — покачала я головой. — И мне кажется, что его светлость предпринял кое-какие шаги, чтобы наш список максимально сократился.

— Рассказывай.

Коротко я изложила историю наших путешествий, после чего заключила:

— Вот спинным мозгом чую, что неприятности в благородных семействах исходят из одного источника. Ну, кроме дядюшки-дезертира, тут уж они сами постарались.

— Готов держать пари, что об этом несложно было узнать, если копнуть чуть глубже. — Тут коммуникатор Грунгаха тихонько звякнул, и он с досадой сказал: — Вот тьма, мне надо идти. Давай вечером...

— Не могу. Вечером я встречаюсь с человеком, который сможет покопаться в финансах. Погляди, что ты сможешь узнать со своей стороны, а завтра встретимся.

— В час дня! — И орк исчез за вовсе уж неприметной дверью, о существовании которой я даже не знала.

Стационарный портал в мой собственный дом в Люнденвике я установила давным-давно, лет двести назад, и все эти годы он прекрасно работал. Нужно только не забывать раз в год подзаряжать два базовых кристалла. Обычно я это делаю на Самайн, так что времени еще много.

Пройдя сквозь порталную арку, я быстро окинула взглядом холл, убедилась, что дворецкий и слуги в доме не сидят без дела и, если захочется, сегодня смогу здесь переночевать, и отправилась в ресторан.

За то время, что я не была в «Оленьем роге», он нисколько не изменился. Высокий темнокожий красавец-метрдотель встретил меня улыбкой и проводил к столику в дальнем углу. Очень удобно — сидишь спиной к стене, видишь всех, кто входит в зал, а тебя за какой-то пышной зеленью практически и не разглядеть.

Не то чтобы я опасалась чего-то, но предпочитаю, чтобы никто не ходил за спиной.

— Госпожа Редфилд, прошу вас, меню. — Метрдотель с легким поклоном подал толстую книгу в темно-красном кожаном переплете.

— Да бог с ним, расскажите, Джонатан, что сегодня есть особенно удачного?

— Все удачно, — улыбнулся он. — Но, пожалуй, особо рекомендую голубя с карамелизованной грушей в медовом маринаде.

— Мм... Звучит неплохо. Давайте, пожалуй, полдюжины устриц и голубя. И бутылку белого вина... Да хоть бы и Sancerre. Сейчас должен подойти Вальдрун...

— Я уже здесь! — Как ни старалась я видеть входящих, а на разговор с метрдотелем отвлеклась и не заметила, как вошел Джек. — Рад видеть! Джонатан, привет. Мне то же самое, что и Лавинии.

Кивнув, метрдотель отошел, а мы с графом Вальдруном взглянули друг на друга и рассмеялись.

— Снова в бой? — спросил он.

— Да я как бы из него и не выхожу. Давай поедим, а потом за кофе я расскажу о своей проблеме.

Устрицы были свежайшими, голубь в тонкой поджаристой корочке с ароматным, чуть сладковатым маринадом и в самом деле оказался выше всяких похвал. Вино, как и положено «Сансеру», слегка отдавало красной смородиной, персиком и вишней. Словом, жизнь заиграла новыми красками, когда мы поняли, что десерт придется есть в следующий раз.

— Итак?.. — Вальдрун отпил глоток кофе и удовлетворенно кивнул.

— Думаю, мне не нужно говорить, что это все абсолютный секрет и проходит под грифом

«сжечь перед прочтением»?

— Это излишне, — кивнул он и приготовился слушать.

Вкратце я рассказала Джеку всю историю: поручение от Луи XI поглядеть на возможных невест по списку, наши приключения в галльских провинциях, загадочные происшествия, могущие серьезно скомпрометировать девушек...

— Я считаю, что кто-то из высокопоставленных лиц хочет провести свою кандидатуру, — закончила я. — Но с этим я представляю себе, как бороться. Хуже другое...

— Что же?

— Погляди на список.

Джек развернул свиток и скользнул по нему взглядом. Потом вернулся к началу, перечитал и поднял на меня потемневший взгляд.

— Дочь Немура?

— Именно. Это меня и беспокоит.

— Понимаю. И ты хочешь, чтобы я поискал финансовые следы?

— Ты когда-то говорил, что любое движение оставляет за собой отпечаток. В этой истории должны быть глубокие следы. Конечно, если наш умник нанимал каких-то люмпенов хотя бы для того же пожара, то платил он им наверняка наличными.

— Наличные тоже не от сырости заводятся, — возразил Вальдрун. — Они оставляют в финансовой системе свой отзвук, и его ни с чем не спутаешь, если знать, как слушать.

Он и в самом деле походил сейчас на музыканта — скрипача или пианиста с взлохмаченными волосами и горящим взглядом. Была бы я лет на триста моложе, влюбилась бы!

— Второй список, — протянула я еще один свиток. — Члены Государственного совета, принимавшие решение о необходимости нового королевского брака. Вполне возможно, что герцог де Немур ни при чем, а это шалости советников. Сколько тебе нужно времени?

— Дня два. Сделал бы быстрее, но ты ж понимаешь, Галлия все же другое государство.

Я усмехнулась.

— Знаешь, в казначействе его величества Луи нет ни одного специалиста, которому я бы доверяла хоть вполовину так же, как тебе. Значит, послезавтра вечером здесь же?

— Да.

На улице предсказуемо моросил дождь; что делать, вот такая погода в бритвальдской столице — почти норма для июня. Зато тумана нет. Пожалуй, отправлюсь я ночевать в Лютецию. Что бы ни говорили мне о благотворном воздействии влажного воздуха на кожу лица, я больше забочусь о сухих ногах.

Уже дома, перед сном сидя у камина с последним стаканчиком аквавиты, я перебирала в памяти сделанное и строила планы.

Два дня. Вот этакое магическое у меня на сей раз число. Два дня попросила госпожа Шарро, столько же понадобится Вальдруну. С Грунгахом я встречаюсь только в час дня, чем же мне занять завтрашнее утро? Пожалуй, схожу-ка я к Либери и почитаю законы о наследовании в доме Теодорингов. Что скажет нам Lex Salica, вдруг я ошибаюсь, и унаследовать трон можно не только по крови, но и по браку?

Понятное дело, хранитель библиотеки Магической академии не подвел. Я изложила ему вопрос, он хмыкнул, бросил на меня нечитаемый взгляд и повел в воздухе рукой в белой

перчатке. На столе передо мной появилась книга настолько большого формата, что под ней, кажется, столешница прогнулась.

— Э-э-э... Уважаемый Либер, боюсь, внутри этого кирпича и я найду свою смерть... Нет ли чего-нибудь покороче, выжимок? Страниц хотя бы на триста?

Хмыкнув, хранитель эффектно щелкнул пальцами, и поверх устрашающего фолианта упала совсем небольшая брошюрка с заглавием «К вопросу об особенностях применения Салической правды в вопросах наследования внутри парантел».

— Думаю, вы разберетесь! — Честное слово, я увидела на его губах коварную усмешку.

Все оказалось не так страшно, как можно было бы ожидать, хотя брошюра и была перенасыщена специальными терминами, а полный текст всех шестидесяти трех законодательных актов вызывал нервную чесотку и тик левого глаза. Очень удачно в библиотеку зашел знакомый мне аспирант с юридического факультета Дени Лавуа, которого я поймала и привлекла к изучению вопроса. Бедняга посопровтивлялся, но недолго...

В конечном итоге я вынесла из этих законов следующее: возраст королевского совершеннолетия наступает в четырнадцать лет. Право престолонаследия закреплено за старшими сыновьями или другими агнатами мужского пола. Слово «агнаты» потребовало разъяснений, которые развеселившийся уже совершенно Лавуа и выдал:

— Агнаты, — сказал он важно, подняв палец к потолку, — это лица, соединенные воедино под покровом родительской власти или считающиеся членами одного и того же союза, если б общий родоначальник находился еще в живых. К агнатам принадлежат не только отец семейства и дети, рожденные им в законном браке, но и дети сыновей этой семьи, жена отца семейства, невестка его, равно посторонние лица, принятые в семейство через усыновление. По древнему римскому праву, на агнатстве основывались все права, вытекавшие из семейного союза, и в частности — право наследства. В том случае, когда сын или дочь из известной семьи переходили в чужой дом, первый по усыновлению, а вторая через замужество, они лишались покровительства прежнего главы семейства и всяких прав на участие в наследстве.

— То есть, — вычленила я главное, — отец королевы ни в каком случае не становится монархом?

Лавуа посмотрел на меня с интересом.

— А почему, собственно, вас это заинтересовало?

— Была мысль ввести решение логических задач в курс составления формул боевой магии, хотела базировать их на юридических формулировках. Но, как мне теперь кажется, для этого нужно иметь особый склад ума. Вот, кстати... — Я посмотрела на аспиранта почти с гастрономическим интересом, он поежился и слегка отодвинулся. — Вот, кстати, а может быть, вы, дорогой Дени, их и составите?

— Но... А как... У меня диссертация!

— Ну-ну, всего десяток задач, впереди почти три месяца до начала занятий, а я вам рецензию на диссертацию напишу. У вас же тема «Юридические аспекты применения магических техник и технологий для воздействия на разумных, не обладающих даром»?

— Д-да...

— Вот и славно! А уж с моей рецензией поспорить никто не рискнет!

Дени Лавуа обещал подумать и удрал. Зря, между прочим, я правду сказала: если что, я его научного руководителя с кашей съем и даже запивать не стану.

Ну да боги с ним, пусть бежит. Информацию я получила, вопросы мои он теперь вспоминать не будет, а будет прятаться, чтобы не составлять задачи.

Грунгах сбросил мне сегодняшний код для открытия портала, и в час дня я ждала его на том же месте, где мы встретились вчера. Орк появился минут через десять, когда я уже начала размышлять, не пора ли начинать поиски, и был чем-то сильно озабочен.

— Что случилось?

— Форарльберг пропал.

— То есть как? Давно?

— Вчера вечером.

Сказать, что я была поражена, — ничего не сказать. Личный секретарь сопровождал короля всегда и везде, ну, может, только у дверей спальни отставал.

— И что известно?

— Вчера его величество встречался с ключевыми министрами, Фор вел протокол совещания. Потом на ужин к королю пришла дама, и, естественно, секретарь отправился к себе. Я заглянул к нему часов в одиннадцать вечера, хотел уточнить расписание на сегодня, но его в покоях не было.

— Он размещается в королевском крыле, как и раньше?

— Да, спальня напротив пустующих покоев королевы.

— Ну мало ли, может, у него тоже свидание? Живой человек...

— Так и я подумал, — кивнул Грунгах. — Но какое бы у Форарльберга ни было свидание, завтракает он всегда с его величеством. А сегодня не пришел.

— Что-то удалось выяснить?

— Да. Охрана сообщила, что он ушел из дворца через малый подъезд в тридцать пять минут одиннадцатого. А за полчаса до этого с ним связывались по коммуникатору. Я получил распечатку его разговоров, — пояснил орк.

— И кто это был?

— Получается, что это был я...

От неожиданности я споткнулась.

— Ты хочешь сказать, что кто-то научился перехватывать звонки с коммуникатора?

— Или получил дублирующий кристалл, что тоже теоретически невозможно.

— Но ты же не звонил? — Мой вопрос прозвучал по-детски, но я хотела, чтобы Грунгах на него ответил.

Тот лишь усмехнулся.

— По счастью, с девяти вечера и до того момента, когда я пошел к Фору, я ужинал с моими ребятами в казарме. Так что у меня есть по меньшей мере три десятка свидетелей того, что я господину личному секретарю не звонил.

— Вот тьма! Если он отправился куда-нибудь в район Старого рынка, мы можем и через сто лет косточки не найти... А я как раз хотела расспросить его о том, кто составлял исходник для списка.

— Ты хотела, а я спросил! — довольно усмехнулся орк, сверкнув длинными клыками. — Старшая статс-дама передала ему список из двадцати шести кандидатур, который он сократил до полученных нами десяти. Сказал, что вычеркнул тех, кому больше двадцати пяти, слабых магов, нескольких девиц, не получивших высшего образования, и тех, кто особо известен неразумными высказываниями или... э-э-э... скандальными выходками.

— Что, и такие были? — изумилась я. — А куда ж у нас маркиза Готар-Мелье смотрела?

— Слушай... — Грунгах поморщился. — Ты знаешь, сколько ей лет? Она и при жизни королевы в основном выполняла декоративные функции, а уж сейчас и подавно. Помоему, память она потеряла еще при предыдущем правителе.

— Думаешь, расспрашивать старшую статс-даму бессмысленно?

— Абсолютно. Я уже попробовал.

— Таким образом, история упирается в госсовет, — протянула я. — А к его членам на кривой козе так просто не подъедешь. Ладно, подождем финансовых уточнений.

— Кое-что я могу тебе сказать, — понизив голос, сообщил орк. — Из двадцати членов Совета внучки-правнучки-племянницы и прочие родственницы нужного возраста и кондиции есть у восьми. Вот на них я бы и сосредоточился.

— Может быть, дело затеяно не ради родственницы, а, например, для соседа — за хорошую плату, — возразила я. — Но это-то мы узнаем... Ладно, будут новости — сигнал. Я попробую поискать Форарльберга по своим каналам, но, сам понимаешь, предсказывать результаты не возьмусь.

— Понимаю...

Почему мне в голову пришел Старый рынок, даже и не знаю. Хотя, поразмыслив, я поняла, что это напрашивалось само. Еще при правлении Луи X, отца нынешнего короля, Лютеция постепенно стала одной из самых безопасных столиц в Союзе королевств. В центре находился королевский дворец, окруженный огромным парком, большая часть которого была доступна для горожан. Кольцом вокруг дворца располагался Белый город с особняками знати, зданиями министерств и разных организаций. Оставшаяся часть Лютеции делилась на пять районов: Зеленый — торговый, с лавками, магазинами и жившими при них купцами; Красный, где квартировали офицеры и находились казармы для солдат; Синий — с мастерскими, резиденциями гильдий и домами рабочих; Фиолетовый на левом берегу Сены, здесь были университет и коллеж Сорбонны, жили студенты и преподаватели. И мой дом тоже был в этой части города. Последним районом был Желтый, и вот он-то и создавал проблемы.

Когда-то, еще при правлении последнего короля из династии Каролингов Хильдерика III, на этом месте было «Кладбище невинных» — большой овраг, куда сваливали тела казненных по соседству — на Гревской площади. После смерти Хильдерика сменивший его Гримоальд Старый повелел очистить Лютецию. Площадь была переименована в Бобур («красивый город» на галльском), а овраг засыпали, построив на этом месте храм Милостивой Ниалы и крытый рынок с тремя подземными этажами. Какое-то время он носил имя Бобур, но после реконструкции в каждом из районов была отведена площадь для торговли, и рынок стали называть Старым.

Честно говоря, я не рискнула побывать на самом нижнем этаже, где располагаются склады, помещения для разделки туш, ледники для рыбы и прочее. Даже сейчас, когда галльская столица могла похвастаться самым низким уровнем преступности в Союзе королевств, одна я бы туда не сунулась.

Так что если исчезновение Форарльберга имеет криминальные корни, то раскапывать нужно именно здесь.

Нагружать госпожу Шарро вторым поручением было неуместно, да и не уверена я, что в районе Старого рынка Мари столь же могущественна, сколь на левом берегу. А кто же у меня есть в Желтом районе? Похоже, что никого... Может, у стражников спросить? Ох, как неохота!

Придя домой, я раскрыла на столе в кабинете объемную карту Лютеции и выделила интересующий меня район, максимально его приблизив. Долго рассматривала улицы, здания, вывески, пытаюсь найти что-нибудь, к чему можно было бы привязаться. Глаза устали, и я уже собралась бросить это дело и идти на поклон к главе городской стражи, когда взгляд мой за что-то зацепился. Неяркая вывеска, витрина с мутноватым стеклом,

а за ним две вазы из майолики, какие-то книги, бронзовые фигурки... Вывеска расплывалась, я прошептала заклинание «Poisa Neitha» (очистить лишнее) и наконец смогла прочесть: «Лавка времени. Антиквариат».

— Вот как! — Я радостно потерла руки. — «Лавка времени», мой дорогой Жан-Пьер Бонне! Надеюсь, ты меня помнишь и проявишь огромное желание мне помочь!

Ну что же, план на завтрашний день нарисовался, и проведу я его весьма активно: к полудню — в Желтый район, к пяти — в таверну «Старый гоблин», к восьми — в Люнденвик на встречу с Джеком.

ГЛАВА 9

Утро я начала с того, что открыла в компьютере папку со старыми записями и нашла дело, познакомившее меня с Жан-Пьером Бонне, хозяином «Лавки времени». Вернее, хозяином-то числился его брат Люсьен, но тот делил свое время между диваном и игорным залом, и в «Лавке» за все время существования был, кажется, дважды.

Тридцать лет назад Жан-Пьер был совсем молод, двадцати пяти ему еще не было, помоему. Магических способностей ему не досталось, но был дар, довольно интересный, — он умел датировать предметы, прикасаясь к ним. Только лишь датировка, без истории, имени изготовителя и прочих важных подробностей. Но ведь и это уже немало! И молодой человек стал пробиваться в среду торговцев антиквариатом и редкостями.

Как раз в этот момент мне в руки попало дело о контрабанде артефактов эльфийского изготовления.

Чем, вообще говоря, отличается амулет от артефакта? В принципе, и то и другое — предмет, изготовленный руками разумных путем соединения различных материалов и закачивания в него магической энергии. Но артефакт работает годами и десятилетиями без дополнительного вмешательства мага, чаще всего их создают с возможностью самоподзарядки. Амулеты же обычно одноразовые или с коротким сроком действия. Ну, например, музыкальные кристаллы работают до двадцати четырех часов чистого времени, после чего их нужно подзарядить.

Так вот, приятели Жан-Пьера занимались незаконной перепродажей древних эльфийских артефактов, были взяты с поличным и отправлены кто на рудники, кто в магические мастерские на зарядку амулетов. Двое главарей, довольно сильные маги, заняли причитающиеся им одиночки в специальной тюрьме, где стены камер отделялись тонким слоем орихалка. Если кто не знает, орихалк — это камень, полностью перекрывающий магическое поле.

Жан-Пьер под большую раздачу не попал. Просто не успел ввязаться во что-то серьезное, поэтому остался на развалинах контрабандной империи, держа в руках связи и знакомства и научившись использовать свой дар.

В сети я нашла о нем два упоминания. Всего два! Это при том, что о какой-нибудь Камилле Штакеншнейдер, не примечательной ничем, кроме выдающейся глупости и очень больших денег, пишут по два-три материала в день. И это обстоятельство подтверждало мою мысль: Бонне подгрел под себя обломки и построил из них свою... Ну, может, и не империю, но княжество.

Зато в одной из статей я нашла портрет интересующего меня почтенного антиквара. Ладно, не портрет, карандашный набросок, но талантливо исполненный. С рисунка смотрел на меня красавец с седыми висками, прекрасно одетый, с легкой благожелательной улыбкой вззирающий на мир, лежащий у его ног. Вот, значит, как ты выглядишь теперь?

Ну что же, тем интереснее будет поговорить с Жан-Пьером Бонне, управляющим антикварным магазином «Лавка времени».

Колокольчик звякнул, дверь мягко захлопнулась за моей спиной, и глазам предстал удивительный мир антиквариата. Чиньские вазы соседствовали здесь с живописными полотнами, часы, дважды в сутки показывающие точное время, — с бронзовыми статуэтками, а изогнутые сабли и длинные хищные стилеты — с фигурками из нефрита или яшмы. Рядом с обитым потертым бархатом креслом можно было увидеть высокий и узкий шкаф, где за запыленными стеклами мягко мерцали фарфоровые чашки и серебряные сахарницы, темнели оловянные кубки и красные сургучные печати на свитках.

Впрочем, если хорошенько присмотреться, можно было понять, что истинных сокровищ здесь, в торговом зале, никто не держит: все ценное хранится в дальней комнате и допускают туда далеко не всякого.

Молоденькая блондинка в узких брюках и блузке с глубоким вырезом бросила на меня взгляд поверх лысины покупателя, склонившегося над альбомом открыток, и бегло улыбнулась. Видимо, она коснулась амулета вызова, потому что не прошло и минуты, как из неприметной двери в глубине зала выплыла вальяжная мужская фигура в старомодном сюртуке. Нет, не Жан-Пьер, но лицо явно знакомое. Я сосредоточилась на приметах: лет на вид около шестидесяти, выше среднего роста, фигура равномерно полная, голова большая, склоняет к левому плечу. Череп грушевидный, волосы темные, с проседью, коротко стриженные, высокие залысины. Лицо трапецевидное, с хорошими такими брылями, сущий бульдог... Кожа лица желтоватая, с красными прожилками на скулах и крыльях носа. Глаза узкие, цвет неразличим, наружные уголки приподняты. Нос маленький... ну то есть вообще почти незаметный. Рот горизонтальный, губы узкие и бледные, будто их и вовсе нет. Уши... Тут субъект повернулся так, что я увидела его правое ухо и чуть не засмеялась вслух. Вот теперь можно обойтись без составления словесного портрета — ухо, по форме напоминающее кочан цветной капусты, могло принадлежать лишь одному персонажу. Гийом Труакар по прозвищу Кочанчик когда-то был довольно умелым взломщиком сейфов, даже и магические замки открывал благодаря небольшому таланту в магии воздуха. Но однажды залез не в тот дом и был проклят духом, охранявшим хозяина. С тех пор у Кочанчика так тряслись руки, что даже замок собственной квартиры он открывал с трудом. Интересно, с чего бы это Бонне взял к себе работать вечного неудачника?

— Господин Труакар! — позвала я громко, а когда он повернулся, ища окликнувшего, добавила совсем тихо, сопроводив слова заклинанием направленного звука: — Кочанчик!

Бывший взломщик подпрыгнул на месте (я не шучу, именно подпрыгнул) и увидел меня; взгляд его метнулся по магазину в поисках выхода, но подходы к двери были неплохо блокированы мебелью, прилавком, лысым покупателем и мною. Труакар вздохнул и подошел поближе.

— Госпожа Редфилд! — сказал он с тихой укоризной. — Ну зачем же вы так-то, во всеуслышание! Вон Мари, девушка невинная, только боги знают, что подумает.

— Не волнуйся, Кочанчик, твоя репутация останется белоснежной, особенно если ты сейчас проводишь меня к своему хозяину и испаришься.

— К хозяину? А... его нет!

— Не ври! Лгать вообще грешно, а лгать следователю магбезопасности еще и вредно. Веди, даю слово, что у меня к господину Бонне всего лишь деловое предложение!

Жан-Пьер сидел за письменным столом и трудолюбиво что-то подсчитывал, внося результаты в компьютер. Он поднял глаза на вошедшего Кочанчика и спросил:

— Ну, что там такое?

Но тут я отодвинула отставного медвежатника и шагнула вперед. По шороху за спиной поняла, что провожатый и в самом деле испарился, и вежливо поздоровалась:

— Доброго вам дня, господин Бонне! Как дела, как здоровье?

— Госпожа Редфилд, вот нечаянная радость! Прошу вас, присаживайтесь! Кофе? Или, помнится, вы любили аквавиту с островов, не желаете?

— Спасибо, господин Бонне. Кофе будет достаточно.

Антиквар не стал вызывать кого-нибудь и требовать подать кофе. Он прищелкнул пальцами, и на его столе загорелась спиртовка под устройством, в котором я опознала небольшую, на пару чашек, кофеварку эспрессо. Спиртовка горела под нижней емкостью, а верхняя была закреплена в качелях так, чтобы при наклоне кофеварки жидкость из носика полилась в чашку.

— Отличная вещь! — оценила я. — Когда работаешь, самое то, чтобы не отвлекаться.

— Желаете такую же? — Взгляд его стал острым. — Кажется, был где-то еще

экземплярчик.

— Благодарю вас, я подумаю. — Я попробовала кофе. — Превосходный сорт, это «Марагоджип»?

— О нет, это «Эль Сальвадор Халатенанго»! Чувствуете цветочный аромат и привкус миндаля и какао?

Откровенно говоря, ничего этого я не чувствовала, а слова «привкус миндаля» вообще наводили на мысль о цианиде. Но кофе был совсем неплох, и ответить пришлось неопределенным мычанием. Наконец я отставила чашку и сказала:

— Итак, господин Бонне, вы даже не задаете мне вопроса, зачем я здесь?

Мой визави пожал плечами.

— Мы с вами давно знакомы, госпожа Редфилд. Признаюсь, я всегда старался работать так, чтобы моя деятельность не вызывала у вас вопросов, поэтому уверен, что вы пришли по важному делу. Для вас важному, — подчеркнул он. — Со своей стороны я готов помочь вам, чем смогу...

«Если это не затронет деловых интересов», — дополнила я мысленно. Впрочем, ничего другого от Бонне и не ожидала.

— Хорошо. — Я кивнула. — Думаю, мы друг друга понимаем. Итак, позавчера вечером между девятью и одиннадцатью часами один важный для меня господин вышел из своей спальни и исчез где-то в Лютеции. Я предполагаю, что это могло произойти скорее в Желтом районе, чем где-то еще. У меня к вам просьба: узнайте по своим каналам, не было ли о чем-то таком слышно.

Протянув собеседнику магокопию портрета разыскиваемого, я откинулась на спинку кресла.

Тихо хмыкнув, тот взял портрет и всмотрелся. Судя по тому, как сузились его глаза и дернулись губы, королевского секретаря Жан-Пьер узнал. Впрочем, никакого секрета в его существовании не было, время от времени на газетных и журнальных иллюстрациях он стоял за спиной его величества. Да и внешность у Форарльберга была примечательная: очень высокий, очень худой, с лицом узким, словно лезвие секиры, длинным носом и бледно-голубыми, будто выцветшими глазами.

— Имя пропавшего и место, откуда он ушел, вы мне, конечно, сообщить не можете? Ну да, я так и думал. На данный момент, как вы понимаете, никакой информации у меня нет. Но я узнаю. Как вам сообщить, если что-то будет?

— Магопочтой сможете? Вот и прекрасно. И... — Я помедлила, но решила все же договорить: — И работодатель этого человека о нем волнуется. — Господин Бонне лишь прикрыл глаза, и я продолжила: — Второй вопрос совсем пустяковый. Возможно, пару месяцев назад кто-то искал исполнителей для грязной работы в провинции, в пяти или шести разных местах по всей Галлии. Если исполнители найдутся живыми, мне бы хотелось их расспросить о личности заказчика.

Попрощавшись, я вышла. В торговом зале лысого покупателя сменила парочка — веселая блондинка с немолодым представительным мужчиной, и продавщица вместе с Кочанчиком что-то им оживленно предлагали. Жизнь продолжалась.

К списку встреч я решила добавить своего непосредственного начальника и открыла портал в офис Службы магбезопасности.

— Шеф вернулся? — спросила у дежурного при входе, молодцеватого сержанта.

— Так точно, госпожа командер, — козырнул он. — У себя.

Взлетев по лестнице на верхний этаж, я кивнула секретарше и без стука вошла в кабинет. Равашал с деловым видом что-то разглядывал через ювелирную лупу. Когда я

вошла, он сдвинул окуляр на лоб и спросил:

— Хочешь взглянуть, что мы нашли в багаже у твоего усохшего покойника?

— У Кальста, что ли? Ну и что же?

— А вот посмотри! — Он выудил из ящика стола второй окуляр и протянул мне.

Я затянула ремешок и сдвинула линзу на глаз. Склонившись к предмету, который изучал Равашаль, я поняла, что это пластина из желтого металла, на которую нанесены черные полоски. Или точки? Подкрутив лупу, увидела, что точки — это крохотные руны, причем данный рунический алфавит я видела впервые, о чем и сообщила.

— Руны Беагнота, как мне сказали высоколобые старцы из твоей академии, — ответил он. — Они обещали сегодня к вечеру прочитать текст.

— Ладно. — Я содрала со лба лупу. — А отчего ты так запал на эту штучку?

— А ты не хочешь посмотреть на нее магически?

Включив особое зрение, я взглянула на пластину и присвистнула: густым облаком над ней висела чернота. Тьма. Совершенная в своем роде Тьма, не приемлющая ни луча света даже для того, чтобы подтвердить свое существование.

— Проклятие? А не многовато на одного мелкого жулика? И амулет, выкачивающий всю энергию, и такая темная штучка?

— Вот и я думаю: не много ли? — непонятно ответил Равашаль. — Будет текст, попробуем понять, кто же положил этот подарочек Кальсту под подушку.

В «Старом гоблине» было тихо. Пять вечера — обедать уже поздно, для вечернего разгула рано, в это время сюда идут, только ежели душа горит и нужно срочно залить пожар. Ну или, как я, по делу.

Госпожа Шарро кивнула, показывая, что меня она видит, и продолжила беседу с неприметным мужчиной в плаще. Одному Симарглу известно, был это поставщик зелени, виноторговец или наемный убийца. Ее дело. Вообще говоря, судя по тому, как я забыла его лицо, едва отвернувшись, скорее последнее. Все же виноторговцы предпочитают, чтобы их помнили.

Наконец некто в плаще коротко поклонился и ушел. Мари отдала какое-то распоряжение бармену и подошла ко мне.

— Добрый день, госпожа Редфилд.

— Добрый, госпожа Шарро.

— Вина? Сегодня привезли бочонок белого с луарских виноградников Бертье, еще даже не открывали. Трехлетнее. Попробуете?

Вот тьма, лотерея, конечно... С другой стороны, Бертье — это один из моих любимейших регионов, я же не прошу себе, если не выпью бокальчик.

— Попробую, — твердо сказала я. — Составите мне компанию?

Бочонок — небольшой, всего пятидесятилитровый, так называемый баррик, — водрузили на один из столов, и Мари решительно вогнала штопор в пробку. На ее место поставили краник, и первый бокал с поклоном поднесли мне. Я понюхала вино, слегка взболтала бокал и понюхала снова, потом осторожно пригубила.

— Отлично! — сказала, кивнул хозяйке. — Тона малины и персика и для загадочности легкие сливочные нотки. Просто отлично, бутылка из лучшего погреба вполне могла бы оказаться не так хороша.

Госпожа Шарро слегка улыбнулась, налила бокал для себя и легким жестом отослала

официантов.

— Будьте здоровы! — Она отсалютовала мне бокалом. — Ну что же, госпожа Редфилд, узнала я кое-что. Был такой заказ в начале мая. К Братцу Тедди обратился посредник и попросил троих-четверых ребят покрепче и без особых мозгов для работы на пару месяцев. Работа оговаривалась несложная, преимущественно надо было напакостить то тут, то там, вроде как дохлую мышь в суп кинуть. Тедди нашел четверых, представил, получил свою долю и... все. Ребят он больше не видел, ну так, может, и работа не закончена?

— А повидать его можно?

— Не станет он с вами разговаривать, — покачала головой госпожа Шарро. — Но я про посредника у него спросила, толком-то Братец ничего не сказал, но потом все же поделился: плащ на том типе распахнулся, а под плащом был не свитер или там сюртук, был там придворный камзол с вензелем на лацкане.

— А цвет какой? И что за вензель? — жадно спросила я.

— Не сказал он про вензель, не запомнил. А цвет... темно-красный камзол с серыми обшлагами и лацканами.

— Вот как... — Я задумалась. — А вензель какого размера был? И золотой или из белого металла?

— Вроде как золотой. — Госпожа Шарро задумалась. — А вот насчет размера ничего Тедди не сказал. Только он в сумерках слеп как крот, ежели разглядел, что это вензель, а не брошка в виде цветка, значит, как минимум с пол-ладони та закорючка была.

Похоже, не камзол это был, а ливрея. Вензель с пол-ладони размером — это один из старших слуг, камер-лакей или помощник дворецкого. Темно-красный и серебро — это дом Шенно, который вроде бы среди участников нашей гонки замечен не был, там в последние сто лет рождаются только мальчики. Красный и серый — де Немур. Вроде бы все сходится, но среди Немуров дураков раньше не наблюдалось. Отправить к криминальному посреднику своего слугу в ливрее, еле прикрыв ее плащом, это надо быть клиническим идиотом. Сдери с лакея ливрею, засунь его в джинсы и футболку, и никто никогда не отличит его от тысяч других молодых бездельников, так зачем афишировать цвета своего дома и монограмму?

Значит, что? Значит, Немура подставляют? Или это хитрый противоход?

И могу ли я так уж безоглядно верить Мари Шарро?

Вот Джеку я доверяю. Безоговорочно.

Вообще, может возникнуть вопрос: с какой стати высокопоставленный чиновник бритвальдского казначейства помогает в расследовании преступлений, возможно совершенных в другом государстве? Пару лет назад нас познакомил поиск одной темной магички, совершившей немало такого, за что лет шестьсот назад ее сожгли бы на костре. Тогда в процессе расследования именно Вальдрун вытащил на свет финансовые секреты нашей фигурантки, что в конечном итоге и помогло ее остановить.

Но это совсем другая история.

Сейчас же я не понимаю вообще, было ли совершено какое-то преступление? Или меня обманывает чутье и все происшествия — просто совпадение?

Посмотрим. Я не верю в совпадения, но ведь они иногда случаются...

На сей раз я решила воспользоваться стационарным порталом. Отчего-то после двух встреч с представителями не самой законопослушной части населения чувствовала себя словно выжатый лимон. Портал вывел меня на Королевскую площадь ровно напротив

здания городской стражи. Отсюда до ресторана было рукой подать, и я пошла пешком, с удовольствием разглядывая особняки за фигурными решетками, цветущие клумбы перед ними, витрины магазинов и неприметные двери клубов. «Олений рог» был полон, но метрдотель жестом фокусника отдернул бархатную портьеру, и за ней обнаружился столик, стоящий в глубине ниши. Почти отдельный кабинет, отлично!

— Закажете сразу, госпожа Редфилд, или подождете графа Вальдруна? Он просил передать, что чуть задержится, минут на пятнадцать.

— Тогда, пожалуй, подожду. Пока дайте мне рюмку граппы для возбуждения аппетита... Кстати, Джонатан, в прошлый раз я не спросила — как тот призрак, которого у вас сделали начальником охраны, еще здесь?

— О да! Хотите с ним повидаться?

— Ну, может быть, после ужина я зайду на второй этаж, чтобы его поприветствовать.

Вальдрус и в самом деле опоздал не больше чем на четверть часа. Придя, он выложил на свободный стул довольно толстую канцелярскую папку, и я усмехнулась: ага, значит, материалы все же есть! Значит, дело не в совпадениях.

На сей раз я попросила рыбу — камбалу в соусе миньер, тут же вспомнив гнома-художника Гарланкера и его незыблемые правила, и на закуску паштет в мандариновом желе. Розовое вино из Провенса напомнило о семействе д'Альбон, и я невольно поморщилась. Ну почему я должна за хорошим ужином в приятной компании вспоминать отвратительных теток? Вот глупое свойство памяти не давать покоя, пока дело не закрыто...

Когда нам принесли кофе, Джек положил на стол папку и начал:

— Итак, я изучил финансовое положение по обоим вашим спискам. Начнем, наверное, с невест? Сразу могу сказать, что вопросы у меня вызвали только два счета: семьи Скавуа де Рикар и семьи Ролон.

— Скавуа де Рикар понятно, там и в самом деле не самые лучшие денежные обстоятельства...

— Они как раз выправляются. Причем исключительно законными путями, все прозрачно как слеза.

— Ладно, а что с Ролонами?

— А тут интересно... На поверхности два счета, один был заведен еще двести лет назад тогдашним главой семьи. На него поступают доходы от имения, от трех рыболовных шхун, от завода, где делают сидр и перегоняют кальвадос, от продажи картин Лилианы Ролон — словом, от всех семейных предприятий. С этого счета платят налоги и все такое, с него оплачивают покупки, услуги магов-медиков...

— Понятно, — кивнула я. — А второй?

— Второй — накопительный, был открыт графом де Касси, вторым мужем Клодии, на ее имя. Она может тратить с этого счета только проценты, не касаясь основных денег.

— Тоже все законно, — сказала я. Джек утвердительно кивнул. — Тогда чем же тебя заинтересовало это семейство?

— Ты понимаешь, когда я просматривал второй счет, будто... колокольчик брякнул. Не могу описать это ощущение, но я почувствовал некую неправильность. И стал копать. Обнаружил, что из этих денег как минимум трижды брали большие суммы и потом возвращали. И делалось это без разрешения самой старухи, тайком.

— Лилиана?

— Скорее всего. Потому что, заинтересовавшись, я стал рыть дальше и обнаружил

несколько номерных счетов, открытых на Аллигаторовых островах, и, как выяснилось, связанных с ней. Не буду тебе рассказывать, как я получил информацию, потому что это было насквозь незаконно, но в общей сложности девушка накопила почти полмиллиона дукатов. Еще один интересный момент — в одну из этих копилочек деньги поступали очень интересным образом: равными порциями через равные промежутки времени. Но из разных источников, всего их было пять, все личные счета... в общем, вот список.

Просмотрев короткий перечень имен, я без всякого удивления обнаружила в четвертом пункте мэтра Конрада Кальста. Платежи от него по две тысячи дукатов ежемесячно поступали, начиная с декабря 2183 года, и закончились в начале января 2186, полгода назад. Кажется, Старая Мадам говорила, что именно полгода назад мэтру понадобились деньги на помещение для галереи. Интересно, не планировала ли Лилиана Ролон стать совладелицей этого предприятия?

— Получается, наша прелестная девица шантажировала пятерых сограждан, и денежки от этого шантажа припрятывала не в чулок, а отправляла на Аллигаторовы острова?

— Получается так. Не знаю, почему вот этот перестал платить...

— Насколько я понимаю, они запланировали, так сказать, совместное предприятие, обозначив его как художественную галерею, но что-то пошло не так. Что же, теперь я смогу порадовать Равашала информацией о том, что у него на руках заказное убийство. Хорошо, значит, по этому списку все остальное не вызывает вопросов?

— Никаких. — Джек помотал головой.

— А Немур?

— Его финансы я проверял особо тщательно и особо осторожно. Ты же понимаешь, если бы меня схватили за руку на незаконном проникновении в счета родственника короля союзного государства...

— Мало бы тебе не показалось, — согласилась я. — Служебным несоответствием ты бы не обошелся.

— Вот именно! Поэтому я был очень осторожен и очень въедлив. И не обнаружил ничего, вообще ни одной медной монеты, которую бы получили или потратили незаконно. Доходы немалые, но исключительно легальные; расходы тоже большие, но все обосновано железно.

— Жаль, — вздохнула я. — Такая была крепкая версия! А что у нас по второму списку?

— Второй список несколько интереснее. — Джек ухмыльнулся. — Знаешь ли ты, у скольких членов Государственного совета королевства Галлия, так сказать, рыльце в пушку?

— У пяти или шести?

— Ошибаешься! У двенадцати! И пятеро из них — в твоём перечне счастливых дедушек, дядюшек и так далее. Но проверял я на всякий случай всех. Вот смотри...

Через час с гудящей головой я, нагруженная вальдруновскими документами, выходила из портала на Королевской площади в Лютеции. Завтра с утра на свежую голову просмотрую все заново. Все же день прошел не зря: количество разумных, на которых нужно обратить особое внимание, сократилось до пяти, герцог де Немур опустил в самый конец списка, да и убийство Кальста приобрело смысл, а заодно и заказчицу.

А завтра вечером — бал, где можно будет в первый раз примерить на безупречных членов Государственного совета костюм жулика.

Об идее встретиться с замечательным охранником из «Оленьего рога», самым настоящим призраком, в тот момент я совсем забыла. А зря.

Возможно, все, что произошло на следующий день, стоило бы мне куда меньших потерь.

ГЛАВА 10

Прислонившись лопатками к стене, я невольно вздрогнула. Стена была мокрой и холодной, а еще на ней росла какая-то скользкая плесень. Пакость, в общем. Увы, я не могла ни согреться, ни высушить свою одежду, ни зажечь трубку, ни разнести к Темному эти стены с дверью заодно. Мои запястья украшали орихалковые браслеты, горло сжимал такой же ошейник, а значит, магические потоки были перекрыты полностью.

Пришла я в себя уже с час назад, но пока мои похитители никаким образом не дали о себе знать, и если они не сделают это в ближайшее время, то я тут и останусь. Загнусь если не от магического истощения, то от простуды.

Вздохнув, я переменяла позу. Суше не стало, зато я вспомнила любимую некогда книгу, где героиня выбирается из подземелья, прокопав вязальным крючком подземный ход. Вот беда, крючка-то у меня с собой и нет...

Я пошарила по карманам, достала трубку и стала набивать ее табаком. Очень философское занятие, кстати, хорошо прочищает мысли. Табак, правда, у меня в этом кисете своеобразный, подарок от эрхэма Магхара, шамана одного из орочьих племен, часто его курить не будешь — слишком жесткий. А так понюхать хорошо...

Тут рука моя дернулась, так что даже часть табака просыпалась на колени.

Орки.

Что ж я дурака-то валяю? Да, обычная магия мне недоступна, но орихалк не перекрывает ни вудуистскую, ни орочью. Значит, надо сесть, сосредоточиться, вспомнить все то, чему я научилась в Стени и в Нувель Орлеане и, наконец, выйти отсюда, пока меня не свалил с ног насморк!

А так хорошо день начинался!.. Часов в десять утра, когда я уже проснулась и валялась только для удовольствия, в раскрытое окно влетел магвестник. Бонне сообщал, что у него есть информация по обоим вопросам и предлагал встретиться в обеденное время в ресторанчике рядом с его магазином. Я прикинула время — вроде все должна успеть, мне ж на балу никого не надо поражать красотой? — и ответила согласием. Второй магвестник от меня ушел к Равашалю, я проинформировала его, что получила агентурные сведения по делу об убийстве Кальста и загляну часов в двенадцать. «Ну-ну!» — гласил ответ, и я поняла, что мне будут рады.

После плотного завтрака выглянула в окно, улыбнулась солнечному лучу на распустившейся розе, натянула тонкие хлопковые брюки и рубашку, еще раз просмотрела бумаги, полученные от Вальдруна, и скопировала то, что должно быть полезно магбезопасности. Сообщила дворецкому, что рассчитываю вернуться часа в четыре, и отправилась в путь — пешком, конечно, в такую чудную погоду тратить магический резерв, чтобы открыть портал, просто глупо.

Наверное, не меньше часа мы с Равашалем разбирали финансовые документы, прослеживая течение неправедных доходов Лилианы Ролон. Наконец он распрямился над рабочим столом и задумчиво постучал пальцем по верхнему листу.

— Интересно, какая между ними пробежала кошка?

— Это-то ты узнаешь, — пожала я плечами. — Мне интересно другое: медик, который поставил старухе неправильный диагноз, был на дотации у Лилианы или у Кальста?

— Иначе говоря, кто желал убить старушку? Да, это вопрос важный. Собственно, за медиком и за Лилианой уже поехали, так что еще пара дней — и дело будет закрыто. Если что, ты же примешь участие в допросе?

— Конечно.

С улицы Бон Анфан, что в Белом городе, я отправилась на улицу Тюрбиго в «Лавку времени». Пока шла через парк, думала, как странно — всего-то парк и два совсем маленьких квартала, а районы абсолютно разные, как небо и земля. Важные, прямые, чистые и широкие улицы Белого города, его особняки, каждый непременно с садом, сияющие витрины роскошных магазинов — и старинные переулочки Желтого района с небольшими домиками, плотно сросшимися боковыми стенами и подслеповатыми окошками небольших лавок.

Господин Бонне обедал в ресторане «Эскарго». Когда я сообщила, кто меня ждет, хозяин, он же метрдотель и официант, с поклоном проводил меня к столику в глубине зала. Бонне доедал последнюю улитку из дюжины, запивая розовым.

— Могу я предложить вам составить мне компанию, госпожа Редфилд? — Он вежливо приподнялся.

Я упала на стул напротив. Настроение отчего-то вдруг стремительно испортилось.

— Спасибо, нет. Впрочем... если у вас есть бульон, принесите мне чашку.

— С гренками, мадам?

— Непременно с чесночными! И, пожалуй, рюмку шерри. Если у вас есть шерри, конечно...

— Да, мадам. Минуту.

Ну, минута или две, но очень скоро горячий бульон дымился передо мной в широкой чашке с двумя ручками, гренки пахли чесноком и сливочным маслом, и я поняла, что попросту проголодалась.

— Знаете, Бонне, — поделилась я философским открытием, — очень часто мы ищем важные причины происходящему, а на самом деле все просто, как апельсин!

— Согласен, госпожа Редфилд, — отодвинув тарелку из-под антрекота, согласился антиквар. — Я принес вам информацию, как я сообщал, по обоим вашим вопросам.

— Интересно! Итак?..

— Господина, портрет которого вы мне показывали вчера, действительно видели здесь неподалеку. Судя по тому, как он озирался, место явно было ему незнакомо. Поскольку выглядел он как чужак, при этом чужак денежный, за ним проследили на всякий случай.

— И тот, кто следил, заметил, куда же вошел Фор... э-э-э... пропавший?

Собеседник деликатно не заметил моей оговорки.

— Да, госпожа Редфилд. Сейчас я выпью кофе, и мы с вами сходим туда. Вы сами посмотрите.

— Хорошо... А второй вопрос?

— Здесь так: где-то в середине апреля... ну, точные даты никто не помнит, но это определено было за пару недель до Бельтайна. Так вот, к одному моему знакомому обратились с просьбой подобрать нескольких решительных парней, не обремененных излишними принципами, для короткой работы в провинции.

— Надо полагать, знакомый ваш держит агентство по подбору персонала? — не удержалась я.

— Госпожа Редфилд! — укоризненно протянул Бонне и продолжил: — Мой друг, его зовут Жак, попытался уточнить, в чем будет состоять работа. Ну, вы же понимаете, одно дело подрядиться дом строить, совсем другое — его сломать.

— Действительно. И что же?

— Заказчик... ну, во-первых, это был не заказчик, а его доверенное лицо, Жак готов

поклясться, что разговаривал с дворецким из хорошего богатого дома. Так вот, этот самый дворецкий о работе рассказывать особо не стал, просто упомянул, что нужно будет поехать по стране и в нескольких указанных местах совершить... э-э-э... легкое вредительство. Обязательно в определенные сроки, которые он сообщит позднее.

— И на чем же они не сошлись?

— А они сошлись! — Бонне полюбовался на мое изумленное лицо и добавил: — В субботу мальчики должны появиться в... иу, словом, на месте.

— В субботу... Что же, отлично. Передайте господину Жаку, что я хотела бы поговорить со старшим этой бригады и отдельно с каждым из... мальчиков. Пятьдесят дукатов за старшего, по двадцать за рядовых исполнителей и мое слово, что им ничего не грозит.

— Ваше слово дорогого стоит, госпожа Редфилд, — Жан-Пьер продолжал смотреть на меня в упор, словно чего-то ждал.

— Лично вам я буду должна одну услугу, — кивнула я. — Исключительно в рамках закона.

— Разумеется, — спокойно согласился он. — Иначе я и не работаю!

Дом, к которому привел меня Бонне, и отличался от всех вокруг, и был похож. Похож старыми камнями стен, печальными окнами, облупившейся краской рам и двери, отличался же тем, что здание окружал небольшой, но все же сад, а ведущая в него новенькая калитка в чугунной решетке вокруг сада была крепко заперта.

— Кто здесь живет? — спросила я, подергав калитку.

— Неизвестно. Владелицей уже лет пять записана Жаклина Фурнье, вдова бакалейщика, только такой тут никто не знает и ни разу не видывал.

— Но дом ведь не заброшен?

— Ни в коем случае! По вечерам виден свет в окнах, дорожка, как видите, расчищена от травы, да и клумбы...

В самом деле, на клумбах виднелись какие-то яркие цветы, вполне ухоженные.

— И мой разыскиваемый входил в этот дом?

— Да. Он позвонил в колокольчик, дверь приоткрылась, и после короткой беседы вашего знакомого впустили.

— Жан-Пьер! — Я строго посмотрела на антиквара. — Колокольчика-то никакого нет!

Он развел руками.

— Его и до визита Фор... вашего друга здесь не было. Хозяин — барин, сам повесил, сам и снял.

— Ла-адно...

Пошевелив пальцами, я пустила поисковый импульс, чтобы определить, есть ли в доме кто-то живой. Ни одного огонька не загорелось, лишь где-то на границе сети шевельнулась тень. Даже, я бы сказала, тень тени.

— Скажите мне, дорогой Бонне, а есть ли в управе Желтого района поэтажный план этого здания?

— Не имею понятия, — развел он руками. — А что именно вас интересует?

— Подвал тут имеется?

— А как же! До той самой бакалейщицы дом принадлежал виноторговцу господину

Димитриосу, родом из эллинов, и подвал у него был для вина приспособлен, как положено, то есть температура, влажность и все такое. А потом сам этот эллин получил наследство и уехал к себе на Пелопоннес.

— Понятно, а участок, значит, продал...

Пустой дом с несуществующей владелицей, глубокими подвалами и колокольчиком, который то есть, то нет, прелесть какая! Как хорошо было бы изучить его вдумчиво и неторопливо... Увы, без ордера нельзя, это не в электронные счета влезть втихаря, тут кругом народ. Под каким бы соусом добыть ордер?

Глубоко задумавшись, я попрощалась с господином Бонне и пошла через парк по направлению к Белому городу. Народу на аллеях почти не было, в обеденное время они всегда пустеют, только справа, на узенькой дорожке, копошилась какая-то женщина с детской коляской. Увидев меня, она замахала руками и сдавленным шепотом попросила о помощи. Я шагнула в ее сторону, и сильный удар погрузил меня в беспамятство...

Интересно, меня затащили в тот самый, интересующий меня дом? А как же регулировка влажности в его подвалах, отключена за неуплату? М-да, приключение... Спасибо милостивой Ниале, под самым потолком есть отверстие, через которое проникает дневной свет, и хоть что-то видно вокруг. Магический фонарик-то я зажечь не в состоянии. Кстати, получается, что прошло не так много времени с момента, когда меня оглушили, — все еще светло!

Ладно, проникнуть в пространственный карман я тоже не могу, значит, надо посмотреть, что у меня есть в наличии.

Правый карман ветровки — трубка и кисет. Левый — кошелек исчез, понятное дело, носовой платок, перочинный ножик. Странно, ножик не забрали, впрочем, с ним только на мышей нападать. Правый карман брюк — коммуникатор. Разбит вдребезги, вот мерзавцы, совсем ведь новый. Левый карман брюк — визитница. Нагрудный карман рубашки — маленькая отвертка, интересно, откуда бы? У кого-то утащила.

Хорошо. Теперь пойдем по тайникам.

Воротник куртки — гибкая пилка. Манжеты куртки — по четыре сюрикена в каждом. Плюс есть еще два утяжеленных в каблуках башмаков, тоже надо достать. Потайной карман в куртке — четыре микрофлакона с сильнейшими зельями: яд, снотворное, заживляющее, взрывчатое. Пояс брюк — отмычка. Правда, настраивается она магически, ну так учил-то меня работать с ней вовсе и не колдун, а обычный гoblin без капли магии. Манжеты рубашки — о, ценная вещь, четыре спички и чиркалка к ним. Вроде бы все.

Я посмотрела на жалкую кучку предметов перед собой и поклялась, что, когда выберусь отсюда, втрое увеличу запасы.

Ладно, теперь подумаем о магии.

Орочья магия, как и вуду, базируется преимущественно на общении с духами, только шаманы орков вызывают духов стихотворными формулами, жертвоприношениями и жестами, а мамбо — при помощи пения молитв, выстукивания ритма и дыма травы. В жертву принести мне особо нечего, да и не знаю я, какое из заклинаний подойдет. Обратимся к вуду. Дым я создам, кто скажет, что табак не трава? Вот эти два камня отлично послужат в качестве барабана и палочек, ну а спую я сама, и можете не аплодировать.

Не дыша, я чиркнула спичкой (четверть имеющегося богатства!) и подожгла табак. Хорошенько раскурила трубку, положила ее перед собой и взяла в руки камешек поменьше...

Не знаю, что именно было решающим фактором, дым и молитвы или мое отчаяние, но постепенно в одном из темных углов мрак сгустился еще больше и вылепился в человеческую фигуру. Дух двинулся вперед, черты лица его становились все более различимы, и я, поняв вдруг, что вижу знакомое лицо, воскликнула:

— Форарльберг! Что вы здесь делаете?

Дух... или правильнее было бы назвать его призраком? Словом, туманный силуэт с каждым мгновением становился все четче, будто выныривал из небытия. Темные провалы его глаз повернулись ко мне, и я почувствовала, что меня пронизала дрожь. Встряхнувшись, я заговорила самым деловым тоном:

— Интересно, я ведь вызывала лоа, а появились вы. Что бы это значило? Вы вообще говорить можете?

— Говорить? — повторил дух. — Говорить могу... Лавиния, это правда вы? Как?..

— Честно говоря, искала вас. Хотя надеялась найти в более материальном виде. Простите, Гюнтер, дурацкая шутка.

— Зато очень бодрит! — Призрачные губы усмехнулись. — Судя по украшениям на ваших руках и шее, сюда вы попали тоже не по своей воле?

— Это точно. И очень хотела бы выбраться до того, как гостеприимные хозяева начнут проверять на мне пределы выносливости организма мага.

— Понимаю вас...

— Фор, вы можете проверить, кто есть в доме? И вообще разведать дорогу...

— Попробую. Я еще не очень хорошо владею этим подобием тела.

С этими словами бывший секретарь его величества просочился сквозь стену. Я тем временем докурила трубку, сложила свое оружие так, чтобы его легко можно было достать, и подошла к двери в камеру. Толстое дерево, с годами приобретшее твердость железа, металлическая оковка, замочная скважина размером с воробьиное яйцо. М-да, боюсь, моя отмычка в ней просто утонет, как чайная ложка в полковом котле. Примерившись, я сумела просунуть гибкую пилку в узенькую щелку между косяком и дверным полотном и попыталась потянуть за нее...

Дух появился в моей камере в тот момент, когда пилка выскользнула из моих мокрых пальцев. Я от души выругалась, вытерла потные руки о грязную рубашку и нагнулась, нащупывая беглянку. Мой призрачный компаньон по заключению подплыл поближе и каким-то непостижимым для меня образом засветился не хуже магического фонарика.

— Ого! — сказала я с удивлением. — Я буду брать вас с собой на поиски сокровищ, Гюнтер. Чуть левее, пожалуйста... Ага, вот она!

— Вряд ли вам это удастся. — Свечение почти погасло, так что можно было смело сказать, что мой собеседник помрачнел. — Я же привязан к телу, а вы вряд ли захотите таскать с собой... это.

— Это мы решим, — ответила я рассеянно, примеряясь, как бы завершить распил. — Это то ерунда, было бы к чему вас перепривязать... Только имейте в виду, наши высоколобые ученые будут висеть на вас гроздьями, чтобы изучить аспекты длительного раздельного существования души и тела. Ага!..

Пилка сделала свое дело, и дверь теперь можно было открыть. Интересно, будут ли петли издавать зловещий скрип?

— Вас не слишком опасаются там, наверху, — сообщил призрак, наблюдая за моими сборами. — Охранников всего двое, вина пошла уже четвертая бутылка, так что в данный момент один из них спит, а второй вот-вот свалится.

— Отлично! Куда выводит эта дверь?

— В коридор. За ним лестница, потом еще одна дверь, тоже на засове, она уже выводит в кладовку и дальше на кухню. Охранники на кухне и сидят.

— Та-ак... А скажите мне, Гюнтер, что вы можете сделать с живым телом? Как-то я никогда не интересовалась этим вопросом.

— Да знаете, раньше и у меня не было необходимости это выяснять. — Синеватые губы изогнулись в горькой усмешке.

— Если захотите, я смогу вас отпустить, когда выйду отсюда, — сказала я очень серьезно.

— Я подумаю, — так же серьезно ответил он. — Так что вы предлагаете?

— Понятно, что на материальные предметы вы непосредственно воздействовать не можете. А на живого разумного? Ну, кроме как напугать?

— Мм... Не представляю.

— Давайте экспериментировать.

В качестве подопытного кролика пришлось выступать мне. Не стану врать, что это было приятно, но зато многое прояснилось. Форарльберг в своей нынешней ипостаси мог сильно охладить или нагреть конечности, на все тело его не хватало; мог вызвать сильную головную боль, воспроизводя звуки внутри черепа противника, особенно сильно действовал колокольный звон; мог непонятным мне образом резко снизить или повысить кровяное давление в организме живого, и это уже можно было считать оружием.

— Хорошо. — Я села на какой-то разбитый ящик и вытянула ноги. — Сейчас я немного отдохну и приду в себя, йотом будем пробиваться наружу. Гюнтер, простите, а какой Темный вообще понес вас в Желтый район?

Призрак смущенно фыркнул:

— Да понимаете, в общем-то, я сюда попал из-за собственной глупости.

— То есть?

— Его величество отпустил меня вечером, я поужинал и решил пройтись перед сном. Шел, задумавшись, забрел в парк, и вдруг мне показалось, что я увидел знакомого. Причем такого, который никак не мог оказаться вечером один в городском парке. Я пошел за ним, окликнул, свернул следом в переулок... Ну а дальше уже вот оказался в таком состоянии и увидел вас.

— Интересно... И как имя этого знакомого?

— Простите, Лавиния, я не могу вам это сказать, — очень твердо произнес Форарльберг. — Надеюсь, у меня будет возможность удостовериться, прав ли я, вот тогда...

— Ладно, это пока не самое главное. А скажите мне, Гюнтер, где ваше тело?

— В соседнем помещении. Когда-то там был ледник.

— И как далеко вы можете от него отойти?

Проверив это обстоятельство, мы поняли, что дальности хватит только до той самой кухни, дальше ему не уйти. Я осмотрела кучку лежащих передо мной предметов и с сожалением покачала головой.

— Ничто из этого не подходит, чтобы перепривязать вас. Предмет должен быть долговечным и ценным, а с меня содрали даже простенькое серебряное кольцо.

— Боялись, что это амулет?

— Наверное. Ладно, надеюсь, наверху что-то да найдется. Пока меня смущает вторая дверь, боюсь, пилка уже сточилась полностью, а второй у меня нет.

— А что есть?

— Есть взрывчатка, но это же и мертвого разбудит. Разве что... если резко понизить им давление, могут пропустить, уйдя в обморок. Сможете воздействовать сразу на обоих?

— Попробую.

Собственно говоря, а что и мне оставалось? Только пробовать.

Осторожно потянув дверь, я открыла ее — не заскрипело, спасибо богам. Оглянулась в камеру — вроде бы ничего не забыла — и вышла в коридорчик. Здесь окон не было, единственным источником света был призрак, и я порадовалась, что сообразила заранее достать флакончик с взрывчатым веществом. Дюжина ступенек вверх, и я уперлась в дверь, родную сестру той, которую только что закрыла за собой.

— Значит, говорите, засов... — пробормотала, ощупывая дверную коробку. — Фор, где примерно, покажете? Ага, спасибо...

Я воткнула сюрикен в дверь над местом, куда упирался призрачный палец, и привязала к нему шнурок, сплетенный из нескольких выдернутых из рубашки ниток. Потом аккуратно обвязала этим шнурком горлышко флакона и, не дыша, открыла пробку. Еще одна веревочка была назначена на роль фитиля, я подожгла его второй из оставшихся у меня спичек, и теперь могла только молиться Локи, чтобы он не погасил огонек.

Из подвала мне показалось, что взрыв прозвучал не так и громко, но, когда я выскочила в коридорчик, на верхней ступеньке лестницы стоял здоровенный мужик, видимо, один из охранников. Я потянула из кармана утяжеленный сюрикен, но в этот момент гора мышц с грохотом обрушилась вниз по ступенькам. Когда я подошла, он уже не дышал.

— Шею сломал? А второй спит, — сообщил появившийся в дверном проеме призрак.

Да, оставшийся в живых охранник и в самом деле дрых беспробудно, завалившись на подобие лежанки. Я обшарила его карманы, но ключей от наручников или ошейника не нашла. Да и странно было бы, если они оказались бы так близко... Зато в кармане нашлось мое кольцо и кошелек, которые я тут же и извлекла.

— Гюнтер, без магии я не смогу вас перепривязать к чему бы то ни было, — сообщила я призраку то, о чем он и сам догадывался. — Но без вашего на то желания никто ведь вас не увидит? Вот и хорошо. Тогда я сейчас постараюсь как можно быстрее добраться до помощи. А вы быстро решайте, привязать вас к какому-то предмету, принадлежащему королю или мне?

Призрак заколыхался так, что я подумала, будто он дрожит от холода, но нет, это был смех.

— Вопрос в том, что хуже, — сказал он наконец. — Пожалуй, пусть это будет вещь, принадлежащая его величеству. Как-то я к нему привык...

Не знаю уж, помогла ли в самом деле молитва Локи или просто исчерпался котелок с неприятностями на сегодня, но из проклятого особняка я выбралась без приключений и до границы Белого города добежала в момент. Куртка прикрывала браслеты, с вешалки у выхода я прихватила что-то вроде шейного платка, но все равно выглядела очень странно. Настолько, что прекрасно знающий меня дежурный офицер у дверей Службы магбезопасности впустить внутрь просто отказался, вызвал Равашаля.

С каменным лицом мой начальник кивнул, разрешая вход, провел меня по коридорам до своего кабинета и только там упал в кресло и расхохотался.

— Прости, Лавиния, но уж кого-кого, а тебя в таком виде я никак не ожидал!

— Лучше найди какую-нибудь Темным проклятую отмычку, — огрызнулась я, разматывая тряпку на шее. — И дай мне коммуникатор, надо связаться с Грунгахом. Все очень серьезно.

Через пятнадцать минут отмычка была найдена, через полчаса я вернулась в кабинет главы Службы, успевшая принять душ и переодеться и при этом злая как шершень. Увидев меня, Равашаль и орк переглянулись, и шеф мягко спросил:

— Тебе вина или аквавиты?

— Мне топор. И желательнее тупой! — буркнула я в ответ. — Вино буду пить, когда дело закончим. Значит, так: пяток дуболомов из Серебряной бригады отправь по адресу улица Рамбюто, дом три. Вязать всех, кого найдут, засечь в доме и ждать, кто еще появится. Грунгах, ты принес?..

В ответ орк протянул мне золотой, явно мужской перстень с крупным черным опалом.

— Его величество лично выбрал, — пояснил он.

— Хорошо. Теперь дайте мне кто-нибудь коммуникатор и найдите номер Анри де Буа-Траси!

Потихоньку злость моя остывала, и к тому моменту, когда безмолвный Равашаль дал мне аппарат, на экране которого маячила обеспокоенная физиономия Анри, мне уже не хотелось убивать всех подряд. Можно было перейти на выборочную чистку.

— Траси, слушай внимательно и не задавай лишних вопросов. На бал вы идете вдвоем с Валери. Там внимательно смотреть на всех появившихся фигуранток... тьфу, невест! Плюс особое внимание обратить на пятерых членов Государственного совета: де Вилье, Луанне, Трейстон, де Нарваль, де ла Жантий. Отмечать контакты и вообще — поглядеть повнимательнее. Понятно?

— Да, госпожа профессор.

— Отлично. Завтра утром в одиннадцать быть у меня.

— Да, госпожа профессор! А можно хотя бы в двенадцать?

— Тьма с тобой. Можно! — И я отключилась.

— Интересно, — меланхолически поинтересовался Равашаль, забирая у меня аппарат, — как они вдвоем проследят за десятком, как ты выразилась, фигурантов?

Ответила я набором ругательств, после чего уже спокойно добавила:

— Я нашла Форарльберга.

— Живым?

— Нет. Но если бы не он, я бы и по сию минуту сидела в подвале, словно какая-нибудь шантрапа!

Эти двое обменялись взглядами, и я опять начала заводиться.

— Какого Темного, что за переглядки? Да, мне помог неуспокоенный дух! Да, я его вызвала при помощи вуду, потому что классическую магию мне эти мерзавцы перекрыли орихалком! И сейчас я отправляюсь в тот Тьмой меченный дом, чтобы вытащить из него беднягу Фора и отправить туда, куда он захочет.

— В смысле — на перерождение?

— На перерождение или в королевский дворец, вот куда пожелает, туда и отправлю.

— Я с тобой, — встал Грунгах.

— Я тоже, — ответил Равашаль. — Хочу это видеть! Ты хочешь сказать, что можешь переключить место обитания призрака с тела на что-то другое? Ты это уже делала?

— Могу. Делала. Идем!

Наутро я с трудом продрала глаза в половине двенадцатого, только-только чтобы умыться и одеться до прихода студентов. Позавтракают со мной, заодно и расскажут о результатах наблюдений. Все-таки орихалк не только перекрывает магическое поле, но и подсасывает потихоньку внутренний резерв, иначе с чего бы я уж настолько обессилела? Вчера мы даже не стали допрашивать задержанных, просто развели по камерам и

зафиксировали. Признаюсь, с особым удовольствием я надевала те же самые наручники и ошейник на главного из бандитов, мага земли и воздуха, — вот пусть сам теперь попробует, каково это!

Ровно в полдень прозвучал колокольчик у входной двери, и я отметила про себя, что надо непременно выяснить, куда же девался звонок у дома номер три по улице Рамбюто. Студенты вошли в столовую и остановились у порога.

— Присоединяйтесь, — кивнула я на свободные стулья, кофейник и гору бутербродов. — И докладывайте.

Судя по рассказу, ничего подозрительного молодые люди не углядели. Разумеется, они обратили внимание и на заметный флирт графа А. с баронессой Б., и на явную вражду между С. и Д., но все это было любопытно исключительно с точки зрения светских интриг, а вот для выполнения порученного мне дела ничего не давало.

— Ладно, — с тяжелым вздохом я махнула рукой. — Принято. Встречаемся второго августа перед поездкой в Довиль. Я же ничего не путаю, Траси, у вашего семейства там дом?

— Да, госпожа профессор.

— Значит, о том, где вы будете жить на время скачек, я могу не волноваться... Возможно, я отправлюсь на оставшееся время в Степь, поэтому не забудь, если кто-нибудь сунется в тот заброшенный монастырь Великой Матери рядом с Рикар-Монтраше, колокольчик прозвенит в твоей голове!

— Да, госпожа профессор, я помню.

— Ну и хорошо!

Я хлопнула ладонью по столу, собираясь с ними попрощаться, но в это время прозвучал тоненький голосок Валери:

— Госпожа профессор, а разве мы не будем участвовать в допросе?

Поперхнувшись, я повторила:

— В допросе?

— Да! Вы же вчера арестовали четверых, и еще, говорят, трупы привезли! Обыск проводить вы нас учили, а допрос мы пока только теоретически знаем.

— А практика когда еще будет! — поддержал ее Анри.

Не зная, смеяться или плакать, я покачала головой.

— Ладно! Тьма с вами, идем. И поторопитесь, в четыре мне назначена аудиенция у его величества. Времени на допрос мало. Нет, даже и не думайте, к королю я пойду одна!

Поразмыслив, я решила начать с того самого мага, которому сама лично нацепила орихалковые наручники. Охранники явно мало что знают, этот ими командовал, значит, ему может быть известно, от кого исходили приказы. Посмотрим.

Мужчину привели в допросную, пристегнули цепью к табурету, после чего два дежурных мага встали возле двери. Я сидела в углу, прикрытая заклинанием незаметности, а допрос проводил мой любимец колонель Брихсдорн, невыносимо въедливый гном. Пока шла первая часть допроса — уточнение имени, звания, адреса и прочих биографических подробностей, — я сидела и разглядывала противника. Выглядит лет на сорок, следовательно, все сто пятьдесят, а то и двести. Высокий, темноволосый, с холодными темно-серыми глазами, черты лица вполне аристократические. На кого-то он похож, никак не пойму на кого. То есть похож на заказчика, что приходил к Сомону, этот образ я считала с памяти Кривого. Но и еще на кого-то знакомого, причем очень сильно. Фамилия ничего мне не говорит. Марк-Жозеф Брийо вполне себе такое

среднестатистическое имя. Учился в нашей же академии... Ах вот оно что! Не окончил, ушел с шестого курса. Причины объяснять отказывается. Ничего, это мы выясним... Незаметно я вышла из допросной, отправив Брихсдорну короткое сообщение, чтобы пока тот помотал мага по биографическим подробностям, сама тем временем открыла портал и перешла в приемную ректора академии. На мое счастье, и сам Жорж де Кайонн, и его бессменная секретарша Жанна Мишо были на месте. Конец июня, вполне могли разъехаться по отпускам...

— Жанна, — сказала я, нависая над столом, заваленным папками и бумагами. — Ты мне нужна.

— Слушаю, госпожа Редфилд.

— Попробуй найти в архиве информацию за две тысячи семьдесят четвертый год... и, пожалуй, за шесть предыдущих и три последующих. Да, так... Информацию о студенте по имени Марк-Жозеф Брийо, ушедшем или отчисленном с шестого курса. Если такового не найдешь, то списки отчисленных за эти годы с магоснимками. А я пока поговорю с господином Кайонном.

Ректорский стол был, напротив, совершенно пуст. Сам же Кайонн сидел, откинувшись в кресле, заложив руки за голову и глядя в потолок.

— Ждешь отпуска? — спросила я, садясь напротив без приглашения.

— Жду! — отозвался он сварливо. — Законом не запрещено.

— Ну оторвись на минуту от ожидания. Ты здесь ректором с какого года?

Вот тут он оторвался от созерцания лепнины и посмотрел на меня с проблеском интереса.

— С девяносто пятого.

— Жаль... — вздохнула я. — Ты ж до этого здесь не преподавал?

— Лавиния, давай ты скажешь, что именно тебе нужно, и мы посмотрим на предмет с этой точки зрения, а?

Ну я и рассказала. Бюрократы — а ректору положено быть и бюрократом тоже, иначе не усидит, — обожествляют документооборот, но искать бумажки столетней давности, да еще и отправленные в архив до твоего прихода к власти...

И тем не менее служебную записку декана факультета земли и воздуха об отчислении Брийо Жанна нашла. Как оказалось, профессор Галлени и по сей день преподает, хотя от должности декана отказался, но, поразмыслив, я решила не беспокоить коллегу лишней раз. В записке указывалась причина отчисления, самая что ни на есть банальная: обучение не было оплачено.

Правила академии таковы: все, сдающие экзамены в срок и с положительными оценками, учатся следующий семестр бесплатно. Пересдача обходится в триста дукатов, заваленная сессия означает платный семестр за полторы тысячи. Две неуплаты равны двум заваленным сессиям и отчислению.

У твоей семьи нет денег? Так учись как следует, а не по кабакам гуляй!

Интересующий меня Марк-Жозеф Брийо учился ни шатко ни валко, а, начиная с пятого курса, каждые полгода отправлялся на пересдачу двух-трех экзаменов. Все оплачивалось... Тут я открыла финансовую историю и замерла.

Все деньги перечислялись с личного счета Кристофа Жана Бельтрана, маркиза Луанне.

Сто лет назад, правда, он еще не был маркизом, членом Государственного совета, заместителем министра двора и прадедом очаровательной двадцатитрехлетней Женеьевы.

Как оказалось, пока я разыскивала источник благополучия господина Брийо, великолепный Брихсдорн еще даже не дошел до двадцать седьмого пункта анкеты о семейном положении. Ну а что? Его же просили потянуть время...

Я не стала накидывать на себя незаметность, вошла в допросную и кивнула колонелю. Рыжая борода шевельнулась, пряча улыбку, и гном почтительно уступил мне место.

— Итак, Брийо, я расскажу вам коротенькую сказочку, — сообщила я, усаживаясь.

— Боюсь, в отсутствие адвоката я не могу ее выслушать, — приятно улыбнулся сидящий напротив.

— Так ведь мы вам пока не обвинение предъявляем... Кстати, его никакой адвокат отвести не сможет... Я всего лишь собираюсь рассказать историю. Итак, давным-давно, сто лет назад жил в столице одного королевства студент очень престижного учебного заведения. Только вот беда, учиться ему уже надоело, а до выпуска и свободы оставалось еще о-го-го сколько. И студент загулял, да так, что понадобилось оплачивать пересдачу экзамена. Один раз, потом другой, потом третий... Беда была в том, что денег у него не было вовсе. Вы можете спросить у меня, дорогой мой Марк-Жозеф, как же наш герой ухитрился проучиться аж до шестого курса? В том-то и дело, что денег у него не было, а был покровитель.

— Довольно. — Голос Брийо слегка хрипел, он откашлялся и повторил: — Довольно. Чего вы хотите?

— Кем вам приходится маркиз Луанне?

— Отцом. Официально он меня не признал, но... кому надо, те знают.

— Тогда расскажите мне про дом на улице Рамбюто.

— Я купил его... ну, на чужое имя, вы знаете... лет пятнадцать назад. И старался, чтобы со мной этот дом не связали. Мало ли что, поддержать кого-то в тихом месте, ритуал провести...

— Ритуал, — покивала я. — В центре города. Ага. Блестяще!

— Зря веселитесь, — обиделся Брийо. — Проводили, и не раз. Не все ритуалы дают мощную волну, некоторые можно и не заметить, если не знать, на что обращать внимание. Вот, например...

— Хорошо, — жестом я прервала его. — О ритуалах, тихом месте и прочих аспектах вашей деятельности расскажете колонелю Брихсдорну, моему коллеге. А меня сейчас интересуют два момента: какого Темного ваши люди убили Форарльберга и зачем вам понадобилось похищать меня?

Брийо тихо простонал «идиоты!» и начал рассказывать...

Без пяти четыре я стояла вместе с Грунгахом возле дверей рабочего кабинета короля. Вышел смутно знакомый придворный, коротко поклонившись, сказал:

— Его величество ждет вас.

У Луи XI был усталый вид. Он потер переносицу и спросил:

— Рассказ будет долгим?

— Боюсь, что да, — ответила я.

— Тогда минутку... — Он тронул кристалл связи, и, когда все тот же придворный вошел, сказал ему: — Господин Круазель, в ближайший час меня не беспокоить ни по каким поводам. Даже в случае объявления нам войны.

Он повернулся ко мне, и я начала с вопроса:

— Сначала о невестах или о Форарльберге?

— Второе.

— Хорошо.

Я достала из кармана перстень с опалом, прошептала формулу заклинания, и в воздухе перед королевским письменным столом соткалась фигура секретаря, сначала полупрозрачная, но с каждым мгновением обретающая краски и некую реалистичность. Его величество пробормотал несколько слов, и я с радостью убедилась, что орочьи ругательства ему хорошо знакомы.

Призрак молчал, и король перевел взгляд на меня.

— Это фокус?

— Нет. Гюнтер, не испытывайте терпение его величества!

— Не буду, — ответил тот. — Добрый день.

Положив кольцо на стол, я присовокупила к нему карточку с тщательно выписанным заклинанием и сказала:

— У меня есть правнук, которому принадлежит ресторан «Олений рог» в Люнденвике. Три года назад при расширении ресторана он купил соседний дом, в котором обнаружилось привидение. Вернее, призрак маркиза Делиньяка, гуляки и заядлого дуэлянта, убитого собственной любовницей в этом самом доме. Делиньяк теперь работает начальником охраны в ресторане...

— В призрачном виде? — не удержался от вопроса король.

— Именно. Говорит, что это очень удобно. Ну так вот, с тех пор я заинтересовалась вопросом посмертного существования, различных его форм, способами удержания и изгнания сущностей и тому подобным. Было у меня и еще несколько опытов в этой области...

— Способы удержания — это то, о чем я думаю? Привязка к предмету, к кольцу?

— Да.

— Хорошо. Гюнтер... — Луи XI посмотрел на призрака и покачал головой. — Вот Тьма, странно себя чувствую, разговаривая с умершим.

— А вы считайте, что это такая оригинальная форма жизни, ваше величество, — неожиданно усмехнулся Форарльберг. — Очень интересная получается точка зрения!

— Да... Это мы с вами потом обсудим, а пока, Лавиния, расскажите мне, что произошло?

— Видите ли, ваше величество, странным образом две истории сплелись в одну. Форарльберга убили в конечном итоге из-за отбора невест.

— То есть как?

— Скажите, Гюнтер, как вы составляли финальный список? Ведь в том перечне, который передала вам служба старшей статс-дамы, было гораздо больше имен.

— Конечно! Я проверил и вычеркнул больше двадцати фамилий, — ответил призрачный секретарь.

— И чем вы руководствовались?

— Ну-у... были исключены все девушки, не получившие высшего образования, не обладающие магической силой, безупречной внешностью. И еще я удалил тех, кто имел родственников на высоких государственных постах.

— Вот именно. Один из таких родственников с этим не согласился. Он шел на встречу со своими наемниками, когда вы его заметили... И испугался.

— Имя? — жестко спросил король.

— Кристоф Жан Бельтран, маркиз Луанне. Дайте мне закончить, прошу вас, ваше величество! Луанне никуда не денется, сегодня он не ждет своего помощника и, значит, не скроется.

— Мне кажется, что он вообще не станет скрываться, а займет позицию «меня оболгали», — предположил Грунгах.

— Мне тоже так кажется, — согласился Форарльберг. — И... простите, Лавиния, но слова мага-недоучки против члена Государственного совета... не пляшут.

— Не пляшут. Поэтому мои коллеги будут искать и найдут доказательства его участия... — Тут я замолчала, потому что мысль, пришедшая мне в голову, была интересной и перспективной. — Скажите, ваше величество, а как Госсовет вообще пришел к идее, что вам нужна новая жена?

— Понятия не имею! — пожал плечами король. — На заседании был поднят этот вопрос, и голосование... Хм, я не могу вспомнить, кто первым озвучил эту идею.

— Думаю, что Луанне до заседания какое-то время вербовал себе сторонников, — предположил Грунгах. — Мог кому-то доверить высказать предложение.

— Сейчас проверим!

Король опять вызвал нового секретаря, и через короткое время мы вчетвером просматривали протокол.

— Вот! — Призрачный палец уперся в строку, где синим по белому было написано: «Маркиз Луанне вносит предложение...»

— Значит, сам, круг замкнулся. Лавиния, давайте вы расскажете нам, почему решили, что в списке невест присутствует незримая одиннадцатая кандидатура?

Я достала из пространственного кармана и положила на стол упомянутый перечень девиц с моими пометками и коротко рассказала, как обнаруживала в каждом из поместий что-то компрометирующее, да и с жительницами Лютеции не все оказалось в порядке. Закончив обзор, поглядела в глаза королю и добавила:

— Если вы этого хотите, ваше величество, есть причина и повод для того, чтобы наехать на Госсовет, сильно сократить их полномочия и под этим соусом отказаться от нового брака. Хотите?

В наступившей тишине слышно было, как в дворцовом саду брякнула о тележку лопата садовника.

— Нет, — ответил наконец Луи XI и повторил: — Нет. Они удобны мне, пусть остаются в прежней форме. Лучше я прижму каждого по отдельности и заставлю работать только на меня. Ну а у Луанне будет возможность выбора...

И он улыбнулся так, что на месте Кристофа Жана Бельтрана я бы уже паковала чемоданы для путешествия без возврата куда-нибудь в Нью-Зееланд.

ГЛАВА 11

Из Степи я вернулась второго августа, как раз вовремя, чтобы встретиться со своей небольшой командой и обговорить все детали.

Двор его величества Луи XI отправлялся в Довиль на королевские скачки, так что соваться сейчас во дворец было все равно, что открыть портал среди бегущего стада яков: собьют с ног и затопчут моментально. Поэтому мы встретились в моем любимом заведении, в «Старом гоблине», хотя Гарланкер и крутил носом.

Вот чем еще хорош «Гоблин» — ничто в нем не меняется. Ну разве что вино привезут другое. Впрочем, «Сансер», который предложила мне в прошлый раз госпожа Шарро, был так хорош, что по моей просьбе совсем небольшой, двадцатилитровый баррик был оставлен в погребе лично для меня.

— Итак, — сказала я, когда все расселись вокруг стола, — последний этап нашей игры. Грунгах, ты отправляешься в Довиль с его величеством?

— Да, — прогудел орк. — Завтра в пять вечера. Размещаемся, естественно, в летнем дворце, программу по дням уже согласовали.

— Тогда предлагаю начать вот с чего. Траси, рассказывай нам о королевских скачках, а эрхэм Грунгах будет дополнять.

— О скачках... — Анри оживился. — Хорошо. Королевские скачки в Довиле проводятся уже двести пятьдесят лет, с тысяча восемьсот тридцать шестого года...

— Двести пятьдесят один, — педантично поправила Валери.

— Хорошо, двести пятьдесят один, — покладисто согласился он. — Обычно они занимают пять дней, начинаются в первый вторник августа.

— То есть в этом году с четвертого числа, — согласился Грунгах.

Я молча раскуривала трубку, наблюдая за странной компанией. Орк, глава охраны короля Галлии; гном, свободный художник; Анри, аристократ до кончиков пальцев, сын заместителя главы казначейства его величества, и Валери, приютская девочка, его невеста; я, их преподаватель. Что, кроме проблемы с выбором невесты для короля, могло свести нас вместе?

Да что угодно, вообще говоря. Жизнь — странная штука.

— Первый день скачек начинается с выступления танцующих лошадей липицианской породы, — соловьем разливался Анри. — Традиционно в этом искусстве соперничают две школы, вьеннская и из Хереса; в этом году, насколько мне известно, выступают мастера из Острейха. А продолжением будут соревнования лошадей в возрасте двух лет, гладкие скачки на полтора километра. Программу второго дня устроители держат в тайне, но она, разумеется, уже всем известна. В этом году будут состязаться наездники на эллинских колесницах, ну и вечером тематический бал-маскарад. Следующий день — скачки трехлеток на два километра с барьерами и жокеи весом до пятидесяти восьми килограммов, а вечером дадут оперу под открытым небом. Говорят, в этот раз приедет сама Соня Мингард и ставят «Волшебную флейту». На четвертый день лошади отдыхают...

— Какие ж это скачки, если лошади отдыхают? — пробурчал недовольный Гарланкер.

— Таковы традиции, — пожал плечами Анри. — В самом начале укладывались в три дня, и лошадей было немного, поэтому им давали отдохнуть перед большой скачкой. Так вот, четвертый день отдан проведению яхтенной регаты. Экипаж из пяти непрофессиональных яхтсменов может выставить кто угодно — город, гильдия, семья, учебное заведение. Два года назад победила команда из Биаррица, а год назад — из университета Клакаманншира...

— Участвуют игроки не только из Галлии? — удивилась Валери.

— Со всего мира, — с гордостью ответил Анри. — Хоть из Парса. Если там кто-нибудь держит яхты. Так вот, к пяти любителям присоединяется один профи — шкипер, он же член жюри. Команда должна не только пройти заданный отрезок пути за самое короткое время, но и показать умение сливаться с управляемой яхтой, вязать узлы, маневрировать судном, пытаясь использовать направление ветра в свою пользу, решать морские ребусы и искать выход из ситуаций. И, кроме того, это должно быть зрелищно! Яркие паруса, солнце, ветер, крики болельщиков...

— Дождь... — добавил гном.

Анри пожал плечами.

— Ну и дождь, подумаешь! Зрители под навесами, а на борту ты все равно мокрый как мышь от брызг, да и от того, что бегаешь.

Я выпустила колечко дыма и сказала:

— Вернемся к регламенту скачек, о яхтах поговорим в другой раз.

— Да, прошу прощения... Итак, главный день — последний, пятый. Начинается он торжественным выездом его величества и наследного принца на лошадях — победителях прошлого года. Кстати, в этом году под его высочеством Леопольдом будет трехлеток из нашей конюшни, — тут Анри смешно надулся, — который в прошлом году выиграл гладкую скачку. Ну, ясное дело, фанфары, герольды, дамы бросают цветы...

— Эрхэм Грунгах, а вместе с цветами не полетит, например, какая-нибудь огненная стрела или что-то еще более смертоносное? — вежливо поинтересовалась практичная Валери.

— Видите ли, госпожа Дюнуа, на его величестве и принце Леопольде универсальные щиты, а также купол над нолеом ипподрома. — Орк улыбнулся, сверкнув клыками. — Я бы не советовал кому бы то ни было пробовать... как вы сказали, что-то смертоносное. Ни магическое, ни физическое.

— Но цветы же долетают?

— Долетают. До купола.

— А-а, ну ладно. Рассказывай дальше, трубадур!

— Дальше... Ты меня сбила! А, так вот: торжественный выезд, затем его величество поднимается в свою ложу, и начинается главное конное состязание на кубок короля. Лошади от четырех до шести лет, дистанция три километра, жокеи весом до шестидесяти килограммов, скачка с препятствиями. Это самая сложная формула, поскольку помимо высоких барьеров на дорожке будут рвы, заполненные водой. Проводится в два этапа: сперва общий, обычно это семь-восемь лошадей в каждом из трех заездов, потом девятка победителей. Ну и вечером бал, награждение победителей и приз дамам за лучшую шляпку, присуждаемый принцем.

— Шляпку? — Валери была потрясена. — Шляпку?! А предупредить меня было нельзя?

— Что ты волнуешься? — Анри пожал плечами. — Сейчас сходим и купим.

— Я тебе этого в жизни не прощу! — холодно ответила Валери и повернулась ко мне. — Госпожа профессор, в чем наши функции?

— Вы должны найти на трибунах семь девушек, которых уже знаете, и показать их почтенному Гарланкеру. Лучше, если это произойдет в первый день, но тут уж как получится. Ну и далее смотреть в оба, мало ли что. Жить вы будете...

— У моей семьи дом в Довиле, так что мы остановимся в Отель де Буа, — поспешно ответил Анри. — Не спорь, милая, так будет удобнее для работы.

— Хорошо. — Я кивнула. — Фенгари, тебе забронирована комната в пансионе «Молот и секира», вот билет на поезд, как ты просил, — с двумя местами для багажа.

— А как же иначе? — Борода гнома воинственно встопорщилась. — У меня бумага особая, может, в вашем этом Довиле и нет такой. И краски специальные для портретов, я же не маляр какой!..

— Хорошо-хорошо, надеюсь, двух багажных секций достаточно для всего этого. Место на трибуне тебе не нужно, будешь сидеть в ложе семейства Буа-Траси.

— А вы, госпожа профессор? — в один голос спросили студенты.

— А я вас найду! Все, идите, собирайтесь!

Когда мы остались вдвоем, Грунгах посмотрел на меня с легкой усмешкой и приподнял бокал с вином.

— Если бы у тебя не было собственных детей, внуков и правнуков, я подумал бы, что это что-то вроде замены.

Я немного смутилась.

— Ну, у меня уже даже правнуки взрослые. И потом, хорошие ведь ребята, первые в своем потоке!

— Конечно, хорошие, я и не спорю. Просто ты их так трогательно опекаешь... Ладно-ладно, не будем об этом, поговорим о деле. Итак, трех ты вычеркнула?

— Да.

— А среди оставшихся семи, сознайся, у тебя есть фаворитка?

В ответ я лишь пожала плечами. Конечно, есть, но я и себе самой ее не называю пока...

Трибуны сверкали яркими красками в солнечных лучах. Анри не упомянул еще об одном правиле доவில்ских скачек — в первый день все дома Галлии, имеющие свои ложи на этом ипподроме, надевают одежду в средневековом стиле и обязательно фамильных цветов с гербами. Очень удобно, кстати, если хочешь скрыться: снял, к примеру, золотой с зеленым плащ, надел обычные джинсы и уходи на трибуны для зрителей. Никто не найдет.

Примерно так я и поступила. Села на скамейку, достала трубочку, поделилась табаком с соседом-сыроваром, попросила огонька у рыбака, сидящего рядом выше, и потихоньку включилась в беседу. Говорили, ясное дело, о ставках, фаворитах и шансах того или иного участника, но вообще в гладких скачках особых сюрпризов не ожидалось. Ухо у меня дернулось, когда где-то сзади прозвучало знакомое прозвище — Старая Мадам. Госпожа Ролон де Касси оклемалась, и настолько, что намерена лично просить его величество проявить снисхождение к ее правнучке Лилиане.

— А в чем девица виновата? — спросила я лениво.

— Э, дамочка, вот и видно, что вы не здешняя. Лилиана не первый год здесь, на ипподроме, дела крутила, ей, почитай, все жучки дань платили, да и пара больших букмекерских контор вроде ей принадлежала.

— Да ну? Видела я эту особу, ей лет двадцать с небольшим, когда ж она успела?

— Сколько? Это кто вам так сказал? Или вы верите тому, что в паспорте написано? — хмыкнул усатый дядька, по цепкости взгляда смахивающий на таможенника. — Лилиане семь лет назад тридцать стукнуло, просто выглядит такой свеженькой.

Хм. Странно... Амулета свежести у нее не обнаружили, да и забирают все амулеты при аресте. А когда я посмотрела на достойную правнучку Старой Мадам через потайное окно допросной комнаты, выглядела она даже моложе двадцати!

— Магичка, что ли? — с досадой я выбила остатки табака из погасшей трубки.

— Насчет магии не знаю, только дед ее по отцу в свои сто с лишним и на пятьдесят не

смотрится.

— Это который весь больной и в круиз отбыл для лечения?

— Да он такой же больной, как я королевский племянник! — хмыкнул усатый. — Дела у них в империи Майя, вот и отправились. Дай-ка мне, подруга, еще твоего табачку, хорош! Это у тебя что, «Капитанский»?

— Нет, — машинально ответила я. — Клакаманнширский «Петерсон». Бери еще да расскажи мне, кто где сидит на трибунах для знати, ты в курсе?

«Ай-ай-ай, — думала я, слушая вполне деловой рассказ о ложах и фамильных гербах. — Ой-ой-ой. Недооценили мы Лириану... Кажется, вот так, с дымом трубки мне ветром надуло новое дело...»

На самом деле я давно уже нашла взглядом почти всех действующих лиц заключительной части нашей сказки. Ну сказки же заканчиваются свадьбой?

Вон прямо напротив меня — цвет синий с золотом и герб с разрушенной башней и крылом. Граф ла Мезьер и его Симона. Интересно, пахнет ли до сих пор у них в поместье гарью?

Чуть правее и ниже — лиловый с бледно-зеленым, герб — конь, вставший на дыбы, плюс обрамление щита из виноградных ветвей. Скавуа де Рикар. Рядом с Франсуазой сидит мачеха и... ну, видимо, его надо считать сводным братом, дамы улыбаются. Хорошо, значит, проблемы ликвидированы.

Если вытянуть шею и посмотреть на королевскую ложу, то справа от нее можно разглядеть белый, зеленый и золотой цвета. Герб отсюда не виден, но я и так знаю, что это мантикора. Герцог де Немур с семейством.

Не вижу д'Альбонов, не вижу Орелье, но это не проблема, главное, чтобы их всех увидел Гарланкер.

Увидел и написал.

К концу второго дня я начала волноваться: ни мне, ни студентам не удалось найти на ипподроме шевалье д'Альбона и Адалаис. Но, помнится, шевалье мне твердо обещал привезти сюда дочь. Что-то случилось? Если завтра не появятся, придется связываться с коллегами в Авиньоне и просить проверить, кое-что они мне задолжали за бронзовую кошку.

Возможно, кому-то покажется странным, что мы рассчитывали увидеть кого-то на волнующихся трибунах среди четырех с лишним тысяч зрителей, но вот это-то не проблема: магический поиск, усиленное зрение, некоторые другие способы...

И все же, куда делась семья д'Альбон?

Ответ на этот вопрос нашелся на третий день соревнований, точнее, незадолго до их начала. Я — человек не азартный, вернее, мой азарт проявляется в иной сфере. Поэтому в первой половине дня я решила пройтись по берегу, подышать океанским воздухом, подумать...

Отлив обнажил мелкий серо-золотистый песок, оставил ракушки, небольшие лужицы, в некоторых трепыхались рыбки. Я шла вдоль кромки воды, зачерпывая босыми ногами мокрый песок, когда за спиной закричали:

— Смотри, смотри, какая красавица!

Дернувшись — странно как-то вот так орать во всю глотку о женщине, — я обернулась.

Речь шла о яхте. Но она и в самом деле была хороша, словно юная невеста или летящая чайка. Изящные обводы, легкий силуэт, кажется, чуть сильнее ветер — и команда

поднимет ее к облакам.

Кстати, о команде: взглядевшись получше, — я даже усилила зрение магически, чтобы не ошибиться, — разглядела среди пятерых загорелых хохочущих яхтсменов потерявшуюся девушку. Так вот почему Адалаис не было на трибунах! Конечно же, завтра день регаты, и шкиперы гоняют их всех на тренировках с утра до вечера.

Ну что же, прекрасно, теперь Гарланкер сможет написать последний, седьмой портрет...

ГЛАВА 12

В приемной его величества теперь было два личных секретаря, живой и призрачный. Один сидел за столом и вносил исправления в какой-то текст на компьютере, второй висел у него над плечом и педантично проверял.

— Добрый день! — поздоровалась я.

— Госпожа Редфилд! — вскочил материальный секретарь Кристиан Марсалье. — Пожалуйста, подождите несколько минут, у его величества совещание.

— Не вопрос! — махнула я рукой. — Как у вас тут весело стало!

— Ну что ты, — усмехнулся призрак. — Весело бывает, когда какая-нибудь дама заходит или кто-то из провинции, еще не знающий о моем присутствии.

— Ты же можешь скрыться с глаз? — немного удивилась я.

— Скрыться? И испортить все удовольствие? — Форарльберг был удивлен куда больше.

— Я давно подозревала, что пребывание в нематериальной форме сильно растормаживает... А некоторым даже портит характер!

Ответить он не успел, поскольку послышались голоса, и из кабинета стали выходить участники совещания. Со многими я была знакома, как, например, с главой стражи Галлии или государственным казначеем, других знала в лицо. Неизвестным мне был лишь один эльф, вышедший последним.

К чести совещавшихся, на призрак они обратили столько же внимания, сколько и на Марсалье.

Форарльберг скользнул в кабинет, а я спросила:

— Кристиан, это кто был?

— Личный контролер его величества. В настоящее время занимается Госсоветом.

— Эльф?

— Гражданство Галлии.

— Как интересно... Откуда он взялся?

Ответить Марсалье не успел, поскольку вернувшийся Фор сказал мне:

— Проходи!

Его величество Луи XI сидел не за столом, а на удобном диване, и на журнальном столике перед ним стояла чашка кофе, рюмка келимаса и кофейник.

— Добрый день, ваше величество. — Я слегка поклонилась.

— Госпожа Редфилд, рад вашему возвращению! Что-то вы задержались в Довиле... — усмехнулся он. — Кофе хотите?

— Спасибо, нет. А задержалась я по двум причинам: во-первых, выполняла ваше поручение, во-вторых, завершила расследование внезапно свалившегося мне в руки дела.

— Это интересно. О расследовании расскажете позже, а сейчас мне хотелось бы услышать, на какой стадии... э-э-э... выполнение поручения. Помните, мы остановились на том, что к списку кое-кто желал добавить одиннадцатую кандидатуру.

— Да, ваше величество. По различным причинам список был мною сокращен до пяти кандидатур.

— Много. Я надеялся, что останется две или три.

— Проблема выбора, ваше величество, — развела я руками. — Но, возможно, она не будет столь уж сложной.

Запустив руку в пространственный карман, я достала оттуда пять рисунков на картоне. Закрученный мною легкий вихрь отнес кофейник и чашку на рабочий стол, а на освободившейся поверхности я разложила листы.

Франсуаза Скавуа де Рикар — темные волосы, тонкий нос, большие темно-серые глаза под тяжелыми веками, высокие скулы, легкая улыбка на губах. Под кистью Гарланкера она получилась похожей то ли на богиню правосудия, то ли на одну из эринний, богинь мести. Ну не знаю, не мне жениться, но я бы воздержалась.

Симона ла Мезьер. Золотые косы, голубые глаза, кажется, от тонких пальцев исходит сияние, могущее успокоить головную боль или залечить боль душевную. Тьма его знает, как художнику это удалось, но сразу ясно, что изображена целительница.

Адалаис д'Альбон — светло-русые волосы, темные брови, нежный румянец. Ее гном написал такой же, какой увидела в последний раз и я: на борту яхты, хохочущую, с пенящейся волной у босых ног.

Мелани де Буалье — зеленые глаза, рыжевато-каштановые волосы, лукавая улыбка... Счастье, светящееся в этой улыбке и расплескиваемое на всех вокруг.

Камилла де Виньо. Темно-карие глаза, почти черные волосы, очень белая кожа. Тонкие черты лица и немного смущенная улыбка. Гарланкер изобразил ее среди плодоносящих яблонь в венке из желтых и красных листьев...

Да, на месте короля я бы затруднилась с выбором.

Улыбнувшись, Луи XI встал, подошел к портюере, закрывающей часть кабинета, и отдернул ее. Вот тут я остолбенела: там, на невысоком постаменте стояла огромная клетка, в которой сидела большая светло-серая сова.

Восьмого сентября, за неделю до начала занятий я сидела в шезлонге в саду своего дома рядом с кустом каких-то особо редких георгинов нежно-лилового цвета и делала вид, что читаю «Вестник Академии магического искусства Лютеции», когда возле моего левого локтя возник Бакстон, дворецкий.

— К вам студенты, ваша милость, — чопорно сообщил он.

Мой дворецкий отчего-то не одобряет, когда ученики посещают меня дома. И еще он упорно называет меня «ваша милость», как положено баронессе. Я бы предпочла более привычное «коммандер», ну так кто ж меня слушает?

— Так пусть идут сюда, — ответила я, лениво приоткрыв один глаз. — Много их там?

— Двое, ваша милость.

— Вот и пусть идут. Подайте стулья и... сок какой-нибудь, что ли.

— Слушаюсь, ваша милость.

Снова закрыв глаза, я начала погружаться в нирвану, из которой меня вывел пронзительный голосок Валери Дюнуа:

— Госпожа профессор! Вы слышали новости?

— Сядь, девочка, и не кричи так громко! — Я взглянула на нее, прикрывая глаза ладонью. — Что случилось, нашли дорогу в Атлантиду?

За плечом Валери маячил ее жених Анри де Бюссон де Буа-Траси, и вид у него тоже был взбудораженный.

— Атлантиду? Откуда?.. Да нет, ерунда какая! При чем тут Атлантида?

— При том, что меня в последнее время интересует именно она! — Я стряхнула с себя сонную одурь, села поправее и нахмурилась.

Вообще-то, нахальство с их стороны вот так врыватья с воплями... Или что-то произошло, действительно требующее моего внимания?

— Вот! — Валери сунула мне в руки свежий номер «Фигаро». — Читайте на первой странице!

Я повертела газету, уперлась взглядом в первую страницу и нашла официальное сообщение:

«Его величество король Галлии рад сообщить своим подданным о принятом решении сочетаться браком до конца 2186 года».

— Ну и что? — подняла я глаза на студентов. — Кажется, мы с вами узнали об этой идее одними из первых!

— Вы имя невесты прочли?

— Нет, но могу предположить...

— Предполагайте! — Нахальный мальчишка вытащил у меня из рук газету, и я не успела заглянуть дальше.

— Полагаю, что это должна быть Адалаис. Во всяком случае, именно ее портрет дольше всего задержался на рабочем столе его величества.

— Призрак в шпионах — это здорово, конечно, — ехидно проговорила Валери. — А теперь, дорогой, верни госпоже профессору газету.

«Нашей супругой станет ненаследная принцесса империи Чинь ее высочество Вэнь Чен», — прочла я.

Журнал полетел с моих колен в одну сторону, трубка и газета в другую. Я вскочила, готовая бежать, драться...

Когда к кустам георгинов на шум прибежал Бакстон, он застыл в изумлении: по лужайке были разбросаны газета, журнал, трубка, пепельница, стулья. А все трое — профессор и ее студенты — хохотали, утирая слезы.

Я подняла на него глаза и проговорила сквозь смех:

— Чиньская принцесса, Бакстон! Как он нас сделал, а?

Примечания

1

Энолог — специалист в области виноделия, который обладает знаниями и умениями как по выращиванию винограда, так и по производству и хранению вина.

2

От предмета к душе хозяина (*кельт.*).

3

Найди (*кельт.*).

4

Направление (*кельт.*).

5

Конец *(кельт.)*.

6

Сорт роз.

7

Узнать истину (кельт.).

8

Чистый воздух, легкое дыхание (*кельт.*).

9

Удар кулака (*кельт.*).

10

Сливки общества (фр.).

11

Канун Дня всех святых, Хэллоуин.

Салический закон, регулирует семейные, имущественные и прочие отношения (*лат.*).

Сюрикен — японское метательное оружие скрытого ношения. Представляет собой небольшие клинки, изготовленные по типу повседневных вещей: звездочек, игл, гвоздей, ножей, монет и т. д.

14

В следственном отделе городской стражи Галлии чин полковника.